

*«Я научилась просто, мудро жить,
Смотреть на небо и молиться Богу».*

Анна Ахматова

О жизни и творчестве художницы Элизабет Виже-Лебрен
читайте на странице 63.

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Гордый дух** 4

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Феодора Сугдейская** 22

Рассказ

Ольга Степнова **Некрасивая** 36

Поэзия

Владимир Кочетков **Стихи** 60

Шедевры

Ирина Опимах **Элизабет Виже-Лебрен.
Очаровательная портретистка** 63

Замечательные современники

Виктор Ом **Федор Конюхов:
«Я, прежде всего, — художник»** 76

Елена Воробьева **Александра Зарубина:
«Сколько себя помню —
я пела всегда»** 88

Евгения Гордиенко **Ольга Волкова. Женщина,
влюбленная в жизнь** 98

Логунова шутит

Елена Логунова **Блокчейн для «чайников»** 95

Посмеемся вместе

Варвара Лихно **Феминизм и улыбка** 106

Минувшее

Алла Зубкова **Гильотина для королевы** 112

Детектив

Наталья Солдатова **«Божья коровка»** 132

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Натан Альтман
«Портрет Анны Ахматовой»

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7700

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.02.2018

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

« Не многие знают, что во время Первой мировой войны, прямо на передовой сражались не только солдаты и боевые офицеры, но и представители императорской фамилии. Среди них был и князь Олег Константинович Романов, участник боевых действий в Восточной Пруссии. По иронии судьбы, он был едва ли не единственным мужчиной в семье Романовых, который предпочитал военной форме штатский костюм и готовился к гражданской службе, а не к военной карьере. Но чувство долга перед Отечеством оказалось сильнее личных пристрастий.

Светлана **Бестужева-Лада** «Светлый князь»

« С именем этого актера связана целая эпоха — в кино и театре. Он был народным артистом не по «назначению сверху», а по своей истинной сути. Ему вручали призы Венецианского и Берлинского кинофестивалей, признавали лучшим актером года на церемонии вручения премий «Ника». А он всю жизнь оставался скромным, деликатным и отзывчивым человеком, совсем не похожим на своих «железных», уверенных в себе сценических и экранных персонажей. Коренастый, с грубоватыми чертами лица, Михаил Ульянов был в душе романтиком, идеалистом, «рыцарем добра и справедливости».

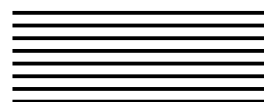
Георгий **Кричевский** «Воплощение русской души»

« Об Александре Матвеевиче Понятове, нашем соотечественнике, изобретателе видеомэгафона и основателе всемирно известной фирмы «Ампекс», в нашей стране долгие годы ничего не было известно. О его многочисленных изобретениях знал только ограниченный круг специалистов, хотя еще при жизни великого изобретателя считали техническим гением. И лишь сравнительно недавно благодаря усилиям равнодушных людей и поискам его внучатого племянника Николая Комисарова он, наконец, «вернулся» на родину.

Владимир **Братченко** «Великий инженер»

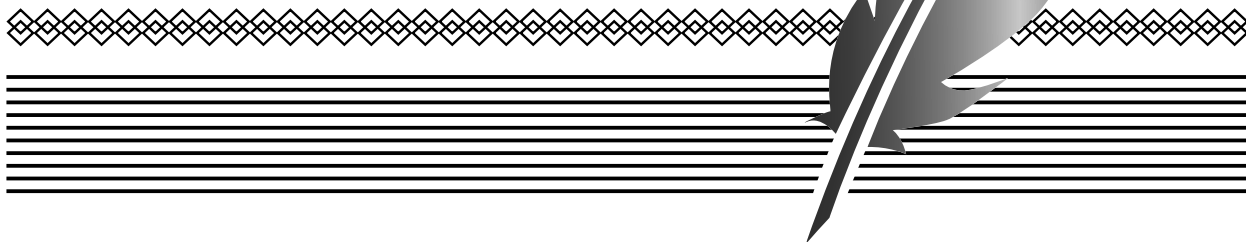
« Остросюжетный роман Леонида **Млечина** «Пока я не скажу: "Прощай!"»

ГОРДЫЙ

Юрий Осипов

ДУХ

Анна Андреевна Горенко, которую мир узнал под ордынской фамилией ее прабабки — Ахматова, познала золотую пору славы и почитания в юности, авансом на будущее, и — в старости, наградой за стойкость и достоинство долгой, многотрудной, трагической жизни, наполненной трудом, горестями и свершениями.

Ее рисовал в Париже влюбленный Модильяни. Ею восхищались творцы Серебряного века, которому она принадлежала. Ее позвал в жены блестящий поэт и офицер Николай Гумилев, образовав с Ахматовой и Мандельштамом новое литературное направление — акмеизм. Брачный

союз двух ярких, самобытных и еще очень молодых поэтов оказался, увы, совсем недолог. Ахматовой довелось пережить расстрелянного большевиками мужа, тюремную разлуку с единственным сыном (семнадцать месяцев проведя с передачами в страшных тюремных очередях), а затем многолетнюю, вплоть до ее смерти, размолвку с ним.

Она провожала в воронежскую ссылку друга молодости, собрата по перу Осипа Мандельштама, сгинувшего затем в лагерях. А на склоне лет собирала в тот же лагерный путь своего ученика и преемника, будущего нобелевского лауреата Иосифа Бродского...

Послевоенное Постановление ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград» почти на десятилетие превратило Ахматову и Зощенко в «неприкасаемых». Жить ей, кроме скудных гонораров за переводы, было тогда практически не на что. Комнаты в Царском Селе под Ленинградом она лишилась, а, приезжая в Москву, кочевала по квартирам друзей, останавливаясь, чаще всего, у Ардовых и вдовы Мандельштама, Надежды.

Ничто человеческое Ахматовой было не чуждо. Могла выпить в компании водки, за которой сама же и посылала, если заводилась лишняя копейка. После трагической гибели Гумилева у нее случались любовные увлечения, и она еще трижды побывала замужем. Но... без детей и, по сути, без счастья.

Анна Ахматова появилась на свет 23 июня 1889 года в семье потомственного дворянина, отставного флотского инженера-механика Андрея Андреевича Горенко и Инны Эразмовны Стоговой, которая принадлежала к творческой элите тогдашней Одессы. Темноглазая, горбоносая девочка родилась в южной части города, в доме на Большом Фонтане и была третьей по старшинству из шестерых детей супругов Горенко.

Год спустя родители Ани переехали в Санкт-Петербург, где глава семьи получил чин коллежского асессора и должность чиновника по особым поручениям Госконтроля. Казенную квартиру ему отвели в Царском Селе, с которым у будущей поэтессы были связаны все детские воспоминания. Няня водила девочку гулять в Царскосельский парк, и здесь ей впервые явилась тень Пушкина-лицеиста, ставшего ее путеводной звездой. Читать же она

Отец запретил дочери подписывать стихи фамилией «Горенко», и она взяла девичью фамилию прабабушки, по женской линии происходившей из старинного татарского рода Ахматовых, обрусевших в XVII веке.

Поэзия и Петербург. Он стал для девочки вторым источником вдохновения. Она навсегда влюбилась

П

оэзия и Петербург. Этот город стал для девочки вторым источником вдохновения. Она навсегда влюбилась в северную столицу, считала ее городом своей жизни и очень тосковала по Неве, петербургским улицам, паркам и площадям, когда пришлось уехать с мамой в Евпаторию, а после развода родителей — в Киев, где она и заканчивала последний класс гимназии

училась по азбуке Льва Толстого, а французский выучила еще в малолетстве, слушая, как учительница преподает его старшим детям.

Светскому этикету детей Горенко тоже учили дома, чтобы те не осрамились перед чиновными гостями. Стихи Аня начала писать в 11 лет и продолжала в Мариинской женской гимназии. Но поэзия впервые открылась ей не в стихах Пушкина и Лермонтова, а, по ее утверждению, в величественных одах Державина и в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос», которую с чувством декламировала у новогодней елки мама.

в северную столицу, считала ее главным городом своей жизни и очень тосковала по Неве, петербургским улицам, паркам и площадям, когда пришлось уехать с мамой в Евпаторию, затем в Киев после развода родителей. Ей тогда едва исполнилось шестнадцать, и последний класс гимназии она оканчивала уже в Киеве.

Стихи стихами, но продолжать образование Анна Горенко решила на Высших женских курсах, избрав юридический факультет. Юриспруденция, однако, показалась ей скучной до зевоты, хотя латынь и право вызывали у нее живой интерес. Вер-

нувшись в Петербург, она поступила на историко-литературные женские курсы Н. Раева. Начинаясь новая, волнующая пора.

Еще в Мариинской гимназии Анна познакомилась с одаренным молодым человеком, которого звали Николай Гумилев. Он обладал магнетическим влиянием на людей, сочинял романтические стихи и строю пышноволосяную гимназистку буквально очаровал. Они часто переписывались, а весной 1910 года обвенчались в Никольской церкви под Киевом. К тому моменту Гумилев был уже сложившимся, известным поэтом.

Медовый месяц молодые провели в солнечном Париже. Первая встреча Ахматовой с Европой, с Монпарнасом, с Моды (Модильяни)... Шум Больших бульваров еще стоял у нее в ушах, когда они возвратились в дождливый, ветреный Петербург.

Муж ввел Анну в литературно-художественные круги, где ее набирающий силу талант сразу заметили и по достоинству оценили, вкуче с царственной осанкой и смуглой красотой этой стильной поэтессы. В среде артистической богемы, на знаменитой «башне» Вяч. Иванова она пришлась ко двору, затмевая порой своего мужа, слывшего одним

из законодателей поэтической моды предвоенной поры.

Кризис символизма вывел в те годы на авансцену другие литературные течения — футуризм, акмеизм, и читающая публика вскоре познакомилась с самобытной акмеистикой Ахматовой. Ее ранние стихи — о любви. Это всепобеждающее чувство она будет воспевать и в последующие годы, радостно и с привкусом горечи, тоски, разочарования, но всегда с безоговорочной верой в любовь, которая дает силы жить. На склоне дней, испытав все превратности судьбы, пройдя через испытания и потрясения века, Ахматова назовет эти свои первые произведения «бедными стихами пустейшей девочки». И, конечно, будет несправедлива к ним. Тем более что именно они принесли ей первую известность и нашли множество читателей.

*То змейкой, свернувшись клубком,
У самого сердца колдует,
То целые дни голубком
На белом окошке воркует...
Умеет так сладко рыдать
В молитве тоскующей скрипки,
И страшно ее угадать
В еще незнакомой улыбке.*

Этим стихотворением «Любовь» открывался первый поэтический сборник Анны Ахматовой «Вечер», изданный в 1912 году «Цехом поэтов» всего тремя сотнями экземпляров с теплым предисловием яркого представителя Серебряного века Михаила Кузмина. В тот памятный год у молодой поэтессы родился

сын Лев, будущий крупный ученый, этнограф и историк. А в канун Первой мировой войны вышел ее второй сборник стихов «Четки», которым она заявила о себе как уже о сложившемся мастере и который принес ей подлинный читательский триумф. Протекция амбициозного мужа ей была больше не нужна. Ее поэтическое имя звучало теперь даже громче, чем имя Гумилева. Автору казалось, что книга любовной лирики потонет в грохоте военных событий. Однако «Четки» переиздавались в течение последующего десятилетия восемь раз.

В 1914 году Николай Гумилев ушел на фронт, и Анна Андреевна подолгу жила в имении Гумилевых Слепнево в Тверской губернии. Там она написала большую часть стихотворений, вошедших в ее третью книгу стихов — «Белая стая». Книгу напечатали большим тиражом в 17-м году. А в 18-м супружеская чета рассталась. Поэтесса вышла замуж за востоковеда, специалиста по Древнему Египту Владимира Шилейко. Брак этот оказался неудачным и продлился совсем недолго. А в 21-м Гумилева арестовали и, обвинив в причастности к контрреволюционному заговору, через несколько дней расстреляли, несмотря на активное ходатайство за него перед Лениным М. Горького.

Так сбылось жуткое стихотворное пророчество поэта о собственной участи: «...В красной рубашке, с лицом, как вымя, \\ Голову срезал палач и мне. // Она лежала вместе

С мужем Николаем Гумилевым и сыном Львом

с другими \ \ Здесь, в ящике скользком, на самом дне».

Трагическую гибель бывшего мужа и отца ее единственного ребенка, человека, который ввел ее в мир поэзии, Анна Андреевна переживала очень тяжело. Тем не менее, этот страшный год потрясений и потерь стал для поэтессы исключительно плодотворным в творческом плане. В апреле увидел свет сборник «Подорожник», а в октябре — «ANNADOMINIMCMXXI» (в переводе с латинского — «В лето Господне 1921-го»).

После развода с Шилейко поэтесса впервые официально получила фамилию Ахматова — ранее в ее документах значились фамилии мужей. В 1922 году она, не регистри-

руя брака, стала женой заместителя наркома просвещения А. Луначарского искусствоведа Николая Пунина. Таким же «незарегистрированным» оставалось ее положение в новой советской литературе. На Ахматову надвигалась пора преследований и гонений.

«Искусство — как ремесло, как священнодействие, как средство преобразования мира — было сущностью, определяющей характеристику круга, в который вошла, чтобы занять свое место, Ахматова». Свидетельства современников помогают нам сегодня понять канонический образ великого поэта ушедшей эпохи, поэта «на все времена». Вместе с тем, близко знавшие ее едино-

Анна Ахматова и Амадео Модильяни. В мастерской художника

душно подчеркивают, что она была человеком своего времени. «...В ней чувствовался тот изысканный лоск, по которому мы, петербургские жители, безошибочно узнавали людей, воспитанных Царским Селом... повышенная восприимчивость к музыке, поэзии и живописи, тонкий вкус, безупречная правильность тщательно отшлифованной речи, чрезмерная (слегка холодноватая) учтивость в обращении с посторонними людьми, полное отсутствие запальчивых, необузданных жестов...» (Корней Чуковский).

Сама Анна Андреевна любила говорить, что застала еще «краешек» эпохи, в которой жил Пушкин. Ее юность пришлась на расцвет рус-

ского модерна, а зрелые годы — на развитие советской литературы, частью которой она так и не стала. С юности больная туберкулезом, Ахматова до конца жизни удивлялась, что прожила столь долго (76 лет). Причем, добавим, не меняясь. И весь этот срок ее сопровождали избранные писатели, поэты, художники, композиторы, артисты, боготворившие ее.

Жизнь Ахматовой в советское время была не богата внешними событиями, вернее, лишена их. «Изолированная, но сохраненная» (так Сталин распорядился относительно участи Михаила Булгакова), поэтесса вынужденно замкнулась в тесном кругу ближайших верных друзей и,

разумеется, в творчестве. С середины 20-х годов перестают печатать ее новые стихи и переиздавать старые, хотя она признана классиком отечественной литературы, чье

этаже служебного корпуса на улице Халтурина, комната в нарышкинском особняке на Сергиевской улице, квартира подруги Ольги Глебовой-Судейкиной на набережной

Жизнь Ахматовой в советское время была не богата внешними событиями, вернее, лишена их. «Изолированная, но сохраненная», поэтесса вынужденно замкнулась в тесном кругу ближайших друзей и, разумеется, в творчестве. С середины 20-х годов перестали печатать ее новые стихи и переиздавать старые, хотя она была признана классиком отечественной литературы, чье имя по-прежнему было окружено немеркнущей славой

имя по-прежнему было окружено немеркнущей славой.

Последний сборник стихов вышел в 1924 году. «Провокационные», «упаднические», «антикоммунистические» стихотворения. Такое клеймо стоило Ахматовой дорого. Она находилась теперь под пристальным вниманием НКВД. Писала «в стол». Увлечлась архитектурой старого Петербурга. И — скиталась по его адресам. Тучков переулок, где они жили с Гумилевым, ласково называя свое небольшое уютное жилище «Тучкой», канул в Лету. Так же, как и «Пагода» на Большой Пушкинской. Потом будут квартира Шилейко в северном флигеле дворца Шереметьева или Фонтанного дома, угловая квартирка во втором

Фонтанки, рядом с последним пристанищем Пушкина...

Впереди Ахматову ждали еще более тяжкие испытания. В середине тридцатых начались изматывающие душу переживания, страх за судьбы родных. Прежде всего, за сына Левушку. Поздней осенью 35-го прозвучал первый зловещий звонок: одновременно были арестованы муж, Николай Пунин, и сын. Правда, их через несколько дней освободили, но покоя в жизни Анны Андреевны больше не было. С этого момента она почувствовала, как кольцо преследования вокруг нее неотвратимо сжимается.

Спустя три года сына вновь арестовали и приговорили к пяти годам лагерей. Изможденная мать носила

сыну передачи в Кресты. *«Нет, и не под чуждым небосводом, \\ И не под защитой чуждых крыл, — \\ Я была тогда с моим народом, \\ Там, где мой народ, к несчастью, был».*

Эпиграф к знаменитой автобиографической поэме «Реквием» был написан в 1961 году, а сама поэма о чувствах жен и матерей репрессированных «врагов народа» — в ту страшную пору. Ахматова имела право сказать, что *«такой судь-*

бы не было еще ни у одного поколения».

Все годы заключения сына мать отчаянно пыталась добиться его освобождения. Безуспешно писала просьбы и покаянные письма в Политбюро. Словно в насмешку, Ахматову в 1939 году «заочно» приняли в недавно образованный Союз советских писателей. Заявления с просьбой о приеме она не подавала, но решила воспользоваться

эпохи. Подобно столь же одаренной сестре «по музе, по судьбам», Марине Цветаевой, с которой впервые встретила в июне 41-го в Москве накануне эвакуации в Ташкент. У Цветаевой, недавно вернувшейся из эмиграции с маленьким сыном и вскоре расстрелянным мужем, бывшим белогвардейцем, а затем тайным агентом НКВД, отчаяние возоблагодало над волей к жизни. В прикамской Елабуге она покончила с собой. А Анна Андреевна продолжала жить, невзирая ни на что.

Мне голос был. Он звал утешно.

Он говорил: «Иди сюда,

Оставь свой край глухой

и грешный,

Оставь Россию навсегда»...

Но равнодушно и спокойно

Руками я замкнула слух,

Чтоб этой речью недостойной

Не осквернился гордый дух.

В стихотворении 1917 года выбор поэтессой был сделан безоговорочно, на всю жизнь. «Я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа... Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных». В освобожденный от блокады Ленинград Анна Андреевна вернулась в 44-м. «Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою встречу с ним в прозе...». Крыши над головой у поэтессы больше не осталось, и она вскоре переехала из Ленинграда в Москву, теперь уже на постоянное жительство. Но и там долго еще скиталась

по случайным комнатам и квартирам, стойко перенося очередное отлучение от литературы с вполне реальной угрозой ареста (на чем настаивал в служебной записке Сталину министр госбезопасности Абакумов), страдая из-за нового, к счастью, недолгого ареста мужа и повторного срока заключения сына.

К тому времени всегда отличавшаяся крайней худобой Ахматова очень сильно располнела и утратила ту исключительную природную гибкость, которой дивились в ее юности балерины Мариинского театра. Говорят, она могла с легкостью перегнуться назад и достать головой пола. В зрелом возрасте поэтесса приобрела величественную осанку, продолжая сохранять привычную власть над мужчинами. У нее были необычные глаза, менявшие, по словам современников, цвет — с зеленого на серый и небесно-голубой.

...Николай Гумилев влюбился в Анну Горенко с первого взгляда. А она сходила с ума по красавцу князю Владимиру Голенищеву-Кутузову, студенту, который не обращал на юную гимназистку никакого внимания. Страдала так, что даже пыталась повеситься на гвозде, слава богу, выскользнувшем из глиняной стены. Похоже, мать наделила ее своим фатальным невезением в любви. Гумилев ведь пронес любовь к ней через всю свою короткую жизнь, хоть и не пропускал вниманием ни одну хорошенькую женщину и имел внебрачного

*С сыном
Львом*

ребенка на стороне, о котором знали все.

Расставание с Николаем Степановичем, искренне не понимавшим, почему его дорогая жена, чьи стихи о любви он находил напыщенными и длинными, вызывает такой восторг у читающей молодежи, было непростым. После него у Анны отбоя не было от поклонников. Граф Валентин Зубов охапками слал ей букеты роз и трепетал в ее присутствии. Однако молодая поэтесса выбрала Николая Недоброво. Впрочем, и его вскоре сменил Борис Анрепа, которому она тоже дала отставку...

Личная жизнь Ахматовой, как и Цветаевой, с ее одним преданным мужем, всегда была достаточно сумбурной. Изменяли ей, изменяла она. Но, подобно Цветаевой, всю жизнь

жаждала настоящей любви, не желала довольствоваться малым и хотела чего-то большего, нежели обычный семейный покой (к старости, правда, уже мечтала только о нем). А до зрелых лет замужества приносили ей сплошные разочарования и мучения. Так что, расставшись с Шилейко, она обронила в сердцах: *«Развод... Какое же это приятное чувство!»*

Мягкий и обходительный Николай Пунин, приютивший у себя бездомную после развода с Шилейко поэтессу, тоже не сделал ее счастливой. Новая жена жила в квартире вместе с бывшей супругой мужа и его дочерью, сдавала заработанные деньги в общий котел на хозяйство. Приезжавший навестить мать Левушка спал в холодном коридоре и чув-

ствовал себя сиротой, вечно обделенным вниманием.

Встреча с интеллигентным врачом-патологоанатомом Гаршиным должна была вроде бы изменить личную жизнь Ахматовой. Но перед самой свадьбой тому вдруг якобы

приснилась покойная мать, умолявшая его не брать в дом колдунью (поэтесса порой образно называла себя так в стихах), и бракосочетание отменили.

Спору нет, жить с женщиной, наделенной огромным поэтическим

талантом, далеко не просто. Еще в ранней молодости Ахматова сложила стихотворение «Я научилась просто, мудро жить, \ \ Смотреть на небо и молиться Богу». Стихотворение заканчивается строфой: «Лишь изредка прорезывает тишь \ \ Крик аиста, слетевшего на крышу. \ \ И если в дверь мою ты постучишь, \ \ Мне кажется, я даже не услышу». «Мудро жить» она научилась только в преклонном возрасте, когда в дверь ее уже никто «не стучал». Зато пришло запоздалое признание на родине. В 1951 году поэтессу восстановили в Союзе писателей, а спустя два года Литфонд выделил

торой составляли жесткая кровать на кирпичках вместо ножек, сработанный из старой двери стол и памятный портретный рисунок Модильяни на стене, рядом со старинной иконой, принадлежавшей первому мужу.

Туда в числе близких друзей к ней наезжал начинающий поэт Иосиф Бродский. Ахматова его пестовала и гордилась им. Когда Бродского осудили на лагерный срок «за тунеядство», Анна Андреевна сказала Надежде Яковлевне: «Какую биографию делают нашему "Рыжему"!»! До вручения высланному за границу поэту Нобелевской премии она не

III

Широкий международный авторитет, репутация крупнейшей поэтессы столетия прорвали в 60-е завесу молчания над ее именем. Понемногу снова начали переиздаваться ее стихи, а в мае 64-го в музее Маяковского состоялся юбилейный вечер Ахматовой — Анне Андреевне исполнилось 75 лет. И все же официальная литературная критика и писательское начальство продолжали относиться к ней настороженно, отчужденно, как к «внутренней диссидентке», нехотя признавая ее роль и место в отечественной поэзии

ей крошечный деревянный домик в Комарово, дачном поселке под Ленинградом. Анна Андреевна это обретенное на старости лет собственное жилье очень любила и называла его «будкой». Веранда, коридор и одна комната, всю обстановку ко-

дожила. Но успела стать номинанткой на эту заветную награду. И — получить престижную итальянскую премию по литературе «Этна-Таормина». Оксфордский университет присвоил Ахматовой почетную докторскую степень.

Широкий международный авторитет, репутация крупнейшей поэтессы столетия прорвали в 60-е завесу молчания над ее именем в СССР. Понемногу начали переиздаваться ахматовские стихи. В 1962 году она закончила работу над «Поэмой без героя» — воспоминания Ахматовой поздней о себе ранней, а также лирические размышления автора об ушедшей эпохе, которую она застала.

В мае 64-го в музее Маяковского состоялся юбилейный вечер Анны Андреевны, ей исполнилось 75 лет. А на следующий год увидел свет ее последний прижизненный сборник стихотворений и поэм «Бег времени».

Официальная литературная критика и писательское начальство

относились к ней настороженно, отчужденно, как к внутренней диссидентке, нехотя признавая ее роль и место в отечественной поэзии.

...Иногда, приезжая в Москву, она бывала на знаковых концертах А. Райкина, Б. Окуджавы, артистов Театра на Таганке в Центральном Доме литераторов. Автору этих строк, студентом-первокурсником, посчастливилось однажды увидеть ее там. Величественная, словно Будда, она с резной камеей у воротника темного платья и стянутыми в тугий узел серебристыми волосами грузно, но прямо сидела, прикрыв глаза, в бархатном кресле, а два соседних по обе стороны от нее из почтения никто не занимал, хотя зрители мо-стилились на подоконниках и ступеньках в проходах.

Анна Андреевна в преклонные годы

Ахматовская «будка» в Комарово

В последние годы жизни Анна Андреевна тяжело болела. Обострение болезни вынудило ее в феврале 1966 года переехать в подмосковный кардиологический санаторий. А в марте она тихо ушла из жизни. Накануне смерти попросила привезти ей Новый Завет, тексты которого хотела сличить с найденными тогда археологами и впервые опубликованными Кумранскими рукописями...

Тело поэтессы власти поспешили отправить в Ленинград, опасаясь диссидентских волнений в столице. Отпевали Ахматову в Никольском морском соборе при огромном стечении народа и похоронили в засыпанной цветами могиле на Комаровском кладбище. Лев Гумилев, так и не приехавший проводить мать в последний путь, сложил на ее могиле каменную стенку с окошком, которая должна была символизировать

тюремную стену в Крестах, куда Ахматова столько лет носила ему передачи. На могиле установили, как просила Анна Андреевна, простой деревянный крест, но позднее его заменили на чугунный. («Крест деревянный иль чугунный завещан нам в грядущей мгле...» — поется в песне Окуджавы).

Сегодня в Санкт-Петербурге на улице Ахматовой открыт ее мемориальный музей. Еще один находится в Фонтанном доме, где она прожила, без малого, тридцать лет. Литературные музеи, памятные доски и барельефы великой поэтессы появились ныне в Москве, Ташкенте, Киеве. В Одессе можно увидеть замечательный бронзовый памятник Ахматовой и Цветаевой, которые расположились на двух скамьях в образах древних жриц.

Известный зарубежный профессор-славист Никита Струве так ото-

ТОТ ГОРОД, МНОЙ ЛЮБИМЫЙ С ДЕТСТВА

Тот город, мной любимый
с детства,
В его декабрьской тишине
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне.
Все, что само давалось в руки,
Что было так легко отдать:
Душевный жар, молений звуки
И первой песни благодать —
Все унеслось прозрачным дымом,
Истлело в глубине зеркал...

И вот уж о невозвратимом
Скрипач безносый заиграл.
Но с любопытством
иностранки,
Плененной каждой новизной,
Глядела я, как мчатся санки,
И слушала язык родной.
И дикой свежестью и силой
Мне счастье веяло в лицо,
Как будто друг, от века милый,
Всходил со мною на крыльцо.

ЛЕТНИЙ САД

Я к розам хочу, в тот единственный сад,
Где лучшая в мире стоит из оград,
Где статуи помнят меня молодой,
А я их под невскую помню водой.
В душистой тиши между царственных лип
Мне мачт корабельных мерещится скрип.
И лебедь, как прежде, плывет сквозь века,
Любуясь красой своего двойника.
И замертво спят сотни тысяч шагов
Врагов и друзей, друзей и врагов.
А шествию теней не видно конца
От вазы гранитной до двери дворца.

Там шепчутся белые ночи мои
О чьей-то высокой и тайной любви.
И все перламутром и яшмой горит,
Но света источник таинственно скрыт.

МОЛИТВА

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар —

Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей. □

ФЕОДОРА СУТДЕЙСКАЯ

Светлана
Бестужева-
Лада

Княжество Феодоро, существовавшее на территории юго-западного Крыма в XIII–XV веках, является, пожалуй, одним из самых загадочных государств в истории.

Возникнув на обломках разгромленной крестоносцами Византии — тысячелетнего Православного царства — оно вобрало в себя самые яркие элементы восточно-христианской традиции и стало последним оплотом византизма.

Располагалось оно в Крымской Готии, таинственной «стране Дори», о столице которой, загадочном городе Дорасе, упоминается в средневековых летописях.

В античности на этих землях располагались богатые города Скифского царства — Хабон, Напеи, Палакион. В IV-м веке юго-западный Крым превратился в Готию. Переселившиеся с острова Скандза германские племена приняли христианство и создали здесь зону взаимодействия готской и греко-римской культур. Позже через Готию прокатывались одна за другой волны завоевателей: гунны, тюрки, хазары, мадьяры, татары, оставляющие свои следы в крымских предгорьях. К готам присоединились аланы и черкесы. А с юга на эту территорию шли импульсы византийской

Мало кому известно, что на юго-западе Крыма около 12–15 веков существовало Мангупское княжество, называвшееся также Феодоро. Считается, что княжество было основано выходцами из Царьграда, в эпоху императоров Комниных.

Судя по всему, княжество Феодоро является наследником бывшего здесь ранее царства Дори крымских готов. Это почти загадочное царство просуществовало больше двух с половиной столетий и сыграло важную роль в истории Причерноморья. Увы, более или менее точных сведений о нем не сохранилось.

А вот о княжестве Феодоро — сохранилось.

Христианское княжество Феодоро было вынуждено непрерывно отстаивать свою независимость от посягательств не только мусульман, но и католиков-генуэзцев. В целях укрепления власти владетели Феодоро стремились установить прочные связи с Русью и Молдавией.

В 1475 году Феодоро было разгромлено турками и превращено в турецкий округ. Сохранились архитектурные памятники VI–XV веков: искусственные пещеры, развалины цитадели, так называемого дворца, домов, ошибочно принимаемых за наследие итальянских колонистов.

культуры, осененной славой Константина Великого и Юстиниана и духовной мудростью отцов-каппадокийцев.

Государство Феодоро стало не только политическим преемником Византии. После уничтожения мусульманами древнейших православных обителей Каппадокии сюда, в пещерные города Таврии, устремились подвижники и аскеты, несущие с собой высокую духовность истинного христианства.

В Крыму появились мощные монашеские центры, соперничающие с обителями Афона, Олимпа и Вулканической долины. Их посещали такие

выдающиеся подвижники, как учитель Андрея Рублева иконописец Феофан Грек и выдающийся богослов Михаил Триволис (Максим Грек).

Для многих это станет новостью, но Крым является колыбелью отечественного Православия. Жители Крыма, по древним преданиям, были просвещены светом христианского учения в I веке апостолом Андреем Первозванным. После него в Тавриде проповедовали слово Божие ученик апостола Петра святой Климент, Папа Римский, а также равноапостольные братья Кирилл и Мефодий, здесь принял Святое крещение князь Владимир.

Первые христиане расселялись за городскими стенами древних городов, опасаясь расправы язычников. Многим было известно, что в пещерах на мысе Фиолент живут последователи христианской веры, поэтому на этот мыс в первую очередь ступила нога апостола Андрея. Вслед за ним стали прибывать в Херсонес монахи-иконопочитатели. А через 30 лет святой Климент в одном только Инкермане встретил уже 2000 христиан.

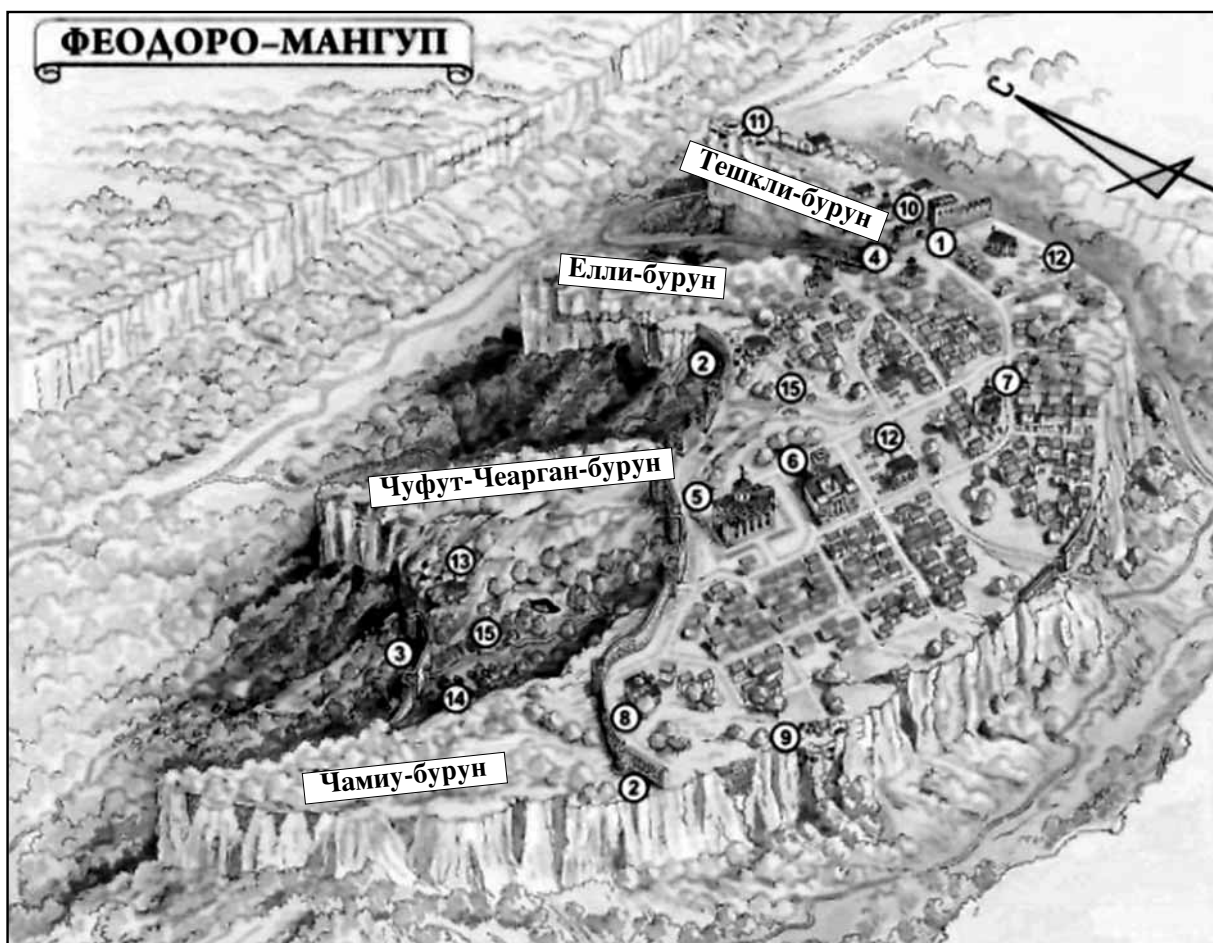
Эвлия Челеби в XVII веке сообщал об Инкермане следующее:

«В скалах под тем замком находится несколько сот пещер таких огромных, что каждая из них тысячу или даже две тысячи овец вместить может. В тех пещерах зимуют стада овец, принадлежащих вельможам этого края. Поэтому-то в замке до-

мов немного, и даже если бы там было много людей, то все жили бы в пещерах. В гротах находится множество проходов, вырубленных в скале... По воле Аллаха для тогдашних людей твердые камни были игрушкой, те скалы дробили они в течение одного мгновения, как будто сыр резали, и таким образом построили разные... дворцы, дома жилые, а также комнаты для собраний».

Как уже говорилось, о княжестве Феодоро известно мало. Но существует достаточно сведений об уникальной женщине, царице-монахине Феодоре.

«В XIV веке весь южный берег Крыма, от Судака до Ялты, принадлежал царице-монахине Феодоре, прекрасной, добродетельной и неустрашимой, — сообщает нам один из греческих синаксарей. (Синаксарь — чтение, собранное из писа-

Феодоро-Мангуп в середине XV века

1. Цитадель
2. Главная линия обороны
3. Первая линия обороны

4. Главные городские ворота и усыпальницы над ними
5. Большая базилика
6. Княжеский дворец
7. Церковь Св. Константина

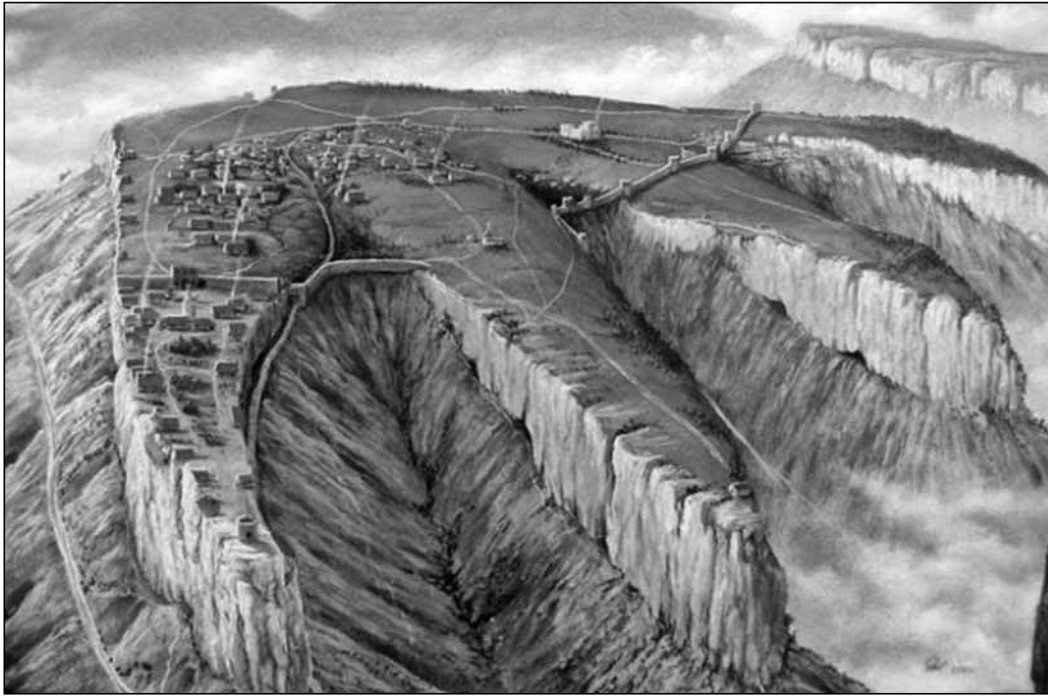
ний святых отцов и церковных преданий).

Царица и монахиня — редкое, вызывающее удивление сочетание. Столица ее царства находилась в Сугдее — нынешнем Судаке, на юго-востоке Крымского полуострова.

Историки до сих пор не пришли к единому выводу относительно того, к какой же конкретно династии принадлежали правители государства феодоритов. Известно, что в жилах многих из них текла кровь прославленных династий Комнинов и Палеологов.

Отец Феодоры, греческий топарх князь Феодор, происходил из древнего рода Палеологов, мать была итальянкой из Кафы. После смерти матери воспитание царевны Феодоры было доверено отцу Иоанну — настоятелю монастыря святого Прокла на горе Кастель.

Как сказано в летописи: «...старец Иоанн бежал из роскошной и суетной Византии, бежал от религиозных споров и разврата; скрылся здесь, в нагорной обители, устроил ее, населил монахами...»

Эта обитель на горе Кагель находилась в окрестностях тогдашнего Алустана, нынешней Алушты. Монастырь стал любимым местопребыванием юной Феодоры. Старец воспитывал ее в строгом аскетизме, говорил ей, что жизнь земная — только приуготовление к жизни вечной. С детства ее не занимали девические игры и забавы — все это было чуждо юной царевне. Беседы с людьми умными и благочестивыми, молитва, чтение Священного Писания и творений святых отцов — вот что было излюбленным занятием царевны.

Она была милосердна, добра, отзывчива на чужое горе. Часто она объезжала с отцом его владения, и всем, кто обращался к ней с просьбой, помогала. В воинских упражнениях не отставала от юношей: выучилась превосходно владеть мечом, смело управлять конем, метко

стрелять из лука. Отец ее, князь Феодор, с согласия императора Византии, умирая, оставил 16-летнюю царевну наследницей Сугдеи и подчиненных ей владений.

Став царицей, святая Феодора, принявшая к этому времени постриг в монашество, не изменила строгого образа жизни: в Сугдею приезжала, лишь когда этого требовали государственные дела, а большую часть времени проводила на своей любимой Кагель-горе, в монастыре святого Прокла, где жила в специально для нее построенной башне. Укрепляя монастырь, она провела туда водопровод из источника у Яйлы, а также устроила в одной из башен подземный ход к морю.

Любимым жилищем царицы был замок на вершине скалы. С орлиной высоты верхнего замка Феодора любовалась далекими горами, побережьем моря, вдоль которого до

самой Медведь-горы простирались ее владения, цветущими долинами и городом, лежавшим у подножия скалы. К городу вели многочисленные дороги, широко раскинулась гавань с кораблями.

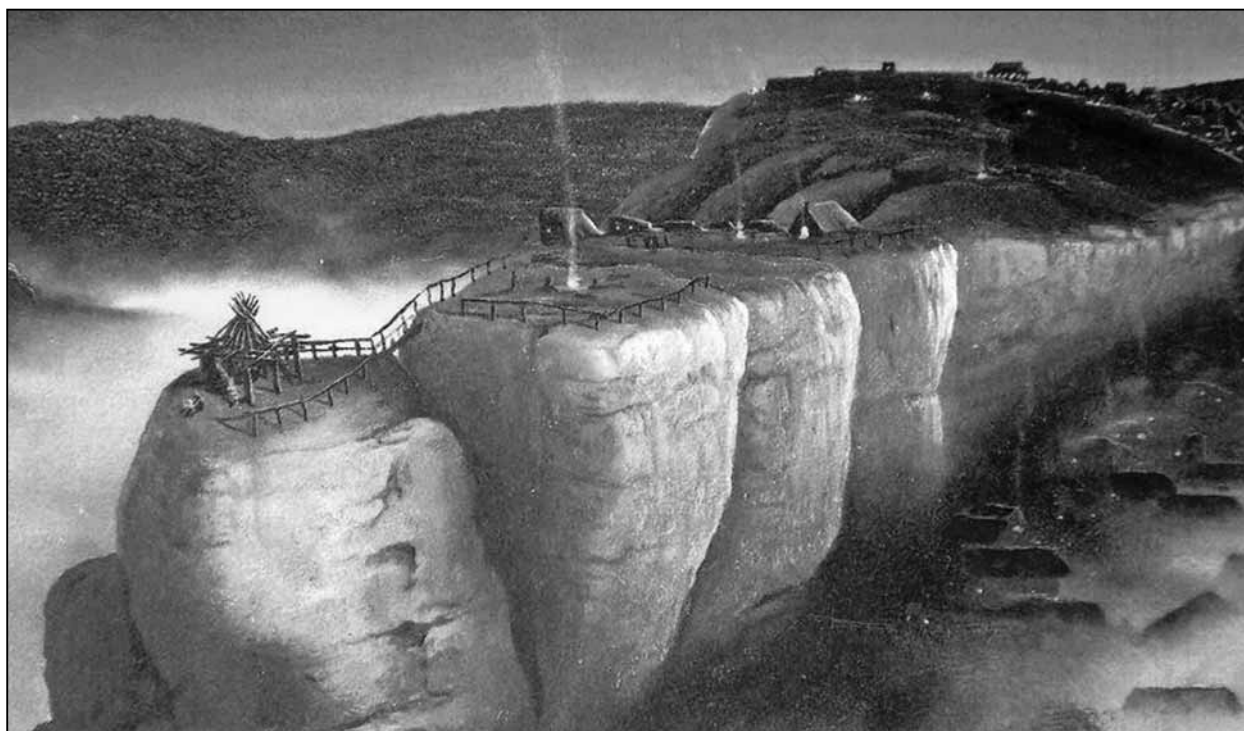
Видела Феодора, как спешили в Сугдею караваны верблюдов, груженых товарами, ветер доносил до нее лязг якорных цепей и скрип корабельных снастей. В Сугдее на огромном торжище встречались торговые люди из разных стран. Здесь были и русские купцы, именовавшие Сугдею Сурожем и привозившие из Руси драгоценные меха: горностаевые, бобровые. Венецианцы со своих галер выгружали полотна, тонкие сукна, фрукты и оливковое масло. Из южных степей, с берегов Волги в Сугдею шли хлеб, рыба, икра, шерсть. Китай, Туркестан, Аравия и Индия посылали прянос-

ти, драгоценные камни, парчу и бархат, шелка и индиго, опиум и благовония, ковры и оружие.

Феодориты торговали с Византией, Трапезундом, Крымским ханством, Золотой Ордой, Молдавским княжеством и Генуэзскими владениями на южном берегу Крыма.

Основным экспортом традиционно считалось вино. На территории Мангуп-Кале археологи нашли множество глубоких бассейнов для давки винограда. В те времена пресная вода в Крыму была в большом дефиците, поэтому в целях экономии население Феодоро разбавляло воду вином.

Помимо вина феодориты везли в метрополию (Константинополь) зерно, соль, рыбу, ремесленные товары. Главным портом для этого служила крепость Каламита, которая была чуть ли не единственным портовым

узлом, связывающим княжество с метрополией. Численность населения достигала 150 тысяч человек. Об этом свидетельствуют богатые археологические раскопки: останки селений и крепостей, множественные захоронения, некрополи и кладбища. По национальному составу преобладало греческое население.

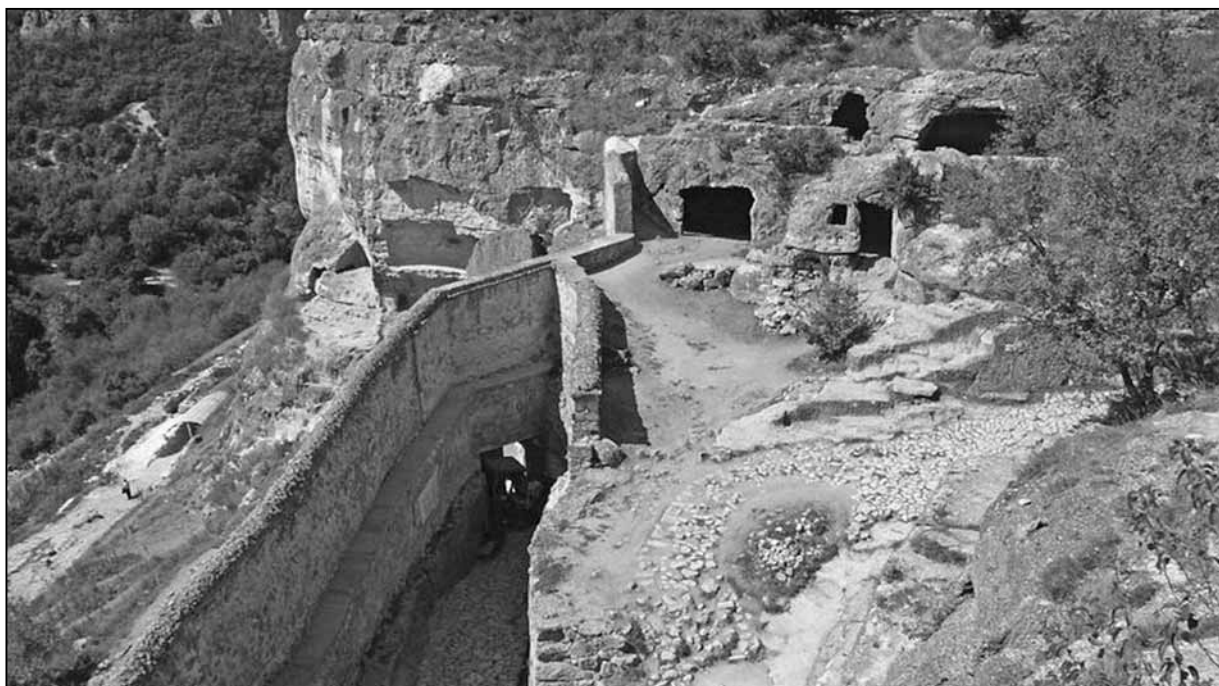
Долгое время после падения Феодоро на территории, некогда входившей в состав этого княжества, проживало христианское население. Греческие, армянские, готские города и деревни оставались житницей Крымского ханства, поскольку именно их обитатели продолжали прекрасные традиции садоводства и виноградарства, сеяли хлеб, занимались торговлей и ремеслами. Об этом до сих пор известно мало или почти ничего неизвестно.

Как бы то ни было, но в глубь тех смутных времен уходит и установ-

ление политических связей между Русью и крымским княжеством со столицей в Мангупе. Являясь осколком Византийской империи, княжество Феодоро играло достаточно важную роль в системе династических связей православных государств Восточной Европы и Причерноморья.

Известно, что из феодоритского правящего дома происходила княжна Мария Мангупская (Палеолог) — супруга Стефана Великого, господаря Молдавии. Другая мангупская княжна вышла замуж за Давида — наследника трапезундского престола. Наконец, сестра Марии Мангупской Софья Палеолог стала — ни много ни мало — супругой московского государя Ивана III.

В княжество Феодоро уходит своими корнями и несколько русских знатных фамилий. Так, в конце XIV века из Феодоро в Москву пере-

селилась часть княжеской семьи Гаврасов, давшая начало старой боярской династии Ховриных. На протяжении длительного времени именно этой крымской фамилии была доверена важнейшая для московского государства должность казначея. С XVI века от фамилии Ховриных взяли начало две другие знатнейшие русские фамилии, сыгравшие немаловажную роль в отечественной истории — Головины и Третьяковы.

Примечательно, что Феодоро, несмотря на малые размеры и небольшую численность населения, неоднократно давало отпор превосходящему по силам противнику. Так, маленькое горное княжество не смогли взять ни орды Ногая, ни воинство хана Едигея.

Надо сказать, что расположение столицы царства Феодоро именно на Мангупе было выбрано очень грамотно. Положение Мангупа необыкновенно. Находясь, так сказать, между небом и землей, он мог бы, кажется, противостоять всем превратностям мира. Это была высокая крепость на белом скальном выступе. Доступа к этой цитадели ниоткуда не было, разве что со стороны ворот. Замок имел семь высоких башен, а из самой скалы в трех местах били источники ...

Когда царицей стала Феодора, многие пытались решить проблему захвата крепости мирным путем, то есть браком. Тем более что красота Феодоры могла очаровать всякого. У нее были тонкие черты лица, смуглая кожа, глубокие черные глаза и

густые темные волосы. В движениях гибкого тела чувствовались ловкость, сила и неутомимость. Многие знатные вожди желали назвать прекрасную деву своей женой. Одни предлагали ей свои богатства, другие — славу, добытую мечом в сражениях, третьи — молодость, красоту, четвертые — знатность рода. Феодора отвергала всех: она дала обет безбрачия, чтобы всю жизнь быть независимой и все свои силы направлять на благо своего царства.

Девушка росла вместе с двумя братьями-близнецами Ираклием и Константином, детьми родственника князя Феодора, которых он приютил у себя после смерти их родителей. С возрастом детская привязанность к ней переросла у Ираклия в чувство страстной любви. Он молил царицу отречься от своего

монашеского обета и стать его женой, даже сулил содействие в том самого патриарха. Но Феодора твердо отказала ему, сказав, что самая лютая смерть милее ей, чем нарушение обета. Гордый и властолюбивый юноша, получив отказ, решил любым путем овладеть благочестивой красавицей. Ослепленный любовью, Ираклий решился на предательство. Владения Феодоры включали в себя крепость Алустон (Алушта) и граничили с генуэзской колонией в Кафе, с которой у сугдейцев всегда были напряженные отношения на религиозной почве.

Христианское княжество на южном берегу Крыма, представлявшее собой осколок Византийской империи и поддерживавшее связи с остальным православным миром, было «костью в горле» для католи-

ков-генуэзцев, также создавших ряд опорных пунктов на побережье. Вооруженные столкновения с генуэзцами случались неоднократно, да и у набравшего силу южного заморского соседа полуостров вызывал острый интерес. Османская Турция, разгромившая и полностью покорившая Византийскую империю, рассматривала теперь бывшие земли Византии, в том числе и Крым, как территорию своей потенциальной экспансии. Вооруженным путем туркам удалось преодолеть сопротивление процветающих генуэзских факторий на крымском побережье. Понятно, что схожая судьба ожидала и последнее христианское государство полуострова — княжество Феодоро. Пока его спасала неприступность отвесных горных склонов.

А погубили — любовь и предательство.

Само княжество мало волновало Ираклия, но... Но будучи членом правящей семьи, близким Феодоре человеком, он знал все тайны и хитрости, с помощью которых можно было завоевать неприступное государство.

Пробравшись в Кафу (теперь Феодосия), Ираклий убедил генуэзского консула, имевшего неограниченную власть над итальянскими колониями в Крыму, напасть на Сугдею, обещая помощь при взятии города. В уплату за свое вероломство изменник потребовал только одно — отдать ему Феодору живой. Невелика плата за цветущее царство! Вскоре под стенами города собралась черная рать генуэзцев. Два месяца длилась битва. Во главе защитников крепости с мечом в руке встала царица-монахиня. Там, где Феодора появлялась на боевом белом коне, силы защитников города удесятерялись.

Но изменнику Ираклию все же удалось пробраться в самую крепость, пользуясь почти абсолютным сходством с братом-близнецом Константином, который был верным и ближайшим соратником Феодоры. Он убил часового и открыл ворота врагу.

Генуэзцы ворвались в город, и уже к утру Сугдея была под их полной властью. Царица с верным помощником Константином, остатком войска и частью жителей ушли на запад и укрепились в крепости Алу-

К сожалению, от величественных зданий Мангуна — дворца князей и храма Святых Константина и Елены — остались лишь фундаменты, но по обрывам сохранились пещерные церкви и монастыри, кое-где можно увидеть следы фресковой росписи.

стон. Они решили умереть, если придется, но умереть православными.

Вскоре показались галеры генуэзцев, и началась осада крепости. Войска генуэзцев много раз шли на приступ, но православные оборонялись твердо. Тогда генуэзцы подвезли стенобитные орудия и стали ими разрушать стены крепости. Видя, что город не удержать, Феодора сумела вывести из Алустана воинов и жителей. Они скрылись на горе Капель в монастыре святого Прокла.

От монастыря, прямо из башни Феодоры, шел подземный ход к морю, к восточной части горы. Там, у пристани, всегда стоял под парусами корабль, готовый отвезти царицу в Византию. Она собрала совет, который стал решать, как действовать дальше, ведь если царица отплывет в Византию, тогда ее подданные останутся живы, потому что главной причиной этой войны была только

она, Феодора. Но народ в один голос возопил:

— Нет, царица, не покидай нас! Мы не хотим быть под властью врагов наших, мы не склоним головы перед ними. Падем около тебя, и исчезнет род наш, но не исчезнет память о тебе, наша славная царица! Ты столько лет охраняешь нас, ты была матерью сирот, дочерью старцев, которых Господь лишил детей;

ты защищала вдов, лечила больных, молилась за грешников. Нет! Мы не покинем тебя, мы все умрем за тебя! Лучше смерть с тобою, нежели жизнь под ненавистною властью еретиков-кафян. Мы не хотим быть под властью врагов наших. Падем около тебя....

Вскоре у стен монастыря появились генуэзцы. Враги решили взять Кастель длительной осадой. Но окончательно обезумевший предатель Ираклий не мог ждать долго и, пройдя по известному ему с детства подземному ходу в обитель, открыл ворота. Он рвался к Феодоре. А она уже вышла навстречу ему с мечом в руках. Узнав о том, что Ираклий открыл ворота врагу, царица в праведном гневе отсекала ему голову.

В той битве ожесточенно сражались все: монахи, женщины и даже дети. Константин был убит. Узнав об этом, Феодора с возгласом: «Господи! Приими меня!» — ринулась в самую гущу битвы и положила душу свою за православие. Ее кровь обогрела склон Кастель-горы. До сих пор там, на сером фоне утеса, еще видны багровые темные полосы. Скала эта носит название Эмата-кая (Гемата), или Канкая, что по-гречески означает «кровавая скала». Местное предание гласит, что это — застывшая кровь святой благоверной царицы Феодоры Сурожской и всех павших здесь защитников Православия.

Но смерть царицы дорого обошлась врагам: только каждый четвертый из генуэзцев, участвовав-

Святая Феодора. Фреска из греческого храма в Массандре

ших в вылазке, смог вернуться на корабли.

Существует другой вариант легенды, согласно которому у Феодоры был военачальник Гиркас, также предложивший царице свою любовь, но получивший отказ. В отместку Гиркас перешел на сторону генуэзцев и помог им захватить Сугдею. Стоя на вершине башни, Феодора прокляла изменника и бросилась вниз на камни.

Образ царицы-монахини связан в народной памяти с легендами и неприступными вершинами Судака, Кастели, Аю-Дага — молчаливыми свидетелями трагических событий середины XIV века.

*Как коршунов стая, сомкнувшись
толпой,
Стоят корабли пред Солдайской
скалой:*

*То рать гнуэзцев сюда собралась
И требуют грозно, чтоб дева
сдалась!
Но башни по-прежнему гордо
стоят:
Скала и прибой от врагов их
хранят.*

Конечно же, многие могут поставить под сомнение личность Феодоры на том основании, что о ней не осталось исторических источников, кроме жития. Но в таком случае придется отказать в праве на существование многим крымским святым, включая таких святителей Таврической земли, как Иоанн Готский и Стефан Сурожский.

Русская православная церковь почитает память святой благоверной Феодоры, царицы Сурожской,

16 апреля. В церкви Святого Феодора Стратилата и всех святых в Алуште, древнем АлуSTONE, входившем во владения Феодоры, находится икона «Собор всех крымских святых», на ней среди прочих изображена и базилисса Сугдеи.

Со святой Феодорой можно связать найденную средневековую крымскую фреску из греческого храма в Массандре. На ней изображена молодая женщина знатного происхождения в светской одежде. Она не может быть ни монахиней, ни святой императрицей (отсутствует корона). Над головой нимб, что свидетельствует о ее прославлении. Подтверждает версию о тождестве женщины, изображенной на фреске, со святой Феодорой и тот факт, что

ее голова не покрыта платком, так как в одном из источников указывается, что Феодора имела привилегию ходить с непокрытой головой. Эта привилегия не могла быть ничем иным, как знаком власти. Царица Феодора правила в Южном Крыму, и ее столица была в Мангупе.

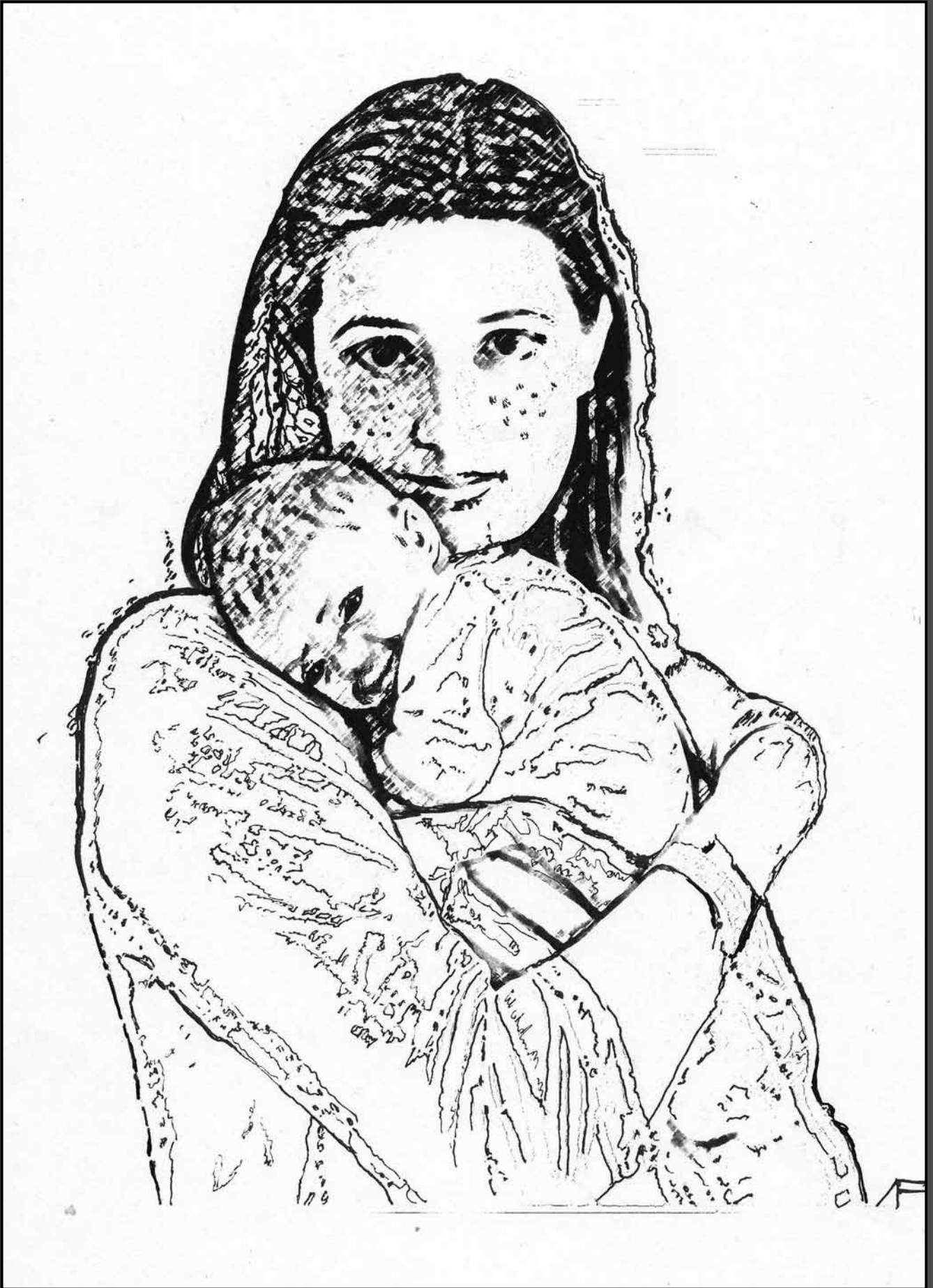
На 22 года княжество Феодоро пережило Византию. После захвата турками Константинополя, Трапезунда в Малой Азии и Пелопонесса, оно осталось последним государством «византийского мира». Именно феодориты оказали самое упорное сопротивление победоносным войскам Мехмеда Завоевателя. Выстрелы турецкой артиллерии по цитадели Мангупа в декабре 1475 года поставили точку в истории тысячелетней Византийской цивилизации. Маленькое крымское княжество

было последним бастионом, до конца сопротивлявшимся натиску неприятеля.

Уникальность княжества Феодоро заключается в том, что оно принадлежало к «византийской традиции», официальным наследником которой все последующие века считалось российское государство с его основополагающей идеей «Москва — Третий Рим». Поэтому можно сказать, что византийские традиции пришли на Русь через тогда православную крымскую землю.

Память о подвиге жителей Мангупа практически не сохранилась. Современные россияне, в том числе и многие жители Крыма, к великому сожалению, мало осведомлены о трагической истории маленького горного княжества и населявших его гордых, смелых и трудолюбивых людей. □

НЕКРАСИВАЯ

Я некрасивая.

И это не заниженная самооценка, это факт, ежедневно подтверждаемый зеркалом и отношением окружающих.

Нет, я не страдаю, наоборот, нахожу в этом много плюсов.

Когда тебя не считают соперницей — тебя перестают замечать.

А когда тебя перестают замечать, открывается широкое поле деятельности.

Красоткам и не снилось, как много возможностей открывается тем, кого перестают замечать, кого ни во что не ставят, на кого смотрят, как на пустое место.

Сержа Никитина назначили начальником отдела культуры три дня назад.

«Холостой-холостой-холостой...» — пронеслось среди женской части редакции.

«Квартира-машина-загородный дом, живет с мамой...» — дополнилась информация на следующий день.

Я не понимала, чего так все наши дамочки возбудились, пока не столкнулась с новым начальником. Длинный, subtilный, немного угловатый, как кузнечик, с синими прищуренными глазами, может, и не красавчик для кого-то, не знаю, а для меня так единственный тип мужика, от которого подкашиваются ноги.

— Вы, наверное, наша уборщица! — сказал он, заметив у меня в руке тряпку.

— Ага, — кивнула я.

— Тогда, будьте добры, протрите в моем кабинете дверь, она в каком-то... Кофе, что ли, на нее кто-то разлил...

Через пятнадцать минут я мыла дверь в его кабинете, а Рая Малышкина вовсю флиртовала с ним. Они не замечали меня, потому что женщины с моей внешностью — пустое место.

— Меня Рая зовут, — с придыханием говорила она. — Я пишу о театрах.

Малышкина не могла оставить равнодушным ни одного нормального мужика.

— О театрах? — просканировал он ее взглядом. — Вы издеваетесь?

— Почему?

Повисла пауза. Чертово пятно на двери не оттиралось ни тряпкой, ни жесткой губкой, похоже, это был не кофе, а краска, и помочь мог только ацетон или растворитель.

— А потому, Рая, что у вас вид человека, который ни черта не понимает в театрах. Где можно ваше что-нибудь почитать?

— На сайте есть мои статьи. — Рая наклонилась к компьютеру и задвигала мышкой. — Я, вообще-то, актриса, — добавила она. — Ушла из театра из-за травмы позвоночника, не выношу нагрузки.

— Извините, — смутился начальник.

— Ничего, — дернула плечом Рая. — Вот статья, читайте.

— Отличный слог, — через какое-то время сказал Никитин. — Легкий, хлесткий, простой. Сегодня премьера в Доме актера. Пойдем?

— С вами?

— Со мной.

Никитин продолжал нести всякую чушь, а я не имея опоры, потому что Рая была не только красивой, она умела ставить крючок с той наживкой, мимо которой нельзя пройти при нормальных мужских реакциях и здоровой мужской психике.

Я взяла губку, пластиковое ведро с водой и ушла дописывать свою криминальную хронику.

Никитин засел у меня в мозгу, как до него не удавалось засесть никому, кроме соседа по старому дому Сереже, у которого был огромный дог Ричард.

Я наспех дописала колонку, отдала редактору и на полчаса раньше отпросилась домой, сославшись на головную боль.

— Иди, — вздохнула редакторша Кира Андреевна, махнув на меня рукой. — Одна я тут железная, у меня одной никогда не болит голова.

Наверное, вы думаете, что я кокетничаю, называя себя некрасивой. Наверное, думаете, что достаточно немного косметики и сексуальной одежды, чтобы любой серой мышью стать привлекательной.

Так вот, я не серая мышь. Я — некрасивая. И никакой косметикой и одеждой этот факт не исправить.

Лет в семнадцать я поняла, что лучше совсем не краситься и одеваться в широкие брюки и водолазку — так я хотя бы пустое место, а не уродина, в которую все будут тыкать пальцем.

Без пятнадцати шесть я решила, что тоже хочу поехать в Дом актера.

Имею право. Захотела, и все. Некрасивым женщинам можно то, что для красивых покажется странным и неприличным.

Остановившийся у тротуара таксист удивленно переспросил:

— Куда? Дом актера? — А потом молча довез меня и молча дал сдачу.

Я взяла в кассе последний билет. В таких мелочах мне всегда везло, словно кто-то подарил мне компенсацию за мою главную неудачу — внешность.

Спектакль, и правда, оказался пошлейшим. Актеры кривлялись, орали и путали слова. Раю с Никитиным я в зале не увидела. Закралось даже подозрение, что в театр они не пришли, изменив планы, допустим, на ресторан. Но на поклонах я вдруг услышала его голос — «Браво!» — обернулась и увидела Никитина и Раю чуть позади, через ряд. Он правой рукой обнимал ее за плечи, а она своей ладонью хлопала в его левую ладонь. А потом Никитин, не снимая руку с плеча Раи, повел ее к выходу.

Я ей не завидовала. Зависть — пустое занятие. Просто хотела быть в курсе, что у них происходит, поэтому снова поймала такси и попросила водителя ехать за черным джипом.

— Это мой начальник, — зачем-то пояснила я. — Он, кажется, собрался переспать с нашей сотрудницей!

— А тебе-то что? — удивился таксист.

— Знаю, некрасиво следить, но вот такая я сволочь.

Таксист усмехнулся и промолчал.

Джип затормозил у дома, который называют таун-хаус. Такси тоже остановилось, причем так, чтобы от подъезда его не было видно.

— Я денег с тебя не возьму, — сказал водитель.

— Почему?

— Следить противно. Ненавижу тех, кто подсматривает и подслушивает.

— Вы тут вообще ни при чем. Возьмите деньги.

— Брысь отсюда, пока я твоему начальнику не посигналил!

Я вышла из машины, и он тут же уехал.

А я стояла на холодном ветру и издалека наблюдала за «сладкой парочкой».

— Пусти-ка меня за руль, — донесся до меня голос Раи. — Так хочется порулить...

Не выходя из салона, она перебралась на место водителя, и джип тронулся с места.

Я поняла, что осталась одна в незнакомом районе, с разряженным телефоном и продрогшая до костей. Петляя и путаясь, направилась в ту сторону, откуда слышался шум трассы, и светили огни — чтобы поймать такси. И первое, что увидела на дороге, — это черный джип. Он мчался на большой скорости, стремительно приближаясь к оживленному перекрестку, где на светофоре горел красный свет. По пешеходному переходу шел парень. Было темно, но отчего-то я отчетливо разглядела на нем очки и красную толстовку с принтом «Be Harry». На парне были наушники, он не смотрел по сторонам и шел неторопливо — как ходят пешеходы, уверенные, что соблюдение дорожных правил гарантирует им абсолютную безопасность.

— Осторожнее! — крикнула я то ли парню, то ли черному джипу.

Послышался глухой удар, парень подлетел вверх. Я зажмурилась — никогда на моих глазах не сбивали пешеходов, но потом пришлось открыть глаза. Парень в красной толстовке лежал в нескольких метрах от перехода, как сломанная и выброшенная за ненадобностью кукла. Кроссовки валялись далеко от него — одна на газоне, другая на встречной полосе.

Джип, немного притормозив, стал набирать скорость. «Сладкая парочка» решила удрать. Другие машины тоже проносились мимо и тоже, как мне показалось, заметив сбитого парня, ускорялись.

Ну почему мироздание ткнуло в меня своим пальцем? Я подбежала к парню, под головой у него медленно расплывалось черное пятно крови.

— Эй! — дотронулась до его плеча. — Не умирай, а?

— Очки... — простонал он. — Найдите мои очки, я ничего без них не вижу.

— Сейчас. — Я стала ползать по асфальту и искать между шныряющих мимо машин очки, и только тут до меня дошло — парень жив, и надо его спасать, а то точно помрет.

Недалеко светилась вывеска кафе «Дикий Запад». Я бросилась туда — за помощью, за телефонной связью, за стаканом воды, потому что во рту пересохло.

— Кипятка подлей, — попросила Вера и придвинула ко мне чашку с заваркой на дне.

Да, у меня есть подружка. Вернее, соседка. В общем — и то и другое, потому что совмещать подружку с соседкой очень удобно.

Вера — математик, работает в институте математики, пишет диссертацию.

Муж Веры тоже математик. Он то бросает Веру, то возвращается к ней. Сегодня вот опять бросил, поэтому Вера пришла ко мне, ей одной тошно.

— Кажется, я беременна, — сообщила она без малейшей нотки трагизма в голосе.

— Ты всегда так говоришь, когда Генка уходит.

— Да Генка здесь ни при чем, — отмахнулась Вера.

— Здравсьте, приехали! — удивилась я. — А кто при чем?

— Я в том смысле, что мне без разницы, вернется он или нет, все равно не буду рожать. У меня на носу защита, какой ребенок?

— Дело хозяйское.

— Слушай, давай я тебя накрасю. И прическу сделаю. Вот увидишь — сразу кто-нибудь клюнет. Надо же как-то социализироваться.

— Я сегодня уже социализировалась, спасибо.

— Ну-ка, ну-ка! — Вера подула на чай. — Расскажи, интересно.

— У меня на глазах парня сбили.

— Да ты что! Кто?

— Не знаю. Неизвестная машина. Сбила и уехала.

— А ты?

— А я «скорую» вызвала и все такое.

— Живой?

— Врач сказал, шансов мало.

— Они всегда так говорят, чтобы не обнадеживать.

— Да мне-то что... Я человек посторонний, меня обнадеживать не надо.

— Понятно. И что, того козла не найдут? Который сбил?

— Камера в кафе сломалась, а больше там камер не было, — пожалала я плечами. — Скорее всего, не найдут.

— И вот почему все уроды такие везучие?

— Не знаю.

Я встала и принесла из коридора маленькую черную кожаную сумку и разбитые очки в черной дешевой оправе.

— Вот, глянь. На дороге нашла.

— Фу, убери со стола! Грязная же! Хотя нет, подожди! Интересно все же... Дай сюда. — Вера взяла сумку и начала ее потрошить. — Ага, проездной. Нищеврод какой-то без машины... А, может, это судьба твоя, принц, так сказать...

— У этого принца открытая черепно-мозговая. Помер уже, наверное.

— Та-ак... Это что? Мама дорогая, в кошельке аж три тысячи с мелочью! Ну, точно нищеврод. А это что? Книжонка какая-то, детская. Раскраска, надо же... Неужели такие еще выпускают? О, паспорт! — она зашелестела страницами. — Павел Андреевич Груздев, восемьдесят пятого

года рождения, разведен. О, Мань, а прописка в крутом доме на набережной. Новая высотка такая, помнишь? Ключи! От квартиры, похоже... И плеер старый, дурацкий. Зажигалка, сигареты... Та-ак... — Вера напялила на нос очки с разбитыми стеклами. — Ужас! Да он слепой совсем был! Тут сколько диоптрий?

— Там еще кроссовки есть, я тоже подобрала. Принести?

— Тащи!

Я принесла кроссовки, бросила на пол.

— Китайские. Размер сорок шестой примерно. И зачем ты все это домой притащила, а, Мань?

— Не знаю. «Гайцы» составили протокол и уехали. Я потом уже все это нашла. Не бросать же было.

— Бардак, — вздохнула Вера, — никто работать не хочет. Ладно, пошла я. Завтра вставать рано. Хоть отосплюсь спокойно, храпеть некому. Расскажешь потом, что с этим Груздевым?

— В смысле?

— Ну, ты же поедешь вещи ему отдавать...

— Наверное, поеду. Черт дернул их подобрать.

— Я бы тоже подобрала. Это так ужасно, Мань! Тебя сбивает какая-то сволочь, а твой маленький мир, вот это все — сумка, обувь, очки, — валяется, никому не нужный, и его топчут, топчут, топчут чужие равнодушные ноги. — Сказав это, Вера ушла в квартиру напротив, снова оставив меня в одиночестве.

Я следила за ними с самого утра. Рая пришла с осунувшимся лицом, острыми скулами и потухшим взглядом, в котором иногда отчетливо мелькала паника. А Сергей... Сергей выглядел так, словно не спал и не ел неделю.

Они бегло поздоровались в коридоре и разошлись по своим кабинетам. Я выглянула в окно — машины на стоянке не было, скорее всего, лобовое стекло разбито, а на помятом бампере кровь. Через приоткрытую дверь кабинета я видела, как сначала в сторону черной лестницы пошел Никитин, а потом в ту же сторону простучала каблуками Рая.

Через минуту я уже стояла на пролет выше и слушала их пикировку, от которой искрило как от кабеля высокого напряжения.

— Это ты! Ты сбила и уехала!

— А ты никогда не докажешь, что я была за рулем!

— Ты серьезно?! Ты, что, правда, повесишь на меня это преступление?!

— Это твое преступление! Твоя машина и твой «косяк»! Извини!

— Дрянь! Нет, какая же ты дрянь!

— Мне плевать, как ты ко мне относишься!

— Я сейчас же поеду в полицию и во всем сознаюсь!
— Вперед! Тебе никто не поверит! У меня нет прав!
— Я найду свидетелей, которые видели, как ты садилась за руль! Пойду по соседям и найду!
— Иди! Никто не захочет связываться с судом! Ты не знаешь людей!
— У меня кровь на машине! Стекло разбито! Капот помят!
— Ну и что! Заплатишь, отремонтируешь, и никто ничего не узнает!
— А камеры?! Там же камеры на каждом шагу!
— Если бы там были камеры, за тобой бы уже пришли! Не дергайся, нас не найдут.
— Я не могу с этим жить... Не могу... Если он очнется, он все расскажет...
— От такого удара не выживают. И потом, он на нас не смотрел...
— Ты циничная подлая дрянь! Я сейчас же иду в полицию!
— Иди! Только у меня уже есть свидетель, который подтвердит, что вчера в это время я была с ним!

Сергей замолчал, оглушенный ее подлостью. А у меня вдруг зазвонил мобильник. Я его быстро выключила, стремительно взлетела на этаж выше, заскочила в свой кабинет и бухнулась за компьютер, постаравшись сделать отсутствующее лицо.

Через минуту ко мне заглянула Рая.

— Работаешь? — спросила она.

— Угу, — кивнула я. — Колонка получается куцая. За сутки из криминала только пьяный муж пырнул жену ножом, да какого-то парня сбили на проспекте Вернадского. Вот, сводки из МВД получила только что.

— Насмерть? — равнодушно спросила Рая.

— Жену муж насмерть зарезал, а вот парень — в реанимации.

— Ясненько. Ладно, я пошла антрепризу сочинять. — Она нарочито зевнула, прикрыв рот наманикюренной ладошкой, и ушла.

Я сидела, пялилась в монитор и думала, что мне делать.

Что делать некрасивой одинокой женщине тридцати шести лет от роду, которой так хочется урвать у вселенной свой маленький кусочек счастья?

Через минуту я постучалась в кабинет Никитина — настойчиво и решительно.

— Да! — хрипло крикнул он. — Входите!

Я зашла и увидела, что глаза у него заплаканные.

Это потрясло меня так, что я не смогла сразу заговорить.

— Что вы хотели? — спросил он, не глядя на меня.

— Нам надо поговорить.

— О чем? Ваше дело держать в чистоте помещения. У меня нет к вам вопросов, в кабинете достаточно чисто, вот только то пятно на двери... Оно так и осталось.

— Я не уборщица, — перебила я.

— Да? А кто?

— Журналист. Веду криминальную хронику.

— Ничего себе! Тогда какого черта вы терли дверь?

— Вы сказали, я и терла. Вы же начальник.

— Ладно, извините, дурацкая ситуация получилась. Какой у вас ко мне разговор?

— У меня вот это. — Я положила на стол флешку.

— Я не вычитываю криминал. Отдайте это Кире Андреевне.

— Этот криминал сначала лучше показать вам.

— Что?!

— Посмотрите, не пожалеете. Отличное кино.

Серж схватил флешку, нервно вставил ее в ноутбук и запустил файл.

Я отчетливо видела, как у него затряслась нижняя губа в тот момент, когда черный джип с хорошо читаемыми номерами сбивал на пешеходном переходе парня в красной толстовке.

— Откуда у тебя это?! — Видимо, из-за стресса он непроизвольно перешел на «ты».

— Заплатила охраннику в кафе «Дикий Запад» очень приличную сумму. Он отдал мне записи с камер.

— Как ты узнала...

— Следила. Я следила за вами с Раей.

— Зачем?

О, это был прекрасный вопрос, на который я сама очень хотела бы знать ответ.

— Сколько ты хочешь за эту запись?

— Самую малость — ночь со мной, — словно кто-то другой сказал за меня.

— И все? — кажется, в его голосе прозвучало облегчение. — Это все?!

— Все, — кивнула я. — Это все.

— Говори адрес.

— В отделе кадров узнаешь, — бросила я и ушла, чувствуя спиной его презрительный взгляд.

— Господи, я у тебя первый, что ли?

Серж закурил в постели, с тоской глядя в потолок.

— Мог бы не спрашивать, это же очевидно.

Я накинула халат и пошла в ванную.

— А это что? — раздался за моей спиной голос Сержа.

Я обернулась. Он показывал на кроссовки, которые я оставила вчера возле кресла.

— Это... Это обувь того парня, которого ты вчера ночью сбил. А вот это — его сумка и очки.

— Ты что, чокнутая?

— Нет. Просто я не смогла оставить все это на дороге.

— За рулем был не я, — прошептал Серж, закрывая ладонями лицо.

— Ты никому это не докажешь.

— Я знаю.

Я села на край кровати, отняла его руки от лица.

— Поцелуй меня. Обними и скажи, что любишь. И тогда у тебя будут доказательства, что за рулем был не ты.

— Не могу, — выдавил он. — Лучше в тюрьму сяду.

— Тогда пошел вон!

Серж встал, наспех оделся и ушел.

Нет — убежал без оглядки.

А я взяла вещи Груздева и поехала в больницу.

Никаких мыслей не было.

Чувств тоже не было никаких.

Выражение «действовала как робот» подходило сейчас ко мне как нельзя лучше.

К Груздеву меня не пустили.

— Он без сознания, — коротко сказал врач и ушел.

— Ну, хоть шансы-то у него есть? — схватила я проходящую мимо медсестру за руку и почему-то заплакала.

— Конечно, есть! — заверила она меня и погладила по голове, как маленькую. — Вы ему кто?

— Никто, — всхлипнула я. — Я его даже не знаю.

— Вот так и бывает, — вздохнула медсестра. — Мы тоже не знаем, при нем ни документов, ни мобильного не было.

— Ясно. Я к нему домой съезжу, у меня адрес есть.

— Вот и отлично. А то помрет человек, и похоронить некому.

— Как помрет? — возмутилась я. — Ведь вы же только что говорили... Но она уже убежала, нырнула в какую-то дверь и загремела склянками.

Квартира оказалась на двадцать втором этаже.

Я открыла дверь ключом и шагнула в темную прихожую.

Из ванной валил пар — я зашла туда и выключила горячую воду.

Этот растяпа во время отключения горячей воды держал кран открытым, а когда воду дали, она полилась в раковину под сильным напором.

Зеркало запотело, я протерла в нем маленькое окошко.

Я редко смотрюсь в зеркала, почти никогда.

В окошке я увидела невыразительный нос в мелких веснушках, неопределенного цвета глаза с короткой щетиной бесцветных ресниц.

Может, мне нельзя было заходить в эту квартиру, и я должна была отвезти вещи в полицию?

Эта мысль пришла слишком поздно.

Я вышла из ванной, достала из пакета кроссовки и поставила их в прихожей так, словно хозяин только что пришел домой и разулся. На полке под зеркалом валялся мобильный. Я попыталась включить его, но он оказался разряжен. Тогда я решила, что отдам телефон полиции вместе с паспортом, и сунула его в сумку.

Вдруг из кухни раздался тихий, жалобный писк. Этот растяпа оставил дома какое-то животное. Я вздохнула и пошла на кухню.

Под столом, забившись в угол, сидел ребенок.

Я глазам своим не поверила и подсветила мобильником в надежде, что мне показалось, и этот съездившийся комок окажется все же собакой, но нет, это действительно был мальчик, лет, наверное, четырех. Этот растяпа оставил дома... маленького ребенка!

— Эй! Как тебя звать?

Он еще глубже забился под стол и тихо всхлипнул.

Кого нужно было вызывать — полицию, спасателей или медиков, — я не знала, поэтому отодвинула стол, взяла ребенка на руки и поехала домой.

Он не издал ни звука, и всю дорогу в такси до дома проспал у меня на коленях.

Когда я открывала дверь, стараясь не разбудить его, из Веркиной квартиры выскочил Серж. Он набросился на меня, требовательно дергая за плечо.

— Ты говорила о доказательстве! Где оно?! Что ты имела в виду?!

— Тише, ребенка разбудишь! — прошипела я и вошла в квартиру.

Серж тут же последовал за мной, спрашивая на ходу:

— Чей это ребенок?

— Парня, которого ты убил.

Я положила ребенка на диван, накрыла пледом, и увела Сержа на кухню.

— Охранник, у которого ты забрала запись с камеры, сдал ментам номер моей машины, — торопливо заговорил он. — То есть, я люблю тебя... Да, люблю. Хочешь, женюсь. Только ты должна спасти меня от тюрьмы! Какие доказательства у тебя есть, что за рулем был не я?

— Ты делаешь мне предложение?

Он вздрогнул, замер, сглотнул — его кадык резко дернулся вверх-вниз, — и хрипло ответил:

— Да.

— Тогда завтра в загс?

— Да. Только доказательства ты должна показать сегодня. Или меня арестуют. За мной на работу пришли, я по черной лестнице еле-еле удрал...

— У меня тебя не найдут. Утром в загс, а потом в полицию.

— Хорошо. А что ты им скажешь?

— Я скажу... что шантаж — это единственный способ для некрасивых выйти замуж...

— Я серьезно!

Мне показалось, что Серж меня ударит, хотя он даже не шелохнулся.

— Я серьезно, — тихо повторил он. — Пожалуйста, скажи, как ты собираешься меня спасти.

— Я следила за вами в тот вечер. Вы были такие красивые... И вели себя так утонченно... Никакого пошлого флирта, все на полутонах...

— Короче!

— От театра я поехала за вами на такси. Таксист может подтвердить, я запомнила номер его машины. У твоего дома я видела, как за руль села Рая. А потом увидела аварию.

— Отлично. Значит, ты полноценный свидетель. Кажется, я спасен.

— А еще у меня есть вот это...

Я включила в мобильнике запись, послышался голос Раи: «А ты никогда не докажешь, что я была за рулем!»

— Значит, это ты была там, на лестнице?

— Я. И записала весь разговор.

Он сел на стул, потер виски и вдруг спросил:

— А что делать с этим ребенком?

— Не знаю. Наверное, нужно искать его мать. Завтра в полиции скажут. Слушай, а тебе Раю совсем не жалко? Ее ведь надолго посадят, а у нее дочке двенадцать лет и мать-инвалид, она их одна содержит.

— Мне себя жалко. Повелся на красивую телку, в результате себе жизнь сломал. А вот скажи, тебе не противно так выходить замуж?

— Нет, — соврала я. — Иначе у меня вообще нет никаких шансов.

— Есть. Хочешь, я сам найду тебе кандидата?

— Не хочу. Если не хочешь сесть в тюрьму, завтра подадим заявление. Я хочу свадьбу и белое платье.

Он посмотрел на меня, горько усмехнулся и сказал:

— А, может, оно и к лучшему.

Я не стала уточнять, что это значит.

Свадьба была шикарной.

Белое платье, фата до пят, лебеди на капоте белого лимузина, пятьдесят человек гостей, ресторан, украшенный шариками и розами, прогулка по набережной с шампанским.

С моей стороны была только Вера.

— Не понимаю, как тебе удалось его захомутать? — спросила она, когда мы стояли одни на пирсе, а гости с женихом на берегу хлестали шампанское из горла.

— Любовь зла, — усмехнулась я. — Полюбишь и меня.

— Да я не в этом смысле. Дело не в том, что вы не подходите друг другу, просто у него типаж одиночки. Совершенно не семейный мужик. Гулять будет.

— Посмотрим. Когда начнет гулять, тогда и буду решать проблему.

— Завидую я тебе, — вздохнула Вера. — Ты всегда такая спокойная. И знаешь, чего хочешь.

Мы пошли к лимузину. Надо отдать Сержу должное, он ни взглядом, ни словом, ни жестом не показал никому, что он на этой свадьбе жертва, а не счастливый жених. Кстати, я все-таки услышала пару раз за спиной насмешливое: «И чего он в ней нашел?» и «Да уж, я от Сержа такого не ожидал!»

Жить мы решили у него, а мою квартиру сдавать.

Его мама, Зоя Аркадьевна, приняла меня настороженно, но через неделю, когда мы с ней завтракали наедине, сказала мне:

— А ты знаешь, я рада, что все так получилось.

— Как?

— Что ты шантажом женила на себе моего Сережу.

— Он вам все рассказал? — я поперхнулась чаем и закашлялась.

— А у нас нет друг от друга секретов. — Зоя Аркадьевна встала и деликатно похлопала меня по спине. — Знаешь, он бы сам никогда не женился. А я внуков хочу. Он, кстати, как? От супружеских обязанностей не отлынивает?

— Не отлынивает. Все нормально у нас.

— Ну, и хорошо, — подозрительно взглянула на меня Зоя Аркадьевна. — Вообще-то, он бабник, конечно, был. Но я думаю, эта история его многому научила, и он образумился. Ты мне сразу понравилась! Не то, что все эти его прежние финтифлюшки.

— Я рада, что мы нашли общий язык.

— А уж я-то как рада... Слушай, все боялась спросить... А сколько этой курице дали? Ну, той, которая моего Сережу подставила?

— Рае? Пять лет условно, с отсрочкой исполнения по уходу за ребенком — пока дочке четырнадцать лет не исполнится. Да и мать у нее инвалид. Такой приговор вынесли только потому, что Груздев пока живой.

— Вот именно — пока. Если и выживет, то инвалидом останется. Голова, — Зоя постучала красивым тонким пальцем с ярким маникюром себе по виску, — это не шуточки. Лучше уж умереть, чем остаться овощем.

— Это точно, — искренне согласилась я.

— А ребенок его теперь где? Там же вроде был какой-то ребенок, совсем маленький...

— Маме отдали. Груздев его на выходные брал. Мама там какая-то... с приветом. Я подробностей не знаю. Они разведены.

— Маш, ты такая хорошая. Готовишь вкусно, убираешь, и характер у тебя золотой.

— Спасибо.

— А можно тебя попросить... — Зоя перешла на доверительный шепот.

— Просите, конечно.

— Только между нами, ладно?

— Я никому не скажу.

— Ко мне сегодня придет... э-э... любимый человек. Мы обычно в другом месте встречаемся — в загородном доме, но сегодня он занят, я ремонт там затеяла. Я знаю, ты работу домой взяла, но не могла бы ты...

— Да без проблем! Встречайтесь спокойно со своим любимым человеком. А я в кафе поработаю.

— Отлично! Я тебе сейчас денег дам.

Она побежала в прихожую, схватила изящную сумку, чем-то пошеле-стела там и протянула мне пятитысячную купюру.

— Это много, — смутилась я.

— Нормально. Ты еще потом в магазин зайди. Прикупи себе что-нибудь — из вещей или косметики, — а то живешь совсем без всяких там женских глупостей.

— Хорошо. — Я убрала деньги в сумку. — Только я лучше посуду посмотрю новую, у нас ни одной чайной пары целой не осталось, чай как бомжи пьем.

— Ну какая же ты все-таки замечательная! — закатила глаза Зоя Аркадьевна.

И тут прозвенел звонок в дверь.

— Ой, — всполошилась она. — Не успели!

— Уже ухожу, — рванула я к выходу и... нос к носу столкнулась с Геной.

— Ты?!

— Маня?!

— Вы знакомы? — потрясенно спросила Зоя.

Я кивнула и убежала.

Если честно, я понимала Генку и в чем-то даже его оправдывала.

Во всяком случае, звонить Вере с докладом о том, что ее муж развлекается с моей свекровью, я почему-то не собиралась. Пусть разбираются сами. Мое дело — сторона.

В кафе было душно, кондиционеры не работали.

Зачем приехала именно в «Дикий Запад», я понятия не имела. Как говорится, ноги сами принесли.

Из окна открывался вид на перекресток, где сбили Груздева. На светофоре кто-то прикрепил два цветочка.

Я позвонила Сержу и сообщила:

— Он умер.

— Кто? — не понял Серж.

— Груздев умер. На светофоре висят цветы.

— Как тебя туда занесло?

— Не знаю. Как-то так получилось.

— Уходи оттуда, пожалуйста. Рая уволилась, ты теперь сможешь работать в редакции.

— Хорошо. Завтра пойду на работу. А сейчас мне надо посуду купить.

— Какую посуду? — занервничал Серж.

— У нас вся посуда вразнобой...

— О, господи... Маш, черт с ней, с посудой! Я тут, знаешь, что понял?

— Что?

— Я люблю тебя, Маш. Я вдруг понял, что мне кроме тебя никто не нужен. Я люблю тебя.

— А почему ты говоришь мне об этом по телефону?

— Не знаю. Вдруг захотелось сказать это именно сейчас. Ты можешь ко мне приехать?

Меня вдруг охватила паника.

Я привыкла, что все в моей личной жизни просчитано и организовано мной самой. И вдруг в этой четко спланированной схеме, в этой упорядоченной конструкции, где все было под моим контролем, произошел сбой.

— Серж, я никак не могу.

— Ладно, тогда увидимся вечером. Целую, малыш!

Он положил трубку, а мне с этим «Целую, малыш» предстояло дожить до вечера.

Рая уволилась, Серж меня полюбил, Зоя на меня молилась, и только две гвоздики на светофоре мешали ощутить, что жизнь, в сущности, удивительна и прекрасна.

Уже загруженная пакетами с новой посудой, я вдруг вспомнила, что сегодня конец месяца, и нужно забрать деньги у квартирантов.

На ступеньках в подъезде сидела Вера и курила. Глаза у нее были заплаканные.

— Снова ушел? — спросила я, хотя лучше нее знала ответ.

— Пока нет. — Вера выпустила дым в сторону, чтобы он не попал на меня. — Но я чувствую, он к ней бежит. Сегодня с утра глаза так блестящие... Сказал, на работе задержится. На работе! А у самого в глазах черти пляшут! Я говорю, мне что, можно лапшу на уши вешать?

— А он?

— Он сказал, если ты мне не веришь, то нам лучше расстаться.

— Может, вам, и правда, лучше разбежаться, чем так нервы друг другу трепать?

— Нет уж. Я этой старой карге Генку не уступлю. Маня! Ей шестьдесят два! Шестьдесят два, слышишь?!

— Ладно, как знаешь, — я подошла к своей квартире и позвонила в дверь.

— А у тебя как? — спросила Вера. И что-то в ее голосе мне почудилось такое, что захотелось говорить о том, как у меня все прекрасно.

— Груздев умер.

— А это кто?

Дверь открылась, процесс передачи денег занял секунды две, дверь снова закрылась.

— Парень, которого сбили. Помнишь, я рассказывала?

— Жалко, — вздохнула Вера. — Он смешной был. Раскраска в сумке, слепой как крот, и во-от такие ботинки! А знаешь, Маня, я по тебе очень скучаю. Жалко, что ты уехала. Пока! — и захлопнула за собой дверь.

Вера захлопнула дверь, а я почувствовала себя последней свиньей.

Громя посудой, я вышла из подъезда и направилась к остановке.

— Девушка! — вдруг окликнул меня чей-то глухой голос.

Я обернулась и увидела... Груздева. Он стоял передо мной — лохматый, худой, какой-то взъерошенный, очень похожий на бездомного пса. Я выронила пакеты, посуда жалобно звякнула, ударившись об асфальт. Груздев подскочил ко мне, поднял пакеты и улыбнулся простодушной улыбкой:

— Вы Маша, да?

— Груздев, ты же умер... — с трудом произнесла я.

— Значит, Маша! Пошли, посидим на детской площадке, поговорим, — сказал он, показывая рукой на детскую карусель.

Я послушно потащила за ним. Он сел на вертящийся круг, я — на маленькое сиденье в виде лошадки.

— А почему я умер?

— На светофоре, где тебя сбили, висят цветы.

— Да ты что?! — искренне удивился он. — Правда?! Елки, ну, значит, там еще кого-то того... А я живой, правда. У меня даже голова уже почти не болит! Извини, я на «ты» перешел. Случайно, от волнения. Я хотел вам спасибо сказать за Мишку, если б вы его тогда не нашли в квартире, не знаю, что было бы. Я же на пять минут всего тогда отошел в магазин, молока ему купить... И тут такое... Черт, не умею говорить правильно, красиво, ну, в общем, я очень вам благодарен!

— Как ты меня нашел?

— Я?! А, ну, так медсестра мне сказала, что девушка ко мне приходила симпатичная, переживала за меня, волновалась. Я в полиции потом адрес узнал, вот, третий день у подъезда караулю...

— Что? Повтори, какая девушка приходила?

— Симпатичная! — весело выкрикнул он слово, которое не имело ко мне ни малейшего отношения.

— У тебя, правда, голова не болит?

— Ну, так, иногда, чуть-чуть.

— Как Мишка?

— Да нормально. Дома сидит, рисует. Он раскраски любит.

— Что? Он опять у тебя? Один?

— Ну да, я на выходные его беру, сегодня же пятница.

— Ты debil, Груздев, ты просто феерический debil... Быстро езжай домой! — заорала я. — Хочешь, я такси тебе вызову?

— Да не, я, это... я сам... — стусевался он и под моим гневным взглядом ринулся вприпрыжку к дороге.

— Эй! Куда?! Пакеты отдай!

Я догнала его и забрала пакеты с посудой.

— Ой, извини... те. Я, это, забыл.

— Иди уже. Только осторожно. И под ноги смотри. И очки поправь. И вообще... Купи себе мотоциклетный шлем и носи.

Этот придурок послал мне воздушный поцелуй и пошел медленно, глядя под ноги и вышагивая, как цапля. У дороги он обернулся, словно ища одобрения.

— Молодец! — показала я ему большой палец и дождалась, пока он сядет в такси.

Через месяц Груздев снова ждал меня на карусели.

Я вышла с деньгами от квартирантов и увидела, что он крутится на лошадке — длинный, неуклюжий, лохматый, в мотоциклетном шлеме. Кроссовки сорок шестого размера нелепо торчали, завершая всю эту безумную конструкцию.

— Привет! — прыгнул он с лошадки и снял шлем. — Вот, хожу, как ты сказала... Осторожно и в шлеме.

— Мишка где?

— Мишка!!! — заорал Груздев.

Из песочницы выскочил ребенок, подбежал к нам, но, увидев меня, засмутился и спрятался за Груздева, обхватив его за ноги.

— Ну, слава богу. И зачем вы пришли?

— Мишка, зачем мы пришли?

Мишка засмутился еще больше и уткнулся лицом в ноги Груздева.

— Он стесняется. Хотя я тоже... Щас... — Груздев стал шарить по карманам, потом схватился за сумку, висевшую на плече. — Кажется, это здесь, щас... — и вытащил из сумки пластилиновую фигурку. Она немного помялась, но даже в поплывших контурах угадывалась принцесса — пышная юбка, корона, тонкая талия, гордая осанка, лицо, которое было бы прекрасным, если бы не помятый пластилин, из которого было вылеплено. — Это вы, — сказал он. — Мишка слепил.

Я взяла принцессу и вдруг заплакала. Слезы градом покатались по лицу.

— Ты чего? — испугался Груздев, снова переходя на «ты».

— Тут недалеко есть кафе-мороженое, пойдете туда, — хлюпая носом и вытирая слезы рукой, предложила я.

— Миш, пойдом? — спросил Груздев сына, запутавшегося у него в ногах.

Мишка согласно кивнул.

— Спасибо, — сказала я. — За принцессу.

— Немножко того, помялась... Но суть он уловил правильно.

Мы странной группой направились к кафе — я, с пластилиновой принцессой в руке, испачканный в песке ребенок и Груздев с шлемом в руках, в огромных кроссовках, с развязанным шнурком, который тянулся за ним длинной вялой змеей.

Он был астрономом.

Я десять раз переспросила Груздева:

— Я не ослышалась? Астроном? Может, агроном?

— Да честно тебе говорю. У нас есть институт астрономии, вот пропуск. — Он достал из кармана и протянул мне синие «корочки».

Я открыла их и прочитала:

— «Институт астрономии РАН. Отдел исследований Солнечной системы. Груздев Павел Андреевич, ведущий научный сотрудник». С ума сойти! Это что-то из другой жизни. Я думала, астрономов уже не бывает.

Мишка играл на надувном матрасе с цветными резиновыми шарами.

— Где его мать? — кивнула я на него. — Почему он все время с тобой? Сегодня даже не пятница, сегодня понедельник.

— Да дура она, — беззлобно сказал Груздев. — Связалась с какой-то сектой, мясом ребенка не кормит, видишь, бледный какой.

— Ужас!

— Я в суд подал, чтобы Мишка ко мне насовсем переехал.

— Правильно. Молодец!

Мы помолчали, доели мороженое, синхронно отодвинули от себя креманки и дружно рассмеялись.

— Замужем? — глазами показал он на кольцо.

— Чуть-чуть.

— Так не бывает.

— Бывает. Еще как.

Мы опять помолчали. Молчать с ним было легко.

— Можно твою дырку потрогать? — спросила я.

Мы сидели так долго-долго, пока не прибежал Мишка и не дернул Груздева за штанину, просясь в туалет.

Мы стали встречаться.

Сначала один раз в неделю, потом два, потом три...

Потом — каждый день.

Иногда с нами был Мишка, но чаще Груздев приходил один.

Мы гуляли, болтали, заходили в кафе. У него все время то развязывались шнурки, и он их долго завязывал, то почему-то запотевали очки, и он так же долго их протирал замызганным платком.

— Понимаешь, — говорил он и показывал на небо, где еще не было ни одной звезды. — Я исследую процессы нагрева верхней атмосферы планет жестким излучением родительской звезды в мягком рентгеновском и крайнем ультрафиолетовом диапазонах. Это позволяет провести оценку темпа оттока атмосферы для планет у молодых звезд. Тебе неинтересно? — вдруг спохватывался он.

— Ужасно интересно! Ужасно! Говори еще.

И он говорил, говорил, говорил...

И тут в кафе появился Серж. По его взбешенному виду я поняла, что он за мной следил. Он молча подошел к нашему столику и крепко схватил меня за руку.

— Пусти! — выкрикнула я. — Пусти, больно!

— Он же умер, — сказал Серж, глядя на Груздева. — Ты сказала мне, что он умер!

— Извините, я жив. А вы кто?

— Это мой, как бы, муж.

— Как бы? Как бы?! — Серж отпустил мою руку и замахнулся для пощечины. Но Груздев вскочил и, схватив Сержа за плечи, оттолкнул от меня.

Серж ударил его в грудь, Груздев неумело пихнул Сержа под дых.

Два мужика дрались из-за меня. Один из них был моим мужем. Второй... Просто Груздев — астроном, дурак и растяпа.

— Не бей его! — вцепилась я в Сержа и повисла на нем. — Не бей, пожалуйста! У него в голове дырка, ему ничего нельзя!

— Что у него в голове?!

— Дырка! После аварии там нет кусочка черепа. Если ты ударишь его по голове, он умрет!

— Тьфу! — Серж сплюнул себе под ноги и пошел к выходу.

Я побежала за ним.

Груздев за спиной объяснял официанту, что это была не драка, а деловой разговор, и он заплатит за все неудобства.

— И давно он стал твоим любовником?

— Мы не любовники. Просто гуляли вместе и болтали о всякой ерунде. Иногда одни, но чаще с нами был Мишка.

— Так я и поверил, — с горечью усмехнулся Серж.

Мы шли пешком по ночной улице, горели желтые фонари, светила луна, словно в подмогу фонарям. Профиль у Сержа заострился, губы превратились в узкую злую полоску.

— Спасибо, что приревновал меня, — взяла я его за руку.

— Правда? — Он остановился и с искренним недоумением посмотрел на меня. — Ты говоришь мне за это спасибо?

— Конечно. Я и мечтать не могла, что у меня будет муж. Я и мечтать не могла, что он будет следить за мной, чтобы обвинить в неверности. Это все так по-настоящему. Все, как у красивых. — Я встала на цыпочки и поцеловала Сержа в небритую щеку. Первый раз за всю нашу совместную жизнь я поцеловала его сама. — Я ведь некрасивая. У меня всего этого не должно быть. Если замуж вышла с помощью шантажа, то ревновать и следить за мной тебя никто не заставлял. Спасибо.

— Дурочка! — Серж обнял меня и прижал к себе. — Тебя, наверное, в детстве никто не любил?

— Любил. Очень любила бабушка. Но она умерла, когда мне было шестнадцать лет. Она мне всегда говорила, что я некрасивая, поэтому на подарки судьбы рассчитывать нечего. Нужно эти подарки самой себе дарить.

— Ох, и напортачила твоя бабушка с воспитанием!

— Я привыкла смотреть правде в глаза. Поэтому не надо тут про мою бабушку...

— Ладно, тогда я честно скажу, — засмеялся Серж. — Я забыл, что ты некрасивая. Зато вижу, что ты надежная, аккуратная, без бабских истерик

и капризов, без всей этой бабской суеты. Ты всегда спокойна, все держишь под контролем и никогда не болтаешь лишнего. Я бы очень хотел, чтобы ты полюбила меня по-настоящему.

— Я постараюсь.

— У тебя точно ничего не было с этим Груздевым?

— Ничего у нас не было. Если, конечно, не считать сексом разговоры об астрономии.

— Поклянись своей бабушкой, — без тени улыбки попросил Серж.

— Ты с ума сошел! — прыснула я. — Пойдем домой, а то Зоя Аркадьевна на нас заждалась.

Мы подошли к темному крыльцу под козырьком. И вдруг откуда-то сбоку шагнула и перегородила нам дорогу женская фигура — в светлых брюках и светлой блузке.

— Привет! — сказал голос Раи. — Гуляете?

— Привет! — удивленно произнес Серж. — А ты что здесь делаешь?

— А я вот что здесь делаю... — Она вскинула пистолет и прицелилась мне в грудь.

Я почему-то подумала — как глупо идти убивать в светлой одежде. Так глупо, что я не поверила в серьезность ее намерений.

— Мама сегодня умерла, — глухо проговорила Рая дрожащим голосом. — У нее сердце не выдержало... Она умерла из-за тебя, тварь! — и... нажала на курок.

За секунду до того, как она это сделала, Серж бросился вперед и закрыл меня собой.

Грохнул выстрел, и он упал.

Мы стояли друг против друга — красивая Рая и некрасивая я. А между нами лежал Серж. Что-то темное било струей из его груди.

Рая отбросила пистолет и села на землю возле Сержа.

— Что я наделала, — безжизненным голосом проговорила она и начала повторять эту фразу бесконечное количество раз, раскачиваясь из стороны в сторону. — Что я наделала... Что я наделала...

А потом были сирены и синие всполохи, затем все куда-то пропало — наверное, я умерла.

— Ты беременна, — сказала мне Зоя Аркадьевна, когда я очнулась в палате.

Она была в трауре, но ярко покрашена — как всегда.

— Сколько я тут лежу? — Язык шевелился плохо, во рту пересохло.

— Неделю. Ребенка удалось сохранить. — Она села рядом со мной на кровать, и мы стали молчать — легко, как мне когда-то молчалось с Груздевым.

— Сержа похоронили? — спросила, наконец, я.

— Да. Я потом отвезу тебя на кладбище. Памятник пока не поставили, его через год, говорят, надо ставить.

— Кто говорит?

— Все. — Она все же заплакала — аккуратно смахивая слезы, чтобы они не размазали тушь. — Так, все, все, не плакать, тебе нельзя волноваться, тебе нужны только положительные эмоции. — Зоя Аркадьевна легко вспорхнула и прошлась по палате, обмахивая руками лицо, чтобы высушить слезы. — А можно, я позову Гену? Он там, в коридоре сидит, голодный и грустный.

— Зови, конечно, зови, — отчего-то я перешла на «ты».

В палату вошел почерневший, осунувшийся Гена, словно это он, а не Зоя, потерял сына.

— Привет! — поздоровалась я.

— Как ты? — спросил Гена.

— Нормально. Жива. Ты все-таки ушел от Веры?

— Это она от меня ушла. — Он отвел взгляд, вздохнул, присел на край кровати и начал тереть угол моего одеяла.

— Мы встретились все вместе и поговорили, — взмахнула рукой Зоя Аркадьевна. — Она чудесная, Вера, просто чудесная! Красивая, нежная, к тому же математик! В наше время разве встречаются еще математики? Она Гену и бросила, сказала, что ей давно нравится завкафедрой матанализа. Он холостой, и у него ученая степень. Мы теперь в гости к ней ходим, а она к нам. И было бы такое счастье, если б Сережа...

Я, наконец, заплакала — горько, навзрыд. Они бросились ко мне, гладили по голове, утешали, целовали и обнимали, твердили, что у меня будет ребенок, а это продолжение Сержа, поэтому надо держаться и жить...

Беременность я проходила легко и удивляла врачей идеальной картиной здоровья в таком возрасте и в таком положении.

Зоя Аркадьевна с Геной переехали в загородный дом, где, наконец-то, сделали ремонт. А я осталась жить в квартире Сержа — свою по-прежнему сдавала.

На кладбище я ездила редко — не умею говорить с мертвыми.

Пол ребенка не стала узнавать до родов — пусть будет сюрпризом.

Единственное, чего я хотела, если родится девочка — пусть она будет похожей на мою свекровь.

Иногда я вспоминала Груздева и его астрономические рассказы.

Я не скучала по нему, нет. Просто встречи с ним ассоциировались с самым счастливым периодом моей жизни — когда Серж понял, что полюбил

меня по-настоящему, и даже устроил настоящую сцену ревности, подняв мою женскую самооценку чуть ли не до небес.

Я удалила все контакты Груздева из телефона и заблокировала его звонки — не хотелось беречь прошлое.

Ничего не изменишь.

Ничего не вернешь.

Нужно просто жить дальше.

Весной я родила девочку, и она оказалась точной копией Зои Аркадьевны — все так, как я и мечтала.

После выписки я вышла на больничное крыльцо со свертком, но вместо Веры и Зои с Геней меня на улице ждал Груздев. В руках он держал большую связку воздушных шаров, которую трепал ветер. Более идиотского зрелища я в жизни не видела. Шнурок его кроссовки был, конечно, развязан.

— Где Зоя Аркадьевна?! — бросилась я к нему. — Где все?! Что случилось?!

— Ты только не волнуйся, — залепетал Груздев. — Все хорошо! Они отравились.

— Что?!

— Отмечали рождение внучки... дочки... или как ее там... Пошли в китайский ресторан, ну, и того...

— Что... того?! — У меня подкосились ноги, Груздев подхватил ребенка, отпустив шары, и они взлетели в небо яркой разноцветной гроздью.

— Того... этого... В больницу попали все! Понос, рвота, температура... Я же говорю, все нор-маль-но! В прокуратуру заявление написали, сан-эпидемстанция теперь этот ресторан к чертям собачьим разнесет!

— О, господи... — Я забрала у него ребенка. — А ты как здесь оказался?

— Меня Зоя нашла, чтобы я тебя встретил. Вон такси, поехали. Ой, а шары где?!

— Вон твои шары, — показала я на небо.

— Ух, елки! — задрал голову Груздев. — Красиво-то как! Первый раз без телескопа на небо смотрю. Как дочку-то назвала? — показал он на сверток.

— Люба.

— Красиво. А я пластину в голову вставил. Меня теперь палкой по голове можно бить — ничего не будет.

— Отличная новость! — прижимая к себе ребенка, улыбнулась я.

— А еще я отсудил у жены Мишку, он теперь всегда со мной, а не только по выходным, — гордо сообщил Груздев.

— Ничего себе! Поздравляю. А где он — в такси?

— Да нет, дома. Не стал я его сюда по морозу тащить, у него сопля...

— Идиот... — только и смогла сказать я. — Говоришь, тебя теперь можно по голове бить?

— Маш, да он уже взрослый...

— Быстрее! Поехали! — Я со всех ног помчалась к такси.

— Куда? — бросился за мной Груздев.

— К тебе домой! К Мишке! У меня есть еще два часа до кормления! Какой же ты идиот! Больного ребенка, одного, бросить дома! А самому к чужой бабе, с шарами...

— Не к чужой! — Груздев сграбастал меня в охапку возле машины, когда я уже открыла дверь. — К чужой бы я не пошел, даже если бы весь мир отравился в китайских ресторанах.

— Что это значит, Груздев?

Он меня поцеловал в губы, но очень целомудренно, как ему это удалось, я не знаю.

Таксист загудел, подгоняя нас, и закричал:

— Мы едем или целоваться будем? Ребенка заморозите! Горе-родители...

Мы упали на заднее сиденье, Груздев забрал у меня сверток.

— Так что это значит, Груздев? — повторила я вопрос.

— Я никуда тебя больше не отпущу. Никуда и никогда. Зоя и все остальные согласны.

Отлично, они все за меня решили.

За меня — которая всегда сама планировала и осуществляла подарки своей судьбы, потому что некрасивая. Потому что — некрасивая. И потому что — некрасивая!

Солнечный луч — наглый, весенний, — бил в правый глаз.

— Мишка тоже согласен. Так что сопротивление бесполезно, — обнял меня Груздев свободной рукой.

— Посмотрим, — произнесла я. — Учти, я далеко не подарок. И я привыкла все решать сама. Потому что...

Почему-то я не смогла сказать — «некрасивая».

Из конверта на меня пронзительно-голубыми глазами смотрела Люба.

У нее не должно и не могло быть некрасивой матери. □

Владимир Кочетков

ВИОЛОНЧЕЛЬ

Виолончель... чарующий дурман...
Тягучей сладостью пропитанные звуки...
Ведет смычок Эмманюэль Бертран,
Порхают мотыльками нежно руки...
Дрожит соната в пламени свечи,
Кружатся тени в переливе плавном,
И лунный свет, как ртутные ручьи,
Стекает с крыш, шепча о чем-то главном.
Трещит мороз, а в комнате тепло.
Мигают огоньки на лапах ели.
На блюде мандаринов полкило.
Покой и сон... под стон виолончели...

ПРОСТАЯ ЖИЗНЬ

Улыбки. Шепот. Взгляд. Негромкий джаз.
Бокал вина. Глубоки декольте.
Обрывки недовысказанных фраз
В проекциях немого варьете.

Объятья. Поцелуи. Сладкий стон.
Дыхание, вздымающее грудь.
В игристых брызгах растворенный сон.
Свечами не заплаканная суть.

Рыдания. Дрожь. Опустошенность. Тьма.
Размазанной помады яркий след.

Ирина Опимах

ЭЛИЗАБЕТ ВИЖЕ-ЛЭБРЕН

В истории мирового искусства нет так уж много женских имен, но эта дама, несомненно, в ряду лучших. И пусть кто-то считает, что ее творчество не отличалось высокими достоинствами, зато она оставила нам целую галерею портретов царственных особ, правивших миром в конце XVIII — начале XIX веков, и сделаны эти портреты твердой, умелой рукой.

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ ПОРТРЕТИСТКА

Мари-Луиз-Элизабет Виже родилась 10 апреля 1755 года. Ее отец, Луи Виже, был известным в Париже портретистом, человеком веселым, легким, не глупым, а потому в его доме частенько по вечерам собиралась очень приличная публика, богема, как мы сказали бы сегодня. Тут бывали писатели Вольтер и Дидро, художник Грез, прославленный трагик Тальма. Мадам Виже порой уставала от этих шумных сборищ, но что ей оставалось делать — только смириться.

Когда Элизабет исполнилось 6 лет, ее отдали в католический пансион. Монашенки девочку не полюбили — независимая, своевольная, на уроках невнимательна и все время что-то рисует в своих тетрадках. Мать ее ругала, а отец хвалил. «Моя девочка, — гордо говорил он, — она унаследовала мой талант». А уж когда она как-то быстро, к тому же, очень похоже, набросала портрет соседского булочника, он твердо решил: его дочь будет художницей! В те времена многие дамы увлекались живописью, и кое-кто (правда, таких было очень мало) даже зарабатывал ею на жизнь. В общем, женщине заниматься искусством было не зазорно. И мсье Виже, забрав дочь из пансиона, сам стал обучать ее живописному ремеслу.

Элизабет очень нравились эти уроки — она действительно походила на своего отца и характером, и отношением к жизни, а еще была готова работать, забывая о еде и сне. Ее это дело — живопись — очень

увлекало, а главное, у нее все получалось! Но счастливое ее детство продлилось недолго — в мае 1768 года Луи Виже умер, как рассказывает биограф художницы С. Макфол, подавившись рыбной косточкой. Девочка очень страдала — отец был ее самым близким другом, он лучше всех понимал ее, он так многому научил ее... А тут еще мать, Элизабет Жанна Виже, красивая, стройная дама, снова вышла замуж — ее новым избранником стал молодой ювелир Лесевр, с успехом продававший свои изделия придворным модницам и модникам. Он был богат, но патологически скуп, а Элизабет были все время нужны деньги, причем не только на туалеты — к ним она была равнодушна, — но и на холсты и краски. А отчим считал ее занятия живописью баловством. И если бы не друзья отца, художники Габриэль-Франсуа Дуайен и Габриэль Бриар, имевший свою студию, куда он и пригласил Элизабет работать и учиться, ей бы пришлось довольно трудно.

Она быстро усваивала уроки своих преподавателей и делала заметные успехи. Ее картины отличались какой-то особенной тонкостью, богатством палитры, светом. Вскоре ее учителя-покровители стали показывать ее работы на выставках, и картины эти публике понравились. О «чуде-ребенке» заговорил весь Париж, и вот уже к ней выстроились в очередь важные господа, желавшие заполучить портреты своих домочадцев. Отчим, увидев, что «глу-

*Авто-
портрет*

пые» занятия падчерицы могут приносить деньги, даже заужавал ее, а когда она подросла и превратилась из маленькой, угловатой девочки в стройную красавицу, проявил к ней вполне мужской интерес. Это было отвратительно, и Элизабет решила поскорее покинуть его дом. Был только один способ — вый-

ти замуж, что она и сделала. Ее мужем стал мсье Жан-Батист Пьер Лебрэн, уже немолодой господин, довольно посредственный художник, зарабатывавший на жизнь не столько созданием картин, сколько их продажей. Мсье Лебрэн был не лишен обаяния, однако любил выпить, поиграть в карты и прове-

*Портрет
графини
Анны
Сергеевны
Строгановой
с сыном*

Справа:
*Портрет
великой
княжны
Елизаветы
Алексеевны*

сти время в компании сомнительных женщин. «Зачем ты это делаешь? — говорили Элизабет друзья. — Он совсем не тот, кто тебе нужен». Но для нее тогда было самым главным — вырваться из дома отчима...

Они обвенчались — тайно! — в 1776 году. Свадебным путешествием стала поездка в Нидерланды, где Элизабет с восторгом изучала

творения голландских и фламандских мастеров, а еще писала на заказ портреты местных аристократов. Когда же супруги Лебрэн вернулись в Париж, случилось событие, ставшее одним из самых счастливых в ее жизни — у нее родилась дочь! Она не отходила от девочки — ее назвали Жюли — и непрерывно ее рисовала, создавая яркую, полную любви летопись ее жизни. Элизабет

работала без усталости, по 12 часов в день — помощи ждать было неоткуда, а ведь их семейству требовались средства на жизнь. Зато ее муженек, забросив все дела, пропадал в кабаках и игорных домах, и в разговорах с приятелями называл свою жену «дойной коровой». Элизабет никогда не видела от него ни заботы, ни душевного тепла. Неудивительно, что довольно скоро,

когда Жюли исполнилось пять лет, Элизабет бросила своего супруга и стала жить отдельно.

Она могла себе это позволить, так как была совершенно независима от мужа: ее обожала вся парижская знать, к ней шли и несли свои деньги ценители прекрасного. Она сама причесывала свои модели, требовала, чтобы они отказались от пудры и румян. И многим это

пришлось по вкусу. Так, герцогиня Граман после позирования у художницы отправилась в театр и произвела там фурор — так она была хороша без всяческих ухищрений, без пудры и с прической, которую ей сделала Элизабет.

Молодую художницу просто боготворили! Да что там говорить, эта очаровательная мадам Виже-Лебрен по популярности обогнала своих учителей! И более того — она стала любимой художницей Марии-Антуанетты! Довольно быстро они подружились: сверстницы, они вместе музицировали — играли в четыре руки на клавесине, вместе путешествовали. Художница написала около 30 портретов Марии-Антуанетты. Молодая королева ни на миг не желала расставаться со своей подругой. Все это породило всякие слухи — говорили, что их связывает пагубная страсть. Конечно же, это чистая ложь, королева была верна своему супругу Людовику XVI. Но дружба с Марией-Антуанеттой сыграла свою роль в карьере Элизабет — в 1783 году, в 28 лет, она стала академиком Королевской академии художеств, а это дало ей право выставляться на салонах и возможность продать многие свои работы Версалю. Понятное дело, такие успехи — и светские, и финансовые — порождали зависть. Говорили, что ей помогает писать известный художник мсье Манажо, что она так богата, что топтит камин кредитными билетами. А потом по Парижу поползли слухи

о романе Элизабет с министром финансов графом Колонном. Мало того, столичные жители смогли почитать переписку — конечно же, фальшивую! — художницы и министра, в которой было немало весьма нелицеприятных и издевательских слов о королевской чете. И, конечно же, никто и слышать не хотел уверений Виже-Лебрен и Колонна, что они не имеют никакого отношения к этим гнусным письмам! В общем, несчастному Колонну пришлось оставить свой пост, а Мария-Антуанетта более не желала видеть Элизабет.

Но тут во Франции началась революция, восставшие парижане взяли Бастилию. Элизабет не очень понимала, что происходит в стране, ей просто хотелось уехать куда-нибудь подальше от всех этих пересудов и шумихи вокруг ее имени. Друзья советовали как можно скорее бежать из Парижа, ведь все знали, что она была близка ко двору, и друзей королевы уже ждала гильотина.

5 октября 1789 года, когда толпа пошла на Версаль, Элизабет уже ехала в дилижансе вместе с дочерью в Рим, куда ее пригласил тамошний французский посол. Во Францию она вернулась лишь через 12 лет. Больше ей не довелось встретиться со своей бывшей покровительницей — 16 октября 1793 года Мария-Антуанетта взошла на эшафот. (А пятью месяцами раньше гильотина убила ее супруга Людовика XVI).

*Авто-
портрет
с дочерью*

Элизабет с восторгом знакоми-
лась с итальянским искусством и
архитектурой. Сначала был Турин,
потом — Болонья, где ее выбрали
в члены местной Академии худо-
жеств. Во Флоренции ей заказали
автопортрет для знаменитой гале-
реи автопортретов великих худож-

ников (этот ее автопортрет и сегодня
украшает собрание Уффици).
Вечный город привел ее в восхище-
ние. Затем она отправилась в Неа-
поль, где хорошенькой художницей
увлекся английский граф Бристоль
и даже заказал ей свой портрет.
Однако Элизабет совершенно рав-

*Портрет
Этьена
Виже
(брата
художницы)*

Справа:
*Портрет
дочерей
императора
Павла I*

нодушно восприняла его ухаживания. Похоже, мужчины ее мало волновали. В Неаполе она встретила со знаменитой леди Гамильтон и написала два ее портрета.

Настал момент, когда ей захотелось домой, но оказалось, что ее имя внесли в списки контрреволюционеров, и, если бы она оказалась во Франции, ее тут же арестовали бы. Муж ее и не пытался ей помочь, а лишь регулярно требовал

от нее денег. Элизабет, наконец, взбунтовалась и отказалась содержать этого совершенно чужого ей человека. Тогда он подал на развод и, получив его, тут же женился снова — видно, нашел новую дурочку, готовую его содержать.

А Элизабет, поняв, что во Францию ей дороги нет, отправилась в Россию, куда в то время любили ездить французские художники, да и не только художники, но и искатели

спокойной жизни и заработков. Путь ее пролегал через Вену, Прагу, Дрезден и Берлин. Везде она работала, и везде ее картины имели успех. «Заниматься живописью и жить — для меня одно и то же», — говорила она.

Итак, в июле 1795 года мадам Виже-Лебрен прибыла в Петербург. Годы, прожитые в России, оставили глубокий след в ее памяти, недаром им она посвятила несколько страниц в своих мемуарах. Ей нравились

русские дамы — красивые, элегантно одетые. Нравились роскошные приемы в столичных дворцах (иностранцы, которых охотно приглашали на обеды, могли не заботиться о своем пропитании). И даже зимний холод ее не пугал — удивительным образом русским удавалось создавать тепло в своих домах. Здесь у нее появились новые друзья, среди них — граф Александр Строганов, меценат, ученый; краса-

*Портрет
мадам
де Сталь
в виде
Коринны*

Справа:
*Принц
Генрих
Любо-
мирский
во славе*

вица княгиня Екатерина Долгорукая, супруга царевича Александра Елизавета Алексеевна. Вскоре к ней уже выстраивалась очередь русских аристократов, что весьма озаботило императрицу. «У госпожи Лебрен свой двор, к ней побольше народу ездит, чем к нам», — нашептывал Екатерине ее фаворит Платон Зубов. Виже-Лебрен писала: «Императрица, видно, не могла понять,

что люди посещают художника, чтобы позировать ему».

Она была очень хороша собой, эта художница-француженка, а потому ей приписывалось множество романов, например, с польским королем Станиславом Понятовским, жившим в Петербурге в изгнании. Но и эта история была, скорее всего, выдумкой и сплетней. «Мы просто друзья», — всегда говорила Элизабет.

На самом деле ее заботило лишь счастье дочери, которая подросла и превратилась в очаровательную девушку. Но и тут все складывалось не так, как ей, Элизабет, хотелось бы. Жюли влюбилась в совершенно безродного и безденежного секретаря графа Чернышева Гаэтана Нигрису и однажды сбежала с ним из дома. Элизабет поначалу думала заявить в полицию, но потом про-

стила дочь. Теперь ей приходилось зарабатывать не только для себя и Жюли, но кормить еще и Гаэтана...

В 1802 году она решила вернуться во Францию. Там все очень изменилось — к власти пришел Наполеон. По дороге она заехала в Берлин — там король Пруссии Вильгельм заказал ей портрет. Портрет ему очень понравился, и Элизабет была принята в члены берлинской

*Элизабет
Виже-Лебрэн.
Любимая
художница
королей.
Автопортрет*

Академии художеств (всего, надо заметить, она была членом восьми (!) академий художеств разных стран, включая и Россию).

Париж встретил ее довольно прохладно — муж обосновался в их доме и совсем не спешил его освободить, Наполеон ее не жаловал, а бывшие заказчики подзабыли. И хотя тут были ее брат с женой, да и бывший муж пытался наладить с ней отношения, через полгода она снова уехала — на сей раз в Англию. Тут

она нашла благодарных клиентов (среди них король Георг IV и лорд Байрон) и пробыла там семь лет, несмотря на то, что эта страна не очень пришлась ей по вкусу — грязно на улицах, говорила художница, народ грубый, да и климат отвратительный.

В 1809 году она снова вернулась на родину. Наполеон, ставший императором, окружил себя роскошью, дорогими вещами и интерьерами. И ему понадобились соответствующие художники. Тут он и вспомнил

о Виже-Лебрэн и пригласил ее к себе во дворец (Марли). Элизабет была уже не молода, однако мастерство оставалось при ней. Она создала много картин, которые пришлось по вкусу окружению императора. Среди них — портреты сестры Наполеона Каролины и прославленной писательницы мадам де Сталь — ее она написала во время поездки в Швейцарию. В своих воспоминаниях художница не забыла ни об одной своей работе и перечислила все: там 662 портрета, 200 пейзажей и 15 исторических полотен. Невероятная плодовитость! Такой работоспособностью мало кто из художников-мужчин мог бы похвастаться!

Время шло, мадам Виже-Лебрэн старела и слабела. Она купила себе небольшое поместье недалеко от Парижа, в местечке Лувесьен, и часть года жила в Париже, а другую часть — за городом. Теперь к ней приезжали уже не заказчики картин, а ее друзья, которым она с удовольствием рассказывала о местах, где побывала, о людях, с которыми встречалась и дружила. Ей было что поведать своим слушателям... В этом доме вместе с ней жила и ее дочь с мужем. Часто навещал Элизабет ее брат Этьен, ставший знаменитым актером, а еще — бывший муж, которого она давно простила и даже заплатила все его долги — за то, что он отдал ей родительский дом на улице Сен-Мари-Роз, в котором она родилась. Мсье Лебрэн умер в 1813 году, а в 1818 году ей пришлось пережить большое горе — умерла ее дочь Жю-

ли. Сама Элизабет была уже очень слаба, но, несмотря на это, каждый день старалась ходить на ее могилу. В 1820 году не стало и ее любимого брата Этьена.

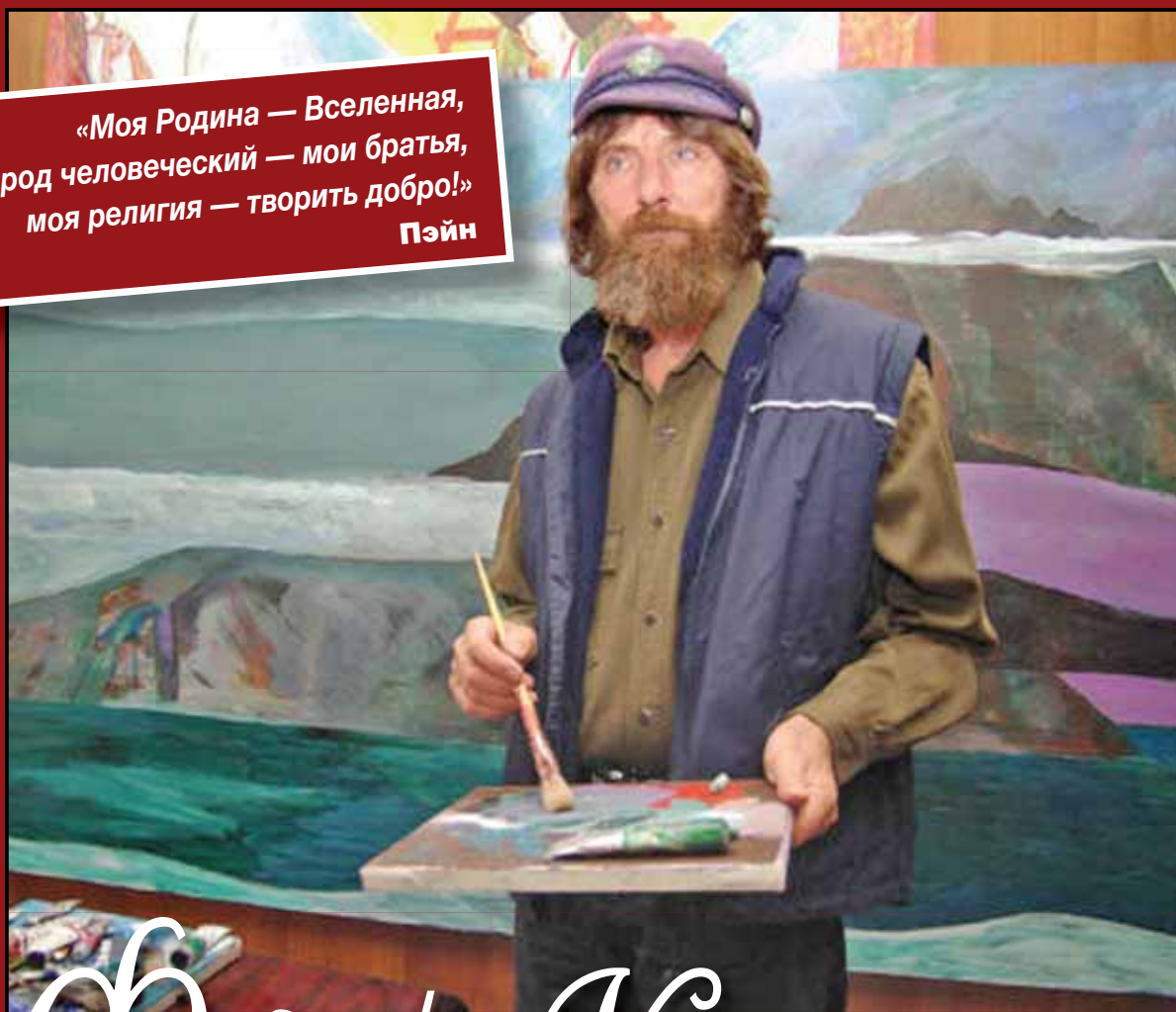
Мир быстро менялся, революции и войны ломали человеческие судьбы, а ее жизнь текла тихо, без потрясений. За ней ухаживали две ее племянницы. Церковь, визит к знакомому торговцу картин, кладбище — вот и все, что наполняло ее существование. Она пыталась работать, но уже дрожала рука, да и глаза были не столь зоркими. Среди немногих, кто еще ее помнил, были гости из России. Одна из ее бывших российских приятельниц, княгиня Екатерина Долгорукая, предложила ей писать мемуары, и Элизабет вдруг увлеклась — стала вспоминать прошлое, людей, случаи, когда-то потрясшие ее душу. Книга ее мемуаров вышла в 1837 году и сразу привлекла внимание читателей — там жила сама история.

Элизабет Виже-Лебрэн умерла 30 марта 1842 года в своем парижском доме на улице Сен-Лазар. Она завещала похоронить себя в Лувесьене, что и было сделано. Похоронная процессия была небольшой — служанка, племянницы да несколько старых поклонников ее искусства.

Всю свою жизнь она путешествовала — странствия были суждены и ее останкам. Через несколько лет ее могилу перенесли на новое кладбище. Там стоит скромный памятник — камень, в верхней части которого выбита палитра и кисть, а внизу — надпись: «Здесь, наконец, покоюсь я». □

Виктор Ом

«Моя Родина — Вселенная,
весь род человеческий — мои братья,
моя религия — творить добро!»
Пэйн

Федор Конюхов

«Я, ПРЕЖДЕ ВСЕГО, — ХУДОЖНИК!»

«Я, прежде всего, — художник!» Эти слова принадлежат известному путешественнику, писателю, журналисту, скульптору, протоиерею Русской православной церкви, художнику, графику и живописцу Федору Филипповичу Конюхову.

Отец его был рыбаком, и жизненной стихией Федора на все детские и отроческие годы стало Азовское море. А дело жизни отца — его по-

стоянным занятием и учебой... Здесь и появилась первая, еще детская, но по-взрослому дерзкая мечта — покорить Северный полюс!

«Жизнь на берегу Азовского моря, в рыбацком поселке Троицкое, где я провел все детство, внушила мне любовь к морю и сделала меня до некоторой степени фаталистом (кстати, все рыбаки Азовского моря — фаталисты). "Рыбак должен быть готов ко всему и к полнейшему шторму, и к жестокому шторму", — так мне говорил отец. Он всю жизнь был рыбаком, а его отец — моряком. Он отмечал, что такая жизнь полна опасностей и тяжелого труда. От азовских рыбаков я научился терпеливости и выносливости», — вспоминает Конюхов в своей книге «Мой путь к Истине».

В жизни его всяких путешествий-приключений было множество, некоторые даже представить невозможно, до такой степени они невероятны и неправдоподобны и схожи, скорее, с легендами, мифами и сказками...

Мы с фотохудожником Николаем Тищенко вошли в московский дворик на Садовнической улице, вблизи станции метро «Павелецкая», и замерли от удивления и восхищения — чудное строение (эдакий ковчежец-теремок!) горделиво заняло середину дворика, а его изящные маковки православного храма переливались в слепящих солнечных лучах...

— Прямо остров Буян...какой-то заморский... Среди серого дворика — сказочный терем-теремок, а не мастерская художника! — изумленно пробормотал Николай и торопливо защелкал своим фотоаппаратом.

А я в который раз разглядывал скульптуры, окружавшие этот чудо —

изваяния Дежнева и других известных путешественников и среди них — погрудный портрет Владимира Высоцкого (позже я узнал, что он любимый поэт Федора Филипповича). Груда камней имитировала реальный берег неведомого океана, чернели железные громадины якорей, на углу стоял придорожный столб с множеством указателей, на котором прочитывалось главное — «Экспедиционный штаб Конюхова», а вокруг теснились другие — Эверест, остров Горн и прочее.

У самой двери меня остановила надпись, выбитая на мраморной плите, — текст ее был неожиданным: «А Ты поставил Свечу за своего врага?»)

А когда я вошел внутрь, сразу возникло ощущение, что попал в музей... Прямо у входа — скульптурная фигура самого Федора Филипповича в полный рост. Он здесь похож на одинокого странника-дервиша...

Николая поглотила работа — затвор его фотокамеры не смолкал...

А я по крутой лесенке стал подниматься на второй этаж, где, собственно, и размещалась мастерская художника Конюхова... Открыл дверь и остановился в волнении на пороге.

У мольберта, перед большим холстом, в черном одеянии священника стоял Федор Филиппович, державший в одной руке большую палитру, а в другой мастихин, а не кисть...

Он был так увлечен и сосредоточен, что даже не взглянул на меня. Мне стало как-то неловко, но я все же произнес свою «домашнюю заготовку»:

— Здравствуйте, господин художник!

Конюхов повернулся, улыбнулся, шагнул мне навстречу, приговаривая: «А-а-а... Ну, здравствуй! Куда запропастился? Давненько не являлся!» — и по-мальчишески озорно рассмеялся.

Бубня что-то невнятное, я начал извиняться, на что он очень спокойно ответил:

— Ай, ну что тут извиняться, садись вон к столу, чай еще горячий, а я еще помажу, — и опять шагнул к холсту...

Слева:

*Мастерская
художника*

«Мама»

Я присел на деревянный табурет и взглянул на холст. На нем переливалась красками, словно феерически-сказочная мозаика, громадина горы. Мельком прочел надпись внизу холста: «Гора Синай»...

— Все не могу закончить, — вздохнул Конюхов, смешивая на палитре мастихином краски.

Я поднялся, подошел к холсту, молча разглядывал буйство перламутрово-синих и голубых красок, а потом сказал:

— Федор Филиппович, там вроде бы безумствует солнце, и, говорят, жара несусветная, а у вас эта громадина будто некое видение призрачное...

«В горах Камчатки». Автолитография

Он ответил не сразу, продолжая заниматься красками на палитре:

— Да-а... жара там кромешная, кажется, что сами камни тысячелетние крошатся и в песок обращаются от жара, зноя и горячего пыльного воздуха. Но я все же пытаюсь воссоздать образ того... легендарного... библейского Синая. Конечно, камни те на горе очень впечатляют своей древностью, шутка ли — тысячелетия над ними прошумели! А они все лежат, такие... мощные, старые... Но мне все же видится первозданность и красота той легенды, что оживает в нашем сознании при слове «Синай»! Когда Господь явился изумленному Моисею... В самом звучании его уже

есть что-то очень архаичное, будто присыпанное вечными песками...

Так мы неторопливо разговорились... Мне было неловко задавать вопросы — ведь работал человек!

— Так что еще тебе сказать? — вдруг спросил он. — Я уже описан собратями по перу от пяток до макушки... но делать нечего, спрашивай, попробую ответить и тебе. Удивил ты меня — художником назвал, да еще так вычурно: «Здравствуйте, господин художник!»

— Когда связанное с искусством увлечение или страсть, не знаю, как точнее выразиться... словом, когда все это началось?

— Давно! — усмехнулся Федор Филиппович. — В самом раннем

ощущении себя... А становление мое как художника произошло на Дальнем Востоке.

Пять лет я жил на Чукотке, пас стада оленей, а в свободное время рисовал и писал этюды на самом определенную тему — «Жизнь и быт народов Севера». С разработкой этой темы, с работами, посвященными ей, меня и приняли в члены Союза художников СССР. И было это... ох, так давно, даже не верится, — в 1983 году! Годы, прожитые на Чукотке, вообще многое мне дали... Там, например, я научился впервые управлять настоящей собачьей упряжкой и удачно пересек зимой всю Чукотку, вдвоем с моим другом и учителем Ататой... Он был

эскимосом из поселка Новое Чаплино, а еще строил байдарки из моржовой кожи вместе с охотниками — зверобоями, тоже эскимосами, в поселке Сиреники, расположенном на берегу Берингова моря.

Оттуда, с самой окраинной точки страны, с далекой Чукотки, следил я за тем, как меняется мир, и не только за событиями политическими... Нет, старался я подмечать и анализировать более тонкие перемены, на простой взгляд, незаметные, и видел, как люди по-разному вели себя в разное время. Все это я старался передать в своих рисунках и картинах, собранных на самом «краю света». Удивление, изумление перед красотой мира — пожалуй, самое

раннее всепоглощающее чувство — живет во мне и поныне... Вот и рисую поэтому... И часто — именно в своих путешествиях.

— Да как же там, в океанской болтанке, можно что-то рисовать? — удивленно спросил я.

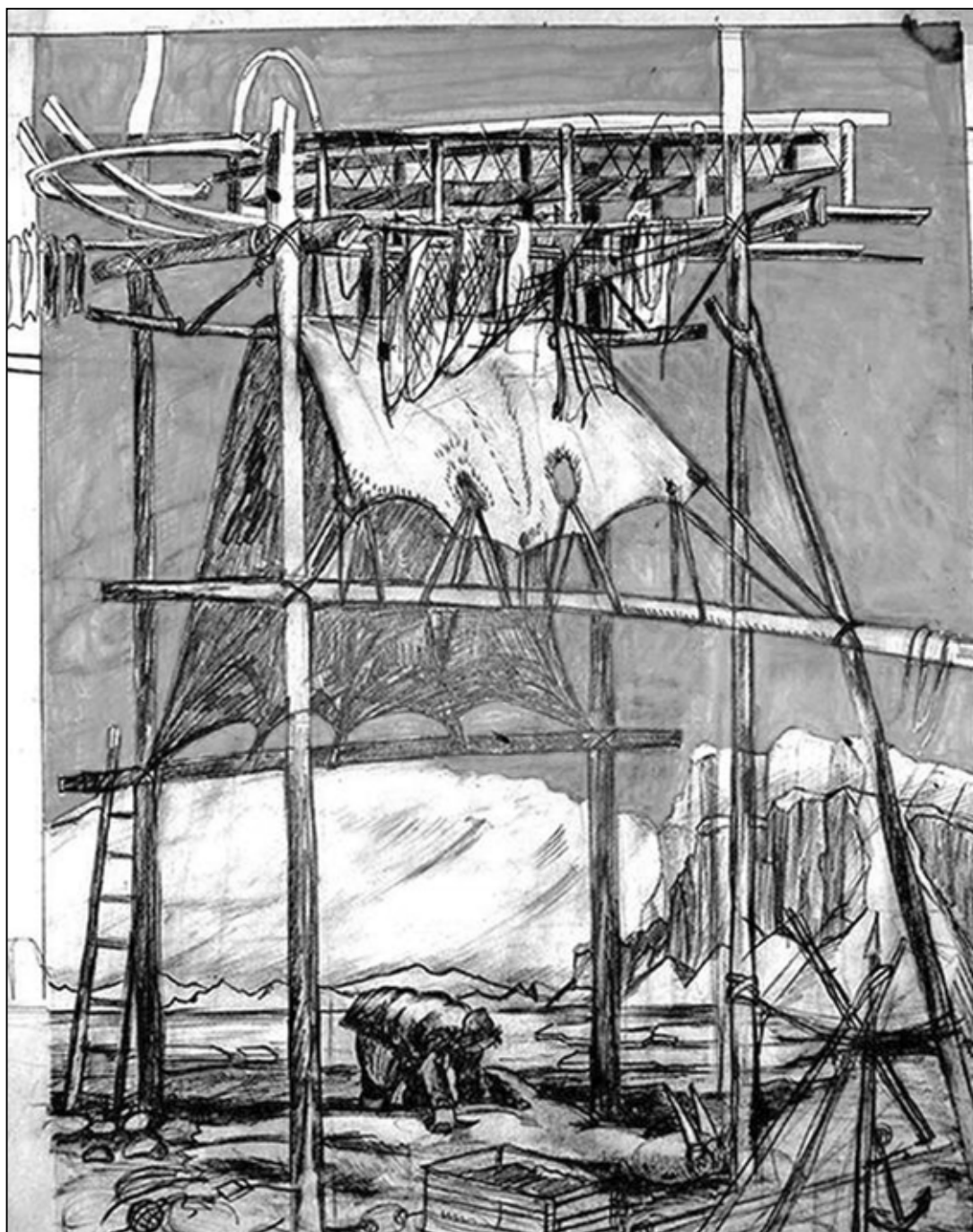
— Ничего, приноровишься и привыкнешь — болтанка не главное... она данность, от которой никуда не деться, — спокойно пояснил Федор Филиппович. — Иногда такая добровольная изоляция крепко надоедает, и тогда спасение одно — читать, писать или рисовать! Что и делаю... Хватаю тетрадь, карандаш, начинаю рисовать... и быстро ухо-

дит жгучая острота отрицательных эмоций...

— А намерение стать художником тоже из детства?

— Еще тогда я составил план и записал его в дневнике: сколько лет учиться, сколько лет путешествовать, затем заняться искусством, а к 70 годам стать деревенским священником. Но план мой был чисто теоретический... Последние пять лет все хочу порвать с приключениями и вплотную заняться живописью, а не могу, боюсь, что ли... Потому что здесь, в путешествии, мне понятно, что делать. Я умею организовать экспедиции, знаю, как вести яхту

*Авто-
лито-
графия*

вокруг света, или подниматься на высочайшие вершины, или грести веслами по 15–18 часов без усталости. А там, в мире творчества, неизвестно, какой дорогой идти, каких выбирать друзей, какую тему взять за основу. Вот и боюсь...

Всем, и особенно близким, обещаю, что вот эта экспедиция — по-

следняя, после нее начну новую жизнь, но не получается. Да и сделать шаг в сторону творчества все не решаюсь...

Тут я стал рассказывать Федору Филипповичу о нашем только что созданном объединении художников «Искусство для Жизни!», о наших идеях и устремлениях...

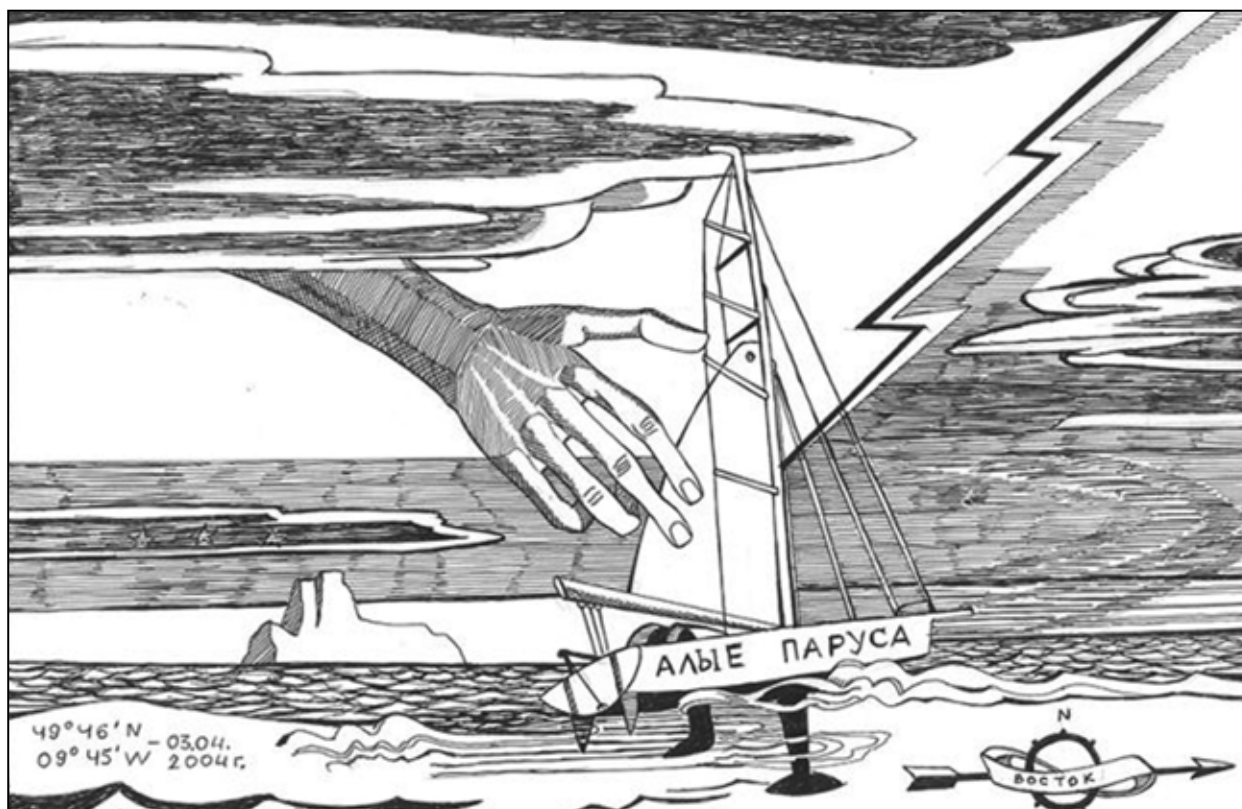
«Фиорд Нансена». Автолитография

— Вот куда должны быть направлены все усилия мастеров кисти и ваяния, это вечный путь творения от создателя к зрителю... Только здесь и есть истинная правда — все иное от лукавого... Поэтому целиком разделяю ваши замыслы и готов поддерживать это направление... — выслушав меня, произнес Конюхов и вдруг, словно отстранившись от разговора, посмотрел куда-то за стеклянную дверь и тихо добавил: — Не состоялся я... как художник!

— Как так? — изумленно выпалил я. — Вы — настоящий художник, да еще такой своеобразный... Ведь у вас за спиной учеба в Бобруйском художественном училище и у самых первоклассных мастеров... Это же плеяда самых лучших

в России мастеров изобразительного искусства! Имена-то какие — Олег Комов, Игорь Обросов, Илларион Голицын, Иван Рыбачук, Евгений Димура! Учеба у них — это полще любой академии!

— За время моих путешествий они ушли... навсегда... обидно и больно. Теперь только молюсь за них, чтобы упокоились они в чертогах Господа... А возвращаясь ко мне, скажу, что считаю себя все еще не состоявшимся художником... Что ж, если написал три тысячи работ, значит, уже и художник? Ну при чем здесь количество? Можно написать один портрет, как скажем, Веласкес, или пейзаж, как могучий Винсент, и все — этого хватит, чтобы остаться в истории живописи... А остав-

Автолитография

шиеся 2999 работ можно просто выбросить...

Конечно, намерения у меня были очень даже амбициозные... не скрою. Но ведь намерение — одно, а его осуществление — совсем другое. И конец дела — не намерение, в конце — плод труда.

Я — сын рыбака. Молюсь в выстроенной часовне не только за погибших рыбаков и моряков (море требует жертв), но и за моего отца Филиппа. Он пятьдесят лет был рыбаком... И каждый выход его в море был осмыслен...

Как-то в Приморском крае я приобрел для строительства храма святого великомученика Пантелеймона в поселке Врангель кирпич и строительный материал, чтобы

люди построили храм... А сам к тому времени ушел в экспедицию к Южному полюсу. Прошло время, вернулся, но церковь Святого великомученика Пантелеймона не была построена. Все кирпичи растащили на строительство гаражей для машин, забыв о Боге. Тогда я взял в свои руки бразды правления и стал строителем, архитектором и простым рабочим — каменщиком. Работал за всех. А потом позвал своих друзей на помощь, и они пришли. Я понял, что храм нужен не только мне! Ведь церковь — это корабль в житейском море. Как моряк спасает свою жизнь на корабле, так и человек спасает свою душу в церкви...

Вдруг чей-то мужской голос громко крикнул с первого этажа, что

Автолитография

Конюхову звонят по городскому телефону. Он бросил палитру на столик и быстро спустился по крутой деревянной лесенке вниз...

В мастерской сразу стало необычайно тихо, и мне неожиданно подумалось, что этот удивительный человек — словно луч ослепительного света или глоток студеного морского воздуха, пьяняще-свежего и бодрящего. Человек, азартно влюбленный в жизнь!

Федор Филиппович вскоре вернулся, но был несколько раздражен. Постоял перед картиной с горой Синай и молча сел в кресло.

Я смотрел на него и думал: «Вот сейчас Федор Филиппович повернется и скажет мне: «А ну, выметай-

ся!» Но он так же молча встал, подошел к холсту и снова приступил к работе.

Слава Богу, «выметание» не случилось. И я продолжал наблюдать за рождением живописной поэмы о библейской горе Синай.

Конюхов то отходил, то снова одним шагом оказывался у холста... Сколько прошло времени, трудно сказать, но он едва слышно заговорил, скорее, просто размышлял вслух:

— Вот и я как пастух... или плотник (говорят ведь, они не очень-то и умны и не имеют дара к глубинным рассуждениям)... Но если подумать — молитва христианина и творения художника рождаются не от рассужде-

«В бухте острова Медный». Автолитография

ний... Дух властвует над человеком, а не рассудок!

Я молча слушал, боясь пошевелиться...

Работал Федор Филиппович с каким-то своим внутренним ритмом, напряженно, размашисто — но... легко.

— Мне часто доводилось видеть, как в экспедициях рядом со мной гибли друзья, особенно часто это бывает в горных восхождениях, — продолжал между тем Конюхов. — Вот я и думаю — какими бы ни были прекрасными горы, мы не вправе тратить себя на то, чтобы любой ценой взойти на их вершины, даже если это Эверест! Человеческая жизнь стоит выше любых вершин мира!.. — Он обернулся и, улыбнувшись, сказал: — Мне иногда в минуты таких раздумий кажется, что все много-

образие форм и мотивов возникает вдруг — разом. По какому-то неведомому и самому замыслу. Ну, например, как фантастические замки и дворцы из детских волшебных сказок, которые рождались сладостными видениями, тогда, в моем счастливом босоногом детстве моем, в мгновенье ока...

И он, продолжая работать, чуть слышно продекламировал:

На небе солнце — в тереме
солнце;

На небе месяц — в тереме
месяц;

На небе звезды — в тереме
звезды;

На небе заря — в тереме заря;
И вся красота поднебесная!..

— Ну, а теремок-ковчежец, как ты и догадался, — обитель моя — мастерская! □

Молодую оперную певицу Александру Зарубину широкая публика знает как замечательную исполнительницу русских романсов. С 2013-го года Александра сотрудничает с Московским государственным оркестром под руководством Д.М.Орлова, с известным Фондом «Звезды русского романса» и с Фондом имени И.С.Козловского. Она — лауреат первой премии фестивалей-конкурсов «Южная звезда», «Золотой Дельфин» в номинации «Академический вокал» и санкт-петербургского конкурса романса «Весна романса».

З Александра Зарубина:

«Сколько себя помню — я пела всегда!»

— Александра, в каких спектаклях государственного Камерного театра Санкт-Петербурга вас можно услышать сегодня?

— В опере «Любовный напиток» я исполняю партию Адины, в опере «Дон-Жуан» — партию Церлины, и, как и другие артисты нашей труппы, выхожу на сцену в спектаклях теа-

тра. Сейчас я всецело занята тем, что готовлю партию Лейлы — опера «Искатели жемчуга» Жоржа Бизе. Вскоре приступлю к работе над партией Мюзетты в опере «Богема».

— Гениальному Жоржу Бизе на момент создания оперы «Искатели жемчуга» было всего

24 года, композитору удалось с помощью музыки воссоздать колорит Востока, наделить яркой индивидуальностью главных героев... Ориентальный сюжет был в моде того времени: «Алжирские этюды» создает Эжен Делакруа, Виктор Гюго пишет «Восточные стихотворения», а через год после «Искателей жемчуга» Жоржа Бизе появляются оперы: Делиба — «Лакме», Гуно — «Царица Савская», у Сен-Санса — «Самсон и Далила»...

— «Искатели жемчуга» — потрясающая опера, она впечатляет своей красотой, изысканностью, в процессе работы я наслаждаюсь невероятной музыкой Бизе, мне очень нравится партия Лейлы — жрицы Брахмы, и я рада, что смогу ее исполнить на сцене. Лейла — украшение этой оперы, ее жемчужина.

Как известно, первая постановка «Искателей жемчуга» состоялась в 1863 году в Париже. Действие происходит на далеком острове Цейлон, Зурга и Надир влюблены в Лейлу — чистую деву, которая своим пением способна укротить морских богов. Лейла принесла обет целомудрия и своим пением помогает искателям жемчуга. Сам сюжет пересказывать нет смысла, потому что читателю лучше самому услышать эту оперу, соприкоснуться с волшебной музыкой.

— Кто повлиял на выбор вашего жизненного пути?

— Сколько себя помню — я всегда пела! Мои родители к искусству не имеют никакого отношения, они — инженеры, но, видя мою любовь к музыке и стремление петь, отдали меня в детстве в музыкальную школу. В городе Конаково Тверской области, откуда я родом, тогда была только одна музыкальная школа, но педагоги очень талантливые и хорошо учили. С хором школы мы, дети, ездили на гастроли во Францию, я была солисткой. Выступали в Европе, и эти теплые воспоминания у меня остались на всю жизнь. С раннего детства я любила классическую музыку за ее красоту, и когда училась в ГИТИСе, то мечтала петь в опере.

— Вашим куратором в последний год обучения в ГИТИСе была певица, народная артистка СССР — Тамара Ильинична Синявская?

— Тамара Ильинична — великолепная певица, знаете, от нее веет настоящим Большим театром той эпохи... С Тамарой Ильиничной мы работали над актерскими задачами, она учила меня не показывать, а чувствовать музыку. Помню, когда готовила романс П.И. Чайковского «Забывать так скоро», она мне сказала: «Вот сейчас ты меня затронула». Такие слова услышать от Синявской — дорогого стоит.

— Александра, вы исполняете романсы, по окончании ГИТИСа

готовили программу «Звезды русского романса» с Александром Николаевичем Шеффером, с 2013 года сотрудничаете с государственным оркестром имени Д.М. Орлова, с Фондом И.С. Козловского и организацией «Звезды русского романса».

Вы умеете так спеть романс, что буквально завораживаете слушателей. Как у вас это получается? Вы подключаете актерскую технику, или это как-то связано с вашими личными воспоминаниями, и идет, как говорится, от души?

— В романсе исполнителю требуется актерское наполнение, и, ко-

нечно, очень помогают в работе личные переживания, глубокие чувства, певцу нужно уметь найти подходящие ключи к тому или иному произведению.

В спектакле артисту, наверное, несколько проще, на сцене тебя окружают партнеры, звучит музыка, и оркестр всегда помогает. Особое отличие романса в смысловой нагрузке — это может быть и объяснение в любви, и некая история, и размышления самого автора...

Романс — жанр старинный, зародился в Испании, восемьсот лет назад, его история уходит в средневековье.

*Роль
Церлины
в опере
«Дон Жуан»
(Гастроль-
ный спек-
такль
театра
«Санкт-
Петербург-
опера»
в «Геликон-
опере»)*

*Роль Адины
в опере
Доницетти
«Любовный
напиток»
(Фестиваль
«Опера —
всем»)*

По прошествии времени он приобрел в Европе такую популярность, что одиночные произведения объединялись в вокальные циклы, и первый такой цикл создал Людвиг ван Бетховен, композиторы Брамс, Шуберт, Шуман продолжили его идею. В дореволюционной России романс был невероятно популярным жанром. Появился в России в начале девятнадцатого века в дворянской среде, в столице, а позже покорил и провинцию. Романс исполняли на светских вечерах, потом он проник в народную среду, и появились различ-

ные виды: «усадебный», «городской», «мещанский», «цыганский».

— А у вас есть свой любимый романс?

— Конечно, я люблю классические романсы. Романсы П. Чайковского, С. Рахманинова очень красивы и проникновенны. Музыка по-настоящему удивительна. Если вернуться к жанру городского романса, то мне нравится романс Б. Прозоровского «Вернись, я все прощу». В этом романсе есть драматургия, что всегда интересно как певцу, так

*Роль
Серафины
в опере
Доницетти
«Колокольчик»
(«Геликон-
опера»,
дипломный
спектакль)*

и зрителю. Тамара Церетели, Вадим Козин, Изабелла Юрьева, Петр Лещенко — великолепно его пели — исполнителями его были женщины и мужчины, но сам Прозоровский отдавал предпочтение женскому исполнению этого романса.

— Кто является вашим кумиром, если есть таковые?

— Анна Моффо — легендарная американская певица итальянского происхождения, оперная дива, необыкновенно талантливая, красивая

и умная, я много литературы читала о ней, много интервью в записях слушала. Интересный факт: в 1959 году состоялся дебют Моффо в Метрополитен-опере, она пела Виолетту в «Травиате» и, что примечательно, в своей сценической жизни Моффо исполнила эту партию более восьмисот восьмидесяти раз! Семнадцать сезонов она пела в Метрополитен-опере, в репертуаре певицы были партии Амины в «Сомнамбуле», Адины в «Любовном напитке», Маргариты в «Фаусте», Ми-

каэлы в «Кармен», Джильды в «Риголетто». Моффо обладала невероятным голосом! Знала несколько европейских языков и, готовя партию, например, на немецком языке, тщательно его изучала.

Еще мне очень нравится певица Лючия Попп.

— А вы владеете иностранными языками?

— Хорошо говорю по-английски, знаю итальянский, немецкий, знакома с французским и испанским. Певец должен знать иностранные языки, очень важно понимать смысл слов, которые ты поешь. С удовольствием смотрю фильмы на английском языке, это помогает держать себя в языковой среде. Недавно видела фильм «Большие глаза», и он меня впечатлил. Этот фильм о художнице Маргерет Кин и ее интересной и сложной судьбе.

— Вы много гастролируете, ездите по разным городам, бываете на гастролях и за границей. А у вас есть любимый город?

— Конечно, есть, это — Санкт-Петербург, здесь я нашла свою любовь, встретила много интересных людей, музыкантов... Каждый раз, проходя мимо Исаакиевского собора по дороге в театр, я испытываю особенное чувство... Камерный музыкальный театр — «Санкт-Петербург-опера», где я служу, небольшой, но очень красивый, зрительный

зал — просто сказочный. В нашем театре обширный репертуар, где можно услышать оперы, которые не идут даже в столице. Представлены все жанры оперного искусства.

Для меня, обладательницы высокого лирического сопрано, есть много партий, и мне это очень важно. В нашем Камерном театре прекрасные дирижеры, пианисты, великолепный художественный руководитель — Юрий Исаакович Александров. Он — режиссер, его постановки идут не только в России, но и за рубежом. В труппе талантливые артисты, лауреаты и дипломанты международных конкурсов.

— Камерный театр «Санкт-Петербург-опера» создан в 1987

году режиссером Юрием Александровым. Здание самого театра очень впечатляет...

— До революции 1917 года это был дом мецената и предпринимателя — барона Сергея фон Дервиза на Английской набережной.

История гласит, что в 1900 году Сергей Павлович фон Дервиз подарил Московской консерватории орган, изготовленный в мастерской Аристида Кавалье-Коля, и этот инструмент был удостоен Гран-при и золотой медали на выставке в Париже того времени. Он помогал студентам Московской консерватории и был почетным членом ее дирекции. Сам фон Дервиз прекрасно играл на фортепиано, сочинял музыку на свои стихи.

— У вас есть увлечения в жизни, или на это не хватает времени?

— Мое увлечение — это моя профессия! Хочется постоянно совершенствоваться, развиваться, максимально владеть своим голосом так, чтобы выражать музыку и эмоции, свои мысли. Научиться петь оперы на языке оригинала. Выступать на лучших сценах мира. Хочется очень много работать!

— Что пожелаете зрителю, который пришел в ваш театр?

— Чтобы публика уходила из театра в хорошем настроении, со светлым чувством, вдохновленная. И, конечно, хороших спектаклей, чтобы они радовали зрителя! ▣

Беседовала **Елена Воробьева**

для «чайников», или Секрет Полишинеля

Когда рядом со мной впервые прозвучало слово «блокчейн», я провидчески вздрогнула от ощущения, будто у меня надо ухом щелкнул передернутый затвор.

— Блокчейн! — с максимально возможной для лунатика решимостью произнес мой муж-программист и перевернулся на другой бок, поставив точку в судьбоносном заявлении.

Это была первая подстреленная ласточка: блокчейн, а с ним биткоин (он же биток), эфир (он же зефир или кефир), а также разные прочие «токены» уже встали в боевой порядок и пошли в наступление на мою мирную писательскую жизнь.

Сегодня слово «биткоин» знают все, кто осведомлен хотя бы о существовании Интернета. Но блокчейн и биткоин — они, если честно, не пара, не пара, не пара! Блокчейн — он больше и важнее (хотя, казалось бы, что может быть больше и важнее виртуальной денежки, стоимость которой уже перевалила за полмиллиона рублей и продолжает расти).

Увы, те, кто очень хорошо понимает, что такое блокчейн, как правило, не способны передать это сакральное знание обывателю. В то время как

мы с вами учились по слогам выговаривать слово «мама», их языками общения были фортран, бейсик и клингонский, а сейчас эти знающие люди гораздо лучше общаются с искусственным интеллектом, нежели с живыми мыслящими существами.

Поэтому спрашивать, что такое блокчейн, у специалиста, не имеет особого смысла: понятнее не станет (я знаю, я неоднократно пробовала и всякий раз чувствовала себя старателем с киркой, которой мне отчаянно хотелось врезать по потенциально золотonosному источнику информации, фонтанирующему не тем, чем надо).

Но нам же не нужно разбираться в тонкостях? Поэтому подойдите ближе, бандерлоги, и я расскажу вам про блокчейн элементарными словами простого человека.

Блокчейн — это технология распределенных реестров... Ой, простите, не замахивайтесь на меня своей киркой! Сейчас я объясню по-другому.

Предположим, вам достался от бабушки рецепт дивно вкусного пирога с капустой — пожелтевший свиток, где последовательно и в хронологическом порядке записаны все действия: взять полкило пшеничной муки, вбить в нее три куриных яйца, влить полстакана простокваши, перемешать и так далее.

Чтобы никто посторонний не мог изменить этот фамильный рецепт, записан он не абы как, а шифром, который передается из поколения в поколение исключительно в кругу вашей семьи.

Но свиток существует в единственном экземпляре!

Он может быть украден, случайно залит чернилами, съеден мышами, уничтожен пожаром вместе со всем вашим родовым гнездом. А еще кто-то, отнюдь не чтящий память ваших предков, может разгадать шифр и из чистой вредности внести в рецепт такие изменения, что в итоге получится не пирог, а отравка.

Чтобы этого не случилось, бабулин свиток имеет множество копий, которые хранятся у доверенных лиц. И в тот момент, когда вы от себя добавляете в рецепт щепотку перца и каплю уксуса, соответствующая запись волшебным образом автоматически обновляется на всех свитках-копиях. Теперь священный рецепт нельзя исказить или уничтожить, поскольку просто невозможно добраться до всех копий!

Вот, собственно, это и есть `blockchain`, в дословном переводе с английского — «цепочка блоков».

По сути — похожая на цепь база данных, которая хранится одновременно на множестве компьютеров.

Когда в этой базе-цепочке создаются новые блоки-звенья, каждый вновь созданный блок содержит все накопившиеся и упорядоченные

записи или транзакции («добавлены щепотка перца и капля уксуса»), а также заголовок («Бабулин пирог с капустой»). Когда новый блок сформирован, он проверяется другими участниками сети (хранителями свитков) и затем, если все согласны, подсоединяется к концу цепочки, и после этого внести в блок изменения уже невозможно.

Помимо новой информации (про перец и уксус), блок также хранит в зашифрованном виде данные о предыдущих блоках (о муке, яйцах и простокваше). А база (рецепт) автоматически обновляется на всех подключенных к системе компьютерах (свитках).

Абстрагируясь от пирогов, мы понимаем, что технология блокчейн незаменима для обмена информацией, ценностями, документами, деньгами. Не нужны регуляторы, регистраторы, фиксаторы, нотариусы и даже банки (за исключением стеклянных — они еще пригодятся для бабушкиных соленых огурцов). Вообще никакие посредники не нужны! Процессы радуют незамутненной прозрачностью и непревзойденной защитой!

— Так это же просто здорово! — скажете вы.

Не очень просто, но действительно здорово, однако нравится далеко не всем, ведь любителей ловить рыбку в мутной воде блокчейн грозит оставить не у дел... И одновременно парадоксальным образом порождает пену в виде мошеннических схем в области криптовалюты.

Но это уже другая история, и я расскажу ее вам в следующий раз. □

Евгения
Гордиенко

Ольга Волкова

*Ж*енищина, влюбленная в жизнь

В российском кино немало актрис красивых. Немало и востребованных. Но крайне мало тех, кто умеет работать и творить вне зависимости от душевного, финансового,

семейного и прочих состояний. Одна из таких актрис — Ольга Волкова, которая ни на кого не похожа, которая сама по себе и этим — прекрасна.

Дети в актерских семьях довольно часто продолжают династию, поскольку, как правило, видят для себя, за редким исключением, только один путь — сценический. Ольга Волкова (в девичестве — Политова) тоже из такой семьи. Ее дед — знаменитый провинциальный актер Иван Вольский, создатель петербургских театров «Кривой Джимми» и «Старинный водевиль».

Оля Политова родилась в Ленинграде в 1939 году. На время войны семья покинула город, а по окончании блокады вернулась в Петербург. Жить было негде — приходилось ютиться в сыром подвале. И хотя Ивану Александровичу предлагалась квартира, он уступил ее (как и свое место в труппе) молодому актеру, считая, что тому это будет нужнее.

А ведь его собственная семья нуждалась в кормильце не меньше: отца Ольги репрессировали, дядя погиб на фронте. В итоге, будущая актриса, ее мама, тетя и маленький двоюродный брат ютились в том самом подвале. Сама она, правда, вспоминает эти времена без грусти: «Денег вечно не хватало, питались мы очень скудно, зато в доме всегда было полно друзей. В те времена не возникало вопроса, чем накормить гостя, все жили одинаково бедно, зато весело: посвящали друг другу стихи, придумывали всевозможные сюрпризы, пели песни под гитару, устраивали домашние спектакли...»

Мать Ольги, Ксения Вольская, тоже мечтала пойти по стопам отца и стать актрисой или певицей в оперетте, однако жизнь сложилась иначе — всю жизнь она проработала инженером, хотя обладала красивым голосом и интересной внешностью.

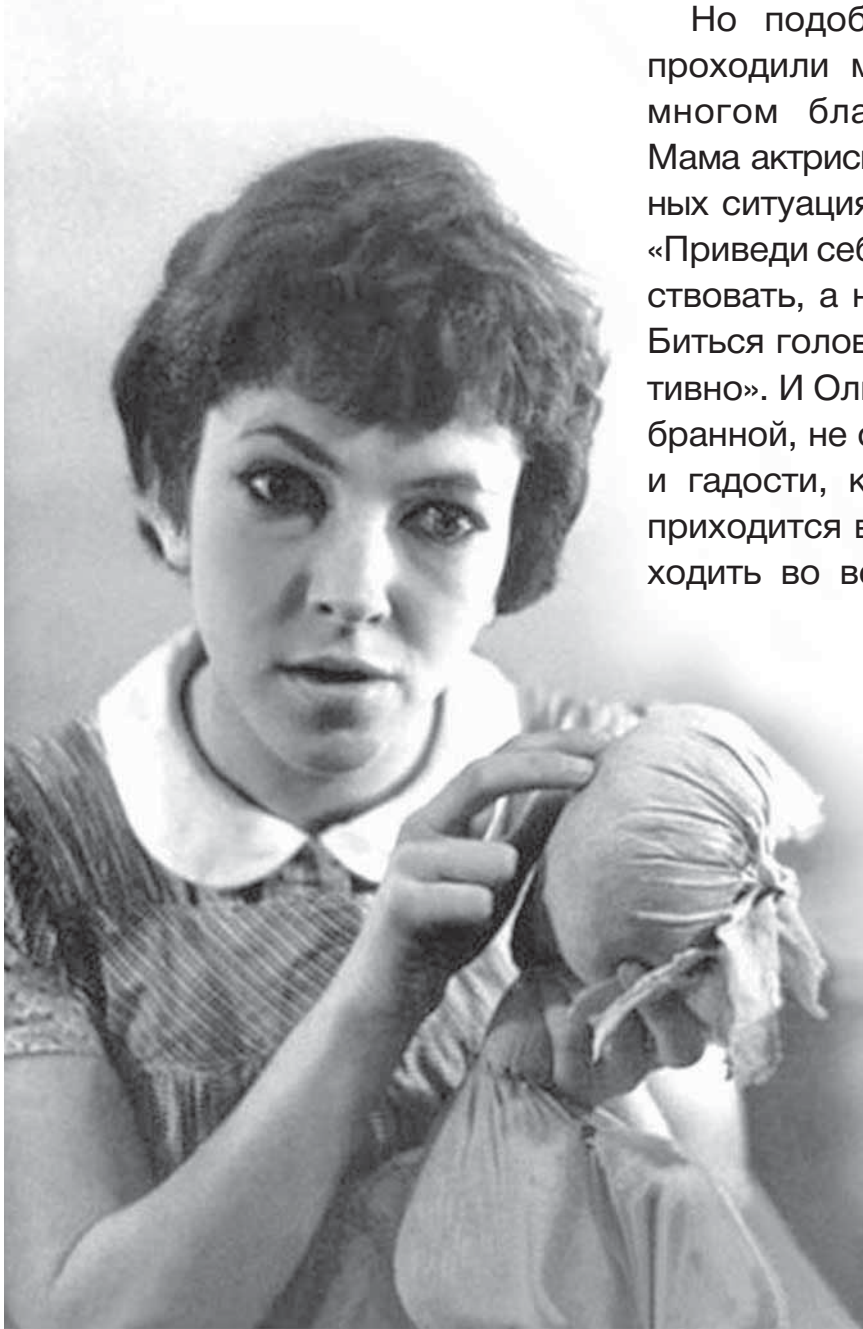
Ольга же в детстве думала вовсе не о театральных подмостках, а об... археологии. Росла она шумной и веселой, постоянно всех смешила и училась так себе. Но все изменилось, когда к ней в школе подошла строгая серьезная девица постарше и велела (именно так!) приходиться в драмкружок. Несмотря на скептическое отношение к разным кружкам и секциям, девочка пошла. А строгую девушку с косами звали Алиса Фрейндлих.

За четыре года, проведенных в кружке, Оля увлеклась театром, но первое поступление в театральный институт провалила. И вот только тогда по-настоящему захотела поступить — от противного, разумеется.

Поначалу удалось устроиться «по благу» в Ленинградский ТЮЗ, где ее почти не замечали: в то время в театре существовало довольно жесткое разделение на амплуа: драматическая героиня, комическая, трагическая... А она никуда не «укладывалась», эти рамки были ей тесны. Ролей было немало, но кого приходилось играть: Лягушка, Пьеро, Бесенок, Мышка, Волна и даже...Окно! Волкова вспоминала:

«Для меня (в роли Окна) был специально поставлен танец. Незабываема реакция зрителей, когда меня протирали. Я открывала глаза, счастливо глядя на мир. В зале возникал хохот...»

Относительно собственной внешности у актрисы никогда не было ни иллюзий, ни комплексов. Она знала, что романтическую героиню ей вряд ли сыграть. Однако в актерской

нида Макарьева, куда она поступила) смогли разглядеть не только ее внешность, но и яркую индивидуальность. Сама Волкова припомнила один случай, касавшийся ее внешних данных: «Помню, когда я оформляла пропуск в ТЮЗ, то одна сотрудница сказала: «Сейчас вы лучше стали, а вот раньше, как увижу вас — так заплачу. До чего же страшенькая».

Но подобные ремарки всегда проходили мимо Волковой — во многом благодаря воспитанию. Мама актрисы учила ее, что в сложных ситуациях надо поступать так: «Приведи себя в порядок, надо действовать, а не валяться в кровати. Биться головой о стенку непродуктивно». И Ольга научилась быть собранной, не обижаться на глупости и гадости, которые периодически приходится выслушивать всем, находить во всякой критике рацио-

К/ф

«Вокзал
для двоих»

нальное зерно, которое можно прорастить себе на пользу.

В ТЮЗе Волкова работала долго — до 1970 года, затем несколько лет выступала на сцене Театра Комедии им. Н.П. Акимова, а в 1976 году Георгий Товстоногов пригласил ее в Ленинградский БДТ.

Часто писали, что Ольгу Волкову в театрах, где она работала, боялись за ее острый язык. Но она поправляла: «Меня не боялись, меня не любили. Меня не понимали, а когда человека не понимают, то его и не любят. Я никогда не была в стаде, хотя вовсе не считаю это хорошим качеством. На самом деле я — человек очень контактный и мобильный... Но мой круг интересов всегда был чуть больше, чем только театр... У меня не было страха пе-

ред начальством. Не было трепета и страха ни перед секретарем партбюро, ни перед главным режиссером. Меня было трудно задавить, потому что у меня никогда не пропадает чувство юмора».

Тогда Волковой казалось, что в БДТ она пришла на один сезон, но задержалась на 24 года. Товстоногов ценил в ней именно эту независимость, но в то же время великий режиссер привык, чтобы его боялись. Из-за этого у них часто возникали конфликты, впрочем, чисто профессиональные. Это вовсе не означало, что актриса не относилась к режиссеру с уважением. Зная, что он любит изящную речь и иностранные языки, Волкова, по ее собственным словам, в беседах с Товстоноговым, «вползала в та-

кие литературные куртуазности, так строила фразу, так сдабривала ее французскими и немецкими словечками, что у Георгия Александровича потели очки».

Оборотной стороной самоиронии и чувства юмора было то, что Ольга почти не страдала из-за несыгранных ролей. Переживала по-настоящему она только дважды. Первый раз — из-за роли Шута в фильме Козинцева «Король Лир». Изначально эту партию должна была играть Алиса Фрейндлих, но она

тогда только родила дочь и немного поправилась. Стали искать кого-то с мальчишеской фигурой, и нашли Волкову. Ради этой роли она даже научилась играть на флейте, но это не помогло. Отказали Ольге Владимировне с великолепной формулировкой: «Слишком женственная линия правой части верхней губы...» Впоследствии эту роль блистательно сыграл Олег Даль. А вторая — мамаша Кураж у Сергея Брехта, который сначала пообещал взять Волкову на эту роль, но потом переменил свое решение и выбрал другую актрису.

Первая роль в кино была сыграна Ольгой Владимировной в 1965 году в фильме «Город зажигает огни», но до начала восьмидесятых она, хоть и снималась довольно много, была не очень известна. Самой заметной ее ролью была Лотта из фильма-оперетты «Летучая мышь».

А в восьмидесятых на актрису обратил внимание Эльдар Ряза-

К/ф

*«Забывшая
мелодия
для флейты»*

нов. Он увидел ее в спектакле по пьесе «Сослуживцы», где она играла роль Калугиной. (Впоследствии Рязанов снимет «Служебный роман», где Калугину сыграет другая петербургская актриса — Алиса Фрейндлих). Затем режиссер пригласил Волкову в картину «Вокзал для двоих», хоть и на роль второго плана, но все же весьма заметную — официантки Виолетты. После этого она снималась в его в фильмах «Забывшая мелодия для флейты», «Привет, дурачки!» и «Небеса обетованные». Рязанов даже называл Волкову своим талисманом.

В конце девяностых актриса оставила БДТ и Петербург и пере-

ехала в Москву. «Был в жизни и такой момент, когда я решила, что исчерпала себя, моя актерская судьба стала мне безразлична. Просто, когда играешь одну роль восемнадцать лет, другую — двенадцать, третью — восемь, круг замыкается. Разорвать его мне помогла антреприза».

В столице актриса много играла в антрепризах. В отличие от репертуарного театра, где спектакль могут готовить на протяжении года, в антрепризе на постановку уходит несколько недель. К тому же здесь все время есть ощущение новизны из-за сменяющихся пьес и партнеров.

Покинуть северную столицу Ольге Владимировне оказалось не-

*К/ф
«Небеса
обетованные»*

сложно, хотя все предки по материнской линии жили в Петербурге со дня его основания. Прапрадед, Семен Пустошкин, был вице-адмиралом, правой рукой Ушакова, одна бабушка — наполовину датчанка, другая — норвежка, еще один прадед — чех, часовщик. Стоит ли удивляться, что Волковой легко дается перемена мест?

В Москве гораздо больше работы, чем в Питере, и это позволяет Ольге Волковой, по ее собственным словам, «держат дом на плаву». С другой стороны, у нее есть возможность выбирать, в чем принимать участие, а в чем — нет. «У меня нет всеядности и того утиного голода, который свойственен многим актерам. Я не хватаюсь за все подряд, лишь бы быть на плаву, или ради денег, или просто для того, что-

бы быть на сцене. Безусловно, актер всегда должен быть в форме, надо, как я говорю, не отходить от фонаря, чтобы тебя видели. Но вместе с тем надо уметь рассчитывать творческие и физические силы и не портить свое реноме».

У Ольги Владимировны поистине потрясающее чувство юмора. Когда к юбилею у нее многократно брали интервью, снимали о ней фильма, она под конец выдала: «Был снят фильм обо мне, и я все время давала интервью разным изданиям, и говорила о себе, о своем прошлом, потом написала целую книгу о себе, — я сама себе очень надоела».

И тогда появилась идея снять фильм про ее «волчью стаю» — так она называет свое многочисленное семейство.

Первым мужем актрисы был кинооператор Леонид Волков. От него у нее осталась фамилия и дочь Екатерина. Вторым ее супругом стал однофамилец — актер Николай Волков. Официально пара расписана не была, но в этом браке родился сын Иван. Он тоже довольно известный актер и композитор. Третий брак Ольги Волковой оказался самым счастливым — она была замужем за петербургским театральным художником Владимиром Ховралевым, вместе с которым они переехали в Москву. Этот брак длился более тридцати лет,

до смерти Ховралева в 2015 году. Ольга Владимировна тяжело переживала его кончину, спасаясь общением с детьми и внуками.

Актриса признает, что порой пугает людей своей излишней эмоциональностью, неумеренным восторгом. И, по ее собственным словам, учится общаться более сдержанно. Однако продолжает считать, что женщина всю жизнь должна быть влюблена: в музыку, в мужчин, в жизнь. И сама продолжает любить и праздновать жизнь так заразительно, что хочется делать это вместе с ней. □

Варвара Лихно

ФЕМИНИЗМ

И УЛЫБКА

В году триста шестьдесят пять дней. Вопрос: как получилось, что дни сложились в лета строгого режима?

Утром детишек в садик, вечером с работы — в обратном порядке, еще и с полными сумками.

Мясо перекрутила, всех накормила, посуду помыла и все остальное, прямо по книге «Домоводство». Вот она, жизнь среднестатистической женщины средней прослойки нашего общества. Это двухкомнатная квартира на четверых, нет няни, авто, посудомоечной машины, совмещенный санузел, сломалась «стиралка», и я все чаще сравниваю себя с лошадью, так как угораздило меня родиться именно в этот год — год Лошади. Причем не с нежным умным и ласковым животным, а с ломовой лошадью. Хотя я ей поставила бы памятник, как первооткрывателю. Ведь лошадь первая узнала, что земля круглая, а не плоская, к счастью, она не умела говорить, и это ее спасло, а то ей, возможно, как Галилео Галилею, пришлось бы поплатиться за свое красноречие. Надо бы о ней написать. Журналистика не оставляла меня и дома. Ушла я мыслями в сторону, чтобы уйти от безысходности...

Конечно, у меня есть историческая достопримечательность. Это мой муж.

Благо, тратить время на его поиски не приходится. Захожу в комнату, которая совмещает спальню, телевизор и кабинет, с письменным столом

в углу и полками на стенах. Основное украшение кабинета — собрание моего любимого Шелдона, множество энциклопедий и любимый мужем Маяковский.

Он (то есть муж) при моем появлении быстро машет: «Потом, потом!» — и усиливает звук телевизора. Я все-таки пробираюсь поближе к этому громко говорящему монстру и участливо спрашиваю:

— Устал, милый?

Милый мотает головой сначала влево, затем вправо, после этого его голова находит нужное положение вперед. А я громко кричу в другую комнату:

— Дети, тише, папа устал! — И все это с улыбкой. Улыбок у меня много — на все случаи жизни: то ироничная, то грустная, все реже веселая, но всегда искренняя, соответственно настроению. На данный момент — стервозная.

А ведь было. Было столько счастья, что, казалось, не объять. Виталий кружил меня в белом свадебном платье, а небо над головой кружилось все в голубом. Весь мир был счастливым, и я думала, что вся дорожка до конца дней будет устлана белыми цветами без шипов.

«Как хочешь, дорогая ...», «Как скажешь, милый ...» А иначе и быть не могло, очень уж была красивая прелюдия.

Наконец детки уложены без сказочки. Голова, как кадушка, и никаких сил! Облегченно вздохнув, добираюсь до постели, расслабляюсь, вытягиваю тело и блаженно шепчу:

— Господи, как хорошо! — И замираю.

Мой милый кладет на меня свою руку.

А на кого ему ее класть? Конечно, на меня, на его частную собственность, согласно штампу в паспорте. От той ненависти, что поднимается в душе, с меня слетают остатки оптимизма. Мысленно «влезаю» в энциклопедию и вспоминаю самое ничтожное из всех существ мезозойской эры — каких-то паразитов, с которыми можно его сравнить. Прислушиваюсь к себе — маловато! Взгляд в темноте, блуждая по комнате, тормозится на Маяковском в кроваво-красных обложках. И — просветление! «Облако в штанах». Виват, Маяковский, вместе с его штанами! Наверное, лучше по Маяковскому, а то по Шелдону может появиться желание кого-то убить. Я пытаюсь взять себя в руки, вспоминаю об аутотренинге и мысленно говорю себе: «Я спокойна, я совершенно спокойна!» А вслух с улыбкой произношу:

— Милый, знаешь, я тоже так устала. Будь добреньким, встань пораньше, отведи детей в сад, а вечером заberi. Продукты еще есть. Твоя мама как-то говорила, что ты умел хорошо готовить.

Чтоб я куда-нибудь провалилась, если она такое говорила. Часто летающая свекровь пыталась меня зомбировать, часто повторяя, что такие,

как ее Виталик, на дороге не валяются. Да, соглашалась я, на дороге не валяются — они валяются на диване.

— Пора бы уже и проявить себя, — продолжаю я нажимать на мужа. — Постирушку сделаешь руками, «стиралка» полетела, мастер обещал быть через три дня. Деток спать уложишь. А я тебя здесь на диване подожду с пультиком в руках. Помни, место встречи изменить нельзя, — хохотнув, поворачиваюсь спиной к его обиженному сопению.

Засевшая во мне лошадка удовлетворенно фыркает. А утром мы обе радостно фыркаем, как только я открываю глаза, обеспокоенная тем, что не услышала будильник. Передо мной стоит мое семейство, полностью одетое, и мои близняшки, подпрыгивая, вопят:

— Соня-засоня!

— Знаешь, какая-то бессонница одолела, решил встать пораньше, — извиняющимся голосом произносит муж, сошедший с пьедестала «царя». — А тебе подъем, успеешь перед работой накраситься. — Наклонившись, чмокает меня в щеку и добавляет: — Хотя ты и так красивая!

Впервые за последнее время добираюсь до работы вальяжным шагом без опоздания, плюхаюсь в кресло и иронизирую, что успела ... до начала конца света. Итак! Срочно к шефу — засвидетельствовать свое утреннее, довольно раннее, почтение.

Шеф при виде меня изображает радость и заявляет:

— Как приятно видеть вас в столь ранний час, мы уж до обеда не чаяли увидеть. — И добавляет уже холодным тоном: — И когда на моем столе будут эти твои эмансипация с феминизацией?

Конечно, они уже давно мои. Сдать материал в набор нужно было три дня назад. Но наш диалог на этом не заканчивается — последнее слово должно остаться за мной, и оно озвучивается, правда, уже в моем кабинете:

— Тоже мне, Фамусов! Тему мне нашел! Кто сейчас говорит о феминизме, эмансипации? Сейчас говорят об инфляции и девальвации, все чаще ругательно. Женщины давно своим умом прибирают себе мужские завоевания.

На мои громкие возгласы заглядывает Лиза и падает на стул — значит, надолго. Вкрадчивым голосом произношу:

— Лизонька! А скоро ли я увижу на своем столе, чертову ...

Она не дает договорить:

— Так вот же твоя чертова «эмансипация» и «феминизация», — и показывает на стопку журналов, которые я закопала, не разглядев в куче ненужных бумаг.

— Ум-ни-ца! — Последний слог я произношу уже в пустой комнате. Процесс пошел, мысли заработали с неким ускорением...

Кажется этот «изм» прижился в буржуазном обществе, и называли его буржуазным женским движением за уравнение прав между мужчинами и

женщинами и за женскую солидарность в борьбе за свои права. Тут же возникает вопрос — а у нас какое общество? После затруднительного размышления приходит ответ — не буржуазное. А феминизм — от латинского слова «femina», то есть «женщина». На этом мои познания закончились. Листаю все, что мне подобрала Лиза, и понимаю, насколько я отстала от жизни.

Оказывается, мы не готовы объединяться по принципу общих забот и вместе решать существующие проблемы. А дальше еще лучше — в нашем обществе не приветствуется право женщины на самоопределение. После этой фразы не выдержавшая долгой разлуки Лизка начинает задыхаться от смеха. Глядя на нее, улыбаюсь и я, а она подводит резюме:

— Вот на девять месяцев залетишь и сразу же самоопределишься, — после чего добавляет: — Мне кажется, автор подменил понятие эмансипации феминизмом или наоборот.

Читаю дальше и не понимаю, о каких таких проблемах толкует западный феминизм. По-видимому, мы живем плохо, и мне становится интересно — а как бы мы жили, если бы к нам пришел феминизм? Ведь заметка в журнале так и называется: «Почему к нам не пришел феминизм?» Зато живем мы весело: нас от одних экономических проблем отвлекают другими, тоже ... экономическими.

— Семья — это институт, но кто захочет всю жизнь провести в институте? — выражает свое очередное «фэ» Лиза. — Я согласна с утверждением, что семья для женщины — это пожизненные курсы актерского мастерства. Войдешь в роль — проживешь как в театре, а не войдешь — проживешь как на каторге.

Я же понимаю, что времени в обрез, и придется выкруливаться самой. Выбираюсь из темы с помощью Интернета. Выдираю из него правильные мысли и дополняю своими неправильными. Феминизма нам для полного счастья только и не хватало. Наши женщины сами решают, как им жить. По моим понятиям, они давно правят в мире, называемом мужским. Вот если копнуть историю... И начинаю делать наброски.

«Волос длинный — ум короткий». Тут победа за нами. «Курица не птица — женщина не человек» — это во времена Ивана Грозного. Поп Сельвестр создал Домострой, в котором была определена роль женщины, как безмолвного забитого существа, которому запрещалось даже просто гулять по улице. Об общественной жизни говорить вообще не приходилось. Сейчас сказали бы, что она занимала место коврика перед иерархической лестницей, на котором вытирались ноги. «Кто виноват?» — конечно, женщины. Ходят перед мужским носом со своими прелестями, а может быть, те мстят за то, что Ева перехитрила Адама.

Притесняли женщину долго. И только во времена Петра I жизнь знатных женщин изменилась в лучшую сторону. А затем наша женщина уравнила свои права. Наравне с мужчинами, в кирзовых сапогах, с киркой в руках,

строила социализм. Это, наверное, тогда пошло: «Я и лошадь, я и бык, я и баба, и мужик». Или «За что боролись, на то и напоролись».

— Господи! Ну так хочется быть слабой женщиной. Так ведь то избы горят, то кони черт-те куда скачут, — замечает Лиза. — И это тоже о нас: «И каждый вечер в час назначенный, иль это только снится мне, девичий стан шелками схваченный, в туманном движется окне». Но это уже о женщине-мечте.

А я подвожу итог:

— Муссировать слово феминизм применительно к нам можно. Почему бы воздух не посотрясать? Но не факт, что нужно. И разве плохо, что он не пришел? А вдруг, наоборот, хорошо? Ведь мы — не они. Нет, вернее, они — не мы. И почему не пришел, например, во Францию наш социализм, давший нашим женщинам на словах все, а на деле относительные права и свободы? Потому что на фиг им нужен был наш канувший социализм. Так же как нашим женщинам в наши дни на фиг не нужен их феминизм. Но как это явление ни назови, сущность от этого не меняется, как бы то ни было у них, у нас — важен итог. Итак, мы, женщины цивилизованных стран, имеем все права наравне с мужчинами. Из всех прав чисто женское право на свое личное счастье, успех по иерархической лестнице зависят от самой женщины, — выдавливаю я из себя чуть не со слезами, понимая, что, чем дальше в лес, тем больше дров.

Набросала этот текст и подумала — злости маловато.

— Но проблема осталась, — с умным выражением лица говорит Лиза. — Женщина получила права и свободы, но с нее никто не снял роль домашней хозяйки и воспитательницы детей, и ей приходится удерживать баланс между карьерой и заботой о домашнем очаге.

Я застываю на секунду. Нет, это заявление перетерто, как клубника с сахаром. И с нарастающей злостью продолжаю:

— Ее прав и свобод не ограничивает никто и ничто. И чем инфантильнее наши мужчины, тем мужественнее становятся, к сожалению, женщины.

На что Лиза со мной опять не соглашается:

— Ну, какие мы мужественные, если вчера, увидев мышь на своем столе, ты чуть в обморок не свалилась.

— Я чуть не свалилась, но молча, а ты верещала на все помещение — парирую я и тут же сворачиваю наш «мудрый» разговор на другую тему: — Лиз, сегодня получка, пойдем мне за сапогами?

— С ума сошла?! Нужно сначала конец света пережить! На сегодня же обещали, а сегодня еще не кончилось.

— А я их надену и буду «переживать», — продолжала убеждать я Лизу. — Ведь в душе так хочется быть той самой женщиной-мечтой.

Ну все, на сегодня, пожалуй, хватит. Кажется, вся злость кончилась, не перестараться бы. Вдруг все-таки будет конец света. Еще ведь не вечер.

А вечером возле своего подъезда я увидела новенькую, сияющую моим любимым лимонным цветом машину и с осторожной мыслью, что, может, это мое, буквально влетела в лифт. Ведь мой дорогой поклялся, что будет доставлять детей в сад, если я этого хочу, но только на машине.

— Деньги откуда? — с порога воскликнула я. — Если это добыто нечестным путем, то лучше уж конец света.

— Лапушка моя, пришлось набрать еще подработок. Мне надо было немного поднапрячься, а тебе потерпеть.

Да он у меня самый лучший, самый ласковый и нежный, и я, положив руки на его плечи и посмотрев в любимые глаза, шепотом попросила:

— Пожалуйста, покружи меня...

P.S.

Успокоиться на достигнутом — это не для меня. Есть еще шеф, которому я докажу, что мужчины без нас вообще не мужчины, а так, народ. Освободи женские руки — остановятся поезда, перестанут летать самолеты, закроются банки, перечислять долго, потому что мир рухнет, и будет настоящий конец света. Женщины могут быть сильными, когда нужно быть сильными, нежными и слабыми. Конечно, о них можно сказать, что они непредсказуемы. Любят цветы и подарки, а к мехам мужчины нас сами приучили еще с пещерных времен. А слово «феминизм» ассоциируется с «мымризмом». Он свойственен женщинам, недовольным собой и всем окружающим миром. И нам только кажется, что мы укутываем себя в меха, обвешиваем побрякушками, вышагиваем на каблуках для себя. Да, мы любим себя красивыми, но делаем это для них. Нам просто необходимо приучать своих мужчин к тому, что, проснувшись утром, они должны знать — гардероб жены пополнялся последний раз вчера, а сегодня ей совсем надеть нечего.

Мы можем все. В космос, так в космос. Вот только маникюрчик поменяем под цвет обшивки корабля, хвостик на затылке завяжем бантиком. Но есть одно но: посылают нас туда мужчины. Общепризнанно — миром управляют мужчины.

Счас! Это потому, что мы еще не захотели. Пусть еще потешатся. А то, как захотим — им мало не покажется. Будут свои права уравнивать с нами. Так в полушутливой форме я подвожу свои мысли к теме «Роль женщины в современном обществе». Сейчас все красиво уложу, нацеплю на лицо обалденную улыбку — и в бой! Я ведь, если и отступаю, то лишь для передышки, чтобы потом с новыми силами наступать. Апробировано. Не первый раз. Главное, палку не перегнуть, а то ведь по головке не погладят, а по шляпке могут дать.

Написала, перечитала и принялась за серьезный вариант, а то ведь черт его знает, с какой ноги этот «мезозой» завтра встанет... □

Алла Зубкова

Шльотшна для королевы

«Так пусть едят пирожные!» — наивно и беспечно воскликнула молодая королева, узнав, что ее подданным не хватает хлеба. Да-да, Мария-Антуанетта вошла в историю именно благодаря этим словам, которые... никогда не произносила. Они принадлежали другой королеве, жившей за сто лет до нее. Но если уж французы кого не влюбят, снисхождения не жди... Ей приписывали множество любовных связей, а она, между тем, несмотря на довольно фривольный XVIII век, была вполне добродетельной дамой. Более того, если бы в те времена велась книга рекордов Гиннеса, она, несомненно, была бы внесена в нее.

*Портрет кисти
Элизабет
Виже-Лебрен*

Оперный театр в Версале сиял огнями. Зал был украшен с невиданной роскошью. На сцене за изысканно сервированным столом восседали члены королевской семьи. Всего двадцать два человека. Цвет аристократии королевства, заполнивший зал, не без зависти наблюдал, как семейство Бурбонов со свойственным этой фамилии аппетитом уничтожает великолепные яства. Это был свадебный банкет. Король Людовик XV устроил его в честь бракосочетания своего внука дофина Луи с дочерью австрийской императрицы Марией-Антуанеттой. Юная принцесса почти не прикасалась к кушаньям, зато Луи ел за четверых. Старый король предостерегающе поднял палец: «Не думаю, что тебе сегодня стоит так усердствовать за столом, мой мальчик». Луи удивленно поднял голову: «Почему? Я всегда лучше сплю после хорошего ужина». Вздохнув, король бросил сочувственный взгляд на Марию-Антуанетту.

Молодых отвели в опочивальню. Архиепископ Реймский окропил святой водой брачное ложе, и юных супругов оставили наедине. А на следующее утро Луи, который привык изо дня в день добросовестно вести дневник, записал лишь одно слово: «Ничего».

Она родилась 2 ноября 1755 года и была пятнадцатым ребенком австрийской императрицы Марии-Терезии и ее супруга Стефана-Франца из Лотарингского дома. Детство ее

проходило в нескончаемых играх и развлечениях в чудесных садах венского дворца Шенбрунн. Занятия? О, учителя и гувернеры были весьма снисходительны к маленькой эрцгерцогине. Пожалуй, чересчур снисходительны. До конца жизни Мария-Антуанетта и по-немецки, и по-французски писала с орфографическими ошибками. В Версале, подписывая брачный договор, она ухитрилась сделать ошибку в написании собственного имени — одного из полудюжины, данных ей при рождении.

Впрочем, уроки музыки и танцев она посещала охотно. Еще бы. Ведь музыку ей преподавал сам великий маэстро Глюк, автор бессмертного «Орфея», а танцы — знаменитый Нoverр, прославленный постановками модных в то время балетов. Девочкой она часто музицировала с сыном придворного скрипача по фамилии Моцарт, который был на год моложе ее. Многие часы проводили дети вместе и в играх. Однажды придворные услышали их разговор: «Когда вырасту, стану твоим мужем. Хорошо?» — спрашивал юный Вольфганг. — «О да, да, я выйду замуж только за тебя», — уверяла его принцесса.

Едва ли не с рождения Антуанетта была предназначена в жены наследнику французского престола. Когда ей исполнилось тринадцать, король Людовик XV официально попросил у императрицы ее руки для своего внука-дофина.

До конца жизни Мария-Антуанетта и по-французски, и по-немецки писала с ошибками. В Версале, подписывая брачный договор, она умудрилась сделать ошибку даже в написании собственного имени — одного из полдюжины, данных ей от рождения

Мудрая и опытная Мария-Терезия отлично сознавала недостатки дочери — крайнюю взбалмошность, избалованность и легкомыслие, полное отсутствие интереса к серьезным занятиям, кричащие пробелы в образовании. Мать понимала — изменить характер дочери и ее отношение к жизни уже невозможно, но следовало попробовать хоть как-то подготовить ее к пред-

стоящей миссии. Отныне все в присутствии Антуанетты говорили только по-французски. Дважды в неделю она должна была занимать место за карточным столом императрицы, чтобы научиться играть в модные тогда игры. Императрица даже приказала перенести кровать дочери в свою спальню, чтобы иметь возможность давать ей наставления вечером перед сном.

Во Франции невесту наследника престола ждал необычайно торжественный прием. Шестидесятилетний король вел себя с неподражаемой галантностью и куртуазностью. По сравнению с ним шестнадцатилетний наследник казался неповоротливым увальнем, начисто лишенным грации и шарма. Он мало походил на сказочного принца, портреты которого дипломаты привозили в Вену. Дофин Луи вовсе не был глуп, но отличался чрезмерной застенчивостью и робостью. Любимыми занятиями его были охота и работа в специально оборудованной для него в Версальском дворце слесарной мастерской. Принц обожал

изготавливать всяческие хитроумные замки и прочие поделки.

Церемония бракосочетания прошла в строгом соответствии с освященными веками обычаями французского двора. Правда, при обмене кольцами неловкий дофин едва не уронил их на пол, а юная принцесса, подписывая брачный контракт, ухитрилась не только сделать ошибку в собственном имени, но и поставить на странице большую кляксу.

Блестящая жизнь в Версале пришла по душе жизнерадостной, жаждущей развлечений принцессе. Очень скоро вокруг нее образовался кружок молодых придворных, которые помогали ей весело и безза-

Австрийский император Франц I Стефан — отец Марии-Антуанетты

Австрийская императрица Мария-Терезия — мать Марии-Антуанетты

*Людовик XVI —
супруг
Марии-
Антуанетты*

ботно проводить время. В этот кружок допускались лишь те, кому еще не исполнилось тридцать. Более пожилых представителей высшей аристократии Антуанетта просто игнорировала. Причем делала она это порой не очень тактично. «Больше всего на свете я боюсь скуки», — оправдывалась она. Ей ведь и так приходилось выполнять все предписания версальского этикета, порой граничившие с абсурдом. К примеру, лишь первая фрейлина могла подать ей стакан воды, и в ее отсутствие Антуанетта вынуждена была терпеть жажду, так как никто другой не имел права услужить ей.

Она умела добиваться своего. Верховые прогулки ей были запрещены — слишком опасно, тогда

принцесса упросила старого короля разрешить ей кататься на... осликах.

Императрица, которую регулярно извещали о прихотях и причудах дочери, не всегда одобряла их. Иногда дело касалось мелочей. Как в случае, когда та перестала носить корсет из китового уса. А ведь он был призван скрывать небольшой изъян в ее сложении — одна лопатка выдавалась у нее несколько сильнее, чем другая. Это, однако, было пустяком по сравнению с той войной, которую Антуанетта объявила любовнице старого короля — мадам Дюбарри. Дело в том, что красавица Дюбарри реально обладала большим влиянием, поскольку Людовик XV души не чаял в своей

фаворитке. На официальных приемах Антуанетта делала вид, что не замечает «высочку», а когда та обращалась к ней, презрительно отворачивалась. Не раз фаворитка удалялась с таких приемов в слезах.

Людовику XV пришлось обратиться за помощью к императрице. Но только после нескольких гневных писем матери своевольная семнадцатилетняя Антуанетта скрепя сердце выполнила ее наказ.

Все это — и неумная жажда развлечений, и перепады в настроении юной дофины, которая порой погружалась в состояние депрессии и меланхолии, и ее полудетская вражда к мадам Дюбарри — свидетельствовало о глубокой неудовлетворенности личной жизнью. Ни в Версале, ни в Париже ни для кого не была секретом полная несостоя-

ловил ее желания, исполнял все прихоти. Он даже начал брать уроки танцев, чтобы присутствовать на балах, которые давала Антуанетта. И все-таки настоящей близости между ними не было. Это и порождало слухи о якобы имевших место романах Антуанетты. Она и в самом деле была равнодушна к поклонению и комплиментам мужчин, но

Король Людовик XV

тельность ее супруга в постели. Луи очень переживал по этому поводу. Со временем он все больше привязывался к своей красавице-жене. Словно огромный сенбернар, преданно смотрел в ее прекрасные голубые с паволокой глаза, на лету

Мадам Дюбарри

все это никогда не выходило за рамки куртуазных любезностей. Да при дворе и не было кавалера, способного взволновать ее сердце.

Антуанетта судорожно искала людей, которым могла бы излить душу, доверить свои маленькие тайны.

Она тесно сблизилась с двумя придворными дамами — принцессой Ламбаль и Иоландой де Полиньяк. Однако, если дружеские отношения принцессы к Антуанетте были вполне бескорыстны, то мадам де Полиньяк, ставшая ее первой фрейлиной, использовала свою близость к дофине, чтобы укрепить положение своей многочисленной родни. Бездарные представители этой фамилии со временем заняли многие ответственные посты и синекуры. Дружба с Полиньяками обошлась Антуанетте во много миллионов ливров.

шедевры, рожденные фантазией несравненной мадемуазель Бертен. Ее творения считались эталоном вкуса.

Если туалеты молодой королевы поражали своей роскошью и фантазией, то ее прически отличались невиданной доселе экстравагантностью. В парикмахерском искусстве, как, впрочем, и в других, тогда господствовал стиль рококо — вычурный и изысканный. Волосы зачесывались высоко вверх. Сорок-сорок пять сантиметров — далеко не предел, украшенные страуси-

Блестящая жизнь в Версале пришла по душе жизнерадостной, жаждущей развлечений принцессе. Очень скоро вокруг нее образовался кружок молодых придворных, которым она любила повторять: «Больше всего на свете я боюсь скуки»

10 мая 1774 года Людовик XV скончался. На трон взошел его внук. Молодая королева Франции подавала двору пример экстравагантности и расточительности. Антуанетта всегда была равнодушна к нарядам. Сейчас она могла, наконец, занять единственное, по ее мнению, подобающее ей положение — законодательницы мод. Туалеты королевы исчислялись сотнями — шелк, атлас, золотое и серебряное шитье, ткани, затканые жемчугом и драгоценными камнями, — все это были

ными перьями прически достигали и метра в высоту. Дело доходило до того, что прямоугольные дверные проемы в ложах Антуанетты и ее дам в оперном театре Версаля приходилось переделывать, придавая им форму арки. Не могли же дамы входить в ложи, согнувшись в три погибели!

Однако все расходы Антуанетты на прически, туалеты и драгоценности меркли перед теми суммами, которые она тратила на переделку замка Маленький Трианон. Это чудо

архитектурного искусства Луи подарил ей вскоре после смерти деда, построившего этот дворец для мадам Помпадур. Трианон с окружающим его огромным парком стал как бы собственным королевством Антуанетты. Даже лакеи носили там ливреи ее любимых цветов. Там был построен прелестный маленький театр, разбиты чудесные сады. Однако сама королева больше всего любила сооруженную по ее распоряжению лучшими архитекторами деревушку в швейцарском стиле. В моде была бесхитростная сельская жизнь, воспетая Руссо. В деревушке все так и было, с поправкой на вкусы Версаля. Хижины были крыты соломой и искусно «состарены» усилиями талантливых декораторов. «Трещи-

фрейлины в дорогих нарядах пастушек доили коров в подойники из севрского фарфора или в курятнике собирали яйца в изящные корзинки. Так они чувствовали себя ближе к природе.

Между тем Антуанетта все чаще вмешивалась в дела государственные. Разумеется, в политике она ничего не смыслила, но неизменно старалась пристроить на «теплые» места своих друзей, особенно из клана Полиньяков. Все это, естественно, не увеличивало популярности молодой королеве.

Мария-Терезия в письмах неоднократно предупреждала дочь о недопустимости подобного поведения. «Что ты знаешь? — саркастически вопрошала старая императрица. —

Луи обожал свою жену. Антуанетта была необычайно хороша собой. Надменно изогнутые брови, пухлые губки, большие голубые с поволокой глаза придавали ее лицу вид одновременно капризный и очаровательный. Ее белоснежной кожей с нежным румянцем и роскошными пепельно-русскими волосами восхищались, без преувеличения, все мужчины

ны» на стенах и «следы от непогоды» выглядели совершенно натурально. При домах были коровники и курятники, содержащиеся в образцовой чистоте. Иногда Антуанетта и ее

Какие книги читаешь? Между тем ты суешь свой нос в дела, о которых понятия не имеешь. Все это может закончиться очень скверно. Надеюсь только, что я не доживу до того

времени, когда несчастья обрушатся на тебя». Что ж, это были пророческие слова. Мария-Терезия скончалась за тринадцать лет до того, как ее дочь взойшла на эшафот.

Старую императрицу очень волновало и отсутствие нормальных интимных отношений между дочерью и ее мужем. Узнав, что молодые супруги спят в отдельных спальнях,

она вознегодовала. Для укрепления связей между королевскими домами Австрии и Франции было необходимо, чтобы Антуанетта родила наследника, и в Париж отправился ее старший брат император Иосиф. Как бы то ни было, его миссия увенчалась полным успехом. Через не-

сколько месяцев Антуанетта, войдя в кабинет мужа, шутливо проговорила: «Сир, я пришла, чтобы пожаловаться на одного из ваших подданных, который бесцеремонно колотит меня ножками в живот». В декабре 1778 года после восьми лет брака Антуанетта стала, наконец,

Слева:
*Мария-
Антуанетта
с детьми.
Портрет
кисти
Элизабет
Виже-Лебрен*

Людовик XVI

матерью, произведя на свет маленькую принцессу. Ее отношения с Луи значительно улучшились, хотя говорить о настоящей любви с ее стороны не приходилось.

Луи же обожал жену. Антуанетта была необычайно хороша собой. Надменно изогнутые брови, орлиный нос, пухлые губки, большие голубые с поволокой глаза придавали

ее лицу вид одновременно капризный и очаровательный. Ее кожей, белоснежной как алебастр, с нежным румянцем, и роскошными пепельно-русскими волосами восхищались, без преувеличения, все мужчины. Как и ее легкой, словно летящей, походкой. Довольно высокого роста, очень стройная, с годами она немного расплнела. Сохранившиеся записи ее

портнихи свидетельствуют, что объемом роскошного бюста Антуанетты составлял почти сто десять сантиметров.

Принцесса де Ламбаль

К тридцати двум годам у Антуанетты было уже трое детей. Светские развлечения отошли на второй план. Большую часть времени она проводила с детьми. Тем не менее, репутация мотовки и транжирки, бездумно расточавшей достояние Франции, уже прочно утвердилась за королевой. Как раз в это время в бюджете страны был обнаружен огромный дефицит. Острые на язык парижане немед-

ленно окрестили Антуанетту «Мадам Дефицит».

Колоссальный ущерб престижу королевы и королевской власти нанесло так называемое «дело об ожерелье». Это баснословно дорогое украшение из 647 бриллиантов чистойшей воды весом в две тысячи восемьсот карат было изготовлено придворными ювелирами в 1772 году по заказу Людовика XV для уже упоминавшейся мадам Дюбарри. Неожиданная смерть помещала ему преподнести этот дар фаворитке. В 1786 году это ожерелье в результате мошеннической аферы было взято у ювелиров под гарантийное письмо, подписанное Антуанеттой, которая якобы хотела приобрести его в рассрочку. Оказалось, однако, что подпись королевы была подделана. Ожерелье бесследно исчезло. Следствие выяснило, что в этой афере участвовали несколько авантюристов, в том числе и известный маг и чародей граф Калиостро. Процесс, прогремевший на всю Европу, так и не разъяснил это загадочное дело. Кое-кого из мошенников посадили в тюрьму. Королева, естественно, осталась вне подозрений. Однако французы, к тому времени уже имевшие «большой зуб» на Антуанетту, не хотели верить в ее непричастность к этому делу.

Ежемесячно в Париже появлялось огромное количество памфлетов, направленных против короле-

*Нападение черни на Тюильри.
Мария-Антуанетта защищает детей*

вы. Многих раздражало ее растущее вмешательство в политику. Луи всегда был тугодумом. Сейчас это качество еще более усугублялось быстро прогрессирующей тучностью. Его невероятный аппетит уже давно стал притчей во языцех. Нередко король засыпал во время заседаний кабинета министров. Порой не в силах принять определенное решение, он покидал зал и шел советоваться с Антуанеттой.

Увеличивался и поток грязи, лившейся на королеву. Обвинения в супружеской измене становились все более ядовитыми. В одном из пасквилей говорилось, что если Луи хочет увидеть рогоносца, шлюху и бастарда, ему достаточно взглянуть в зеркало на себя, на свою жену и сына. Таких обвинений и прежде было немало, но сейчас они больно ранили Луи. Он знал, что у жены появился любовник, жестоко страдал

из-за этого, но сделать ничего не мог.

Избранником королевы стал граф Аксель Ферзен, красавец, бонвиван, отважный солдат. Красавец-скандинав сумел зажечь в ней страсть. Любил ли ее Ферзен? Он называл ее «ангелом доброты», преклонялся перед ней и был готов ради нее подвергнуть свою жизнь смертельной опасности. Что и доказал впоследствии.

Шло время. Уже слышались грозные раскаты приближавшейся ре-

Ханс Аксель фон Ферзен

волюции. Поначалу в ходе ее судьба королевской семьи не казалась такой уж драматичной. Однако по ме-

ре того, как страна погружалась в кровавый хаос, коронованные властители все больше представлялись французам символом прогнившего режима.

1791 год застал королевскую семью в парижском дворце Тюильри практически на положении пленников. Антуанетта гораздо более активно, чем король, искала пути к спасению. Эта женщина, которая в юности не могла заставить себя дочитать до конца самый интересный роман, теперь лично зашифровывала послания своим союзникам во Франции и за границей, занималась образованием детей. К этому времени королева уже понимала — лишь бегство может спасти их. План спасения предложил Аксель Ферзен. Он добыл паспорта на имя русской аристократки баронессы де Корф, следовавшей во Франкфурт. Роль баронессы должна была играть гувернантка королевских детей мадам Турзель. Простовато выглядывший Луи должен был изображать управляющего баронессы, его сестра Елизавета — камеристку, а сама Антуанетта — гувернантку. Но тут Антуанетта продемонстрировала, что усвоила далеко не все уроки, которые за последнее время преподнесла ей жизнь. Согласись она путешествовать быстро и незаметно, все, возможно, закончилось бы благополучно. Однако гордая королева считала, что даже бегство ее должно быть обставлено с помпой.

Мария-Антуанетта в последние годы

По ее желанию Ферзен нанял «берлину» — роскошный, но очень тяжелый и громоздкий экипаж, который

могла везти лишь шестерка лошадей. Эта богатая карета, естественно, не могла не привлекать к себе

Перед казнью

внимания на дорогах. Антуанетта часами обсуждала с Ферзенем цвет обивки внутри кареты и другие столь же «важные» детали. Кроме того, ей самой были заказаны новые изысканные туалеты и, соответственно, новые чемоданы, кофры и сундуки. Все эти приготовления заставляли несколько раз отодвигать дату бегства. Даже сутки Антуанетта не мыслила обойтись без услуг двух своих фрейлин, и потому «берлину» должна была сопровождать еще одна карета.

Ферзен сделал все что мог. Он сумел благополучно вывезти королевскую семью из Тюильри, и она отправилась в путь. Странное это было бегство. Время от времени король и королева выходили из кареты,

чтобы размять ноги — Антуанетта в элегантном дорожном туалете, Луи — в скромном буржуазном платье. Очевидно, он полагал, что в таком виде его никто не узнает, и безбоязненно заговаривал со зрителями почтовых станций. Как и не раз в прошлом, он ошибался. В городе Варенн его узнали. Беглецов задержали и под стражей отправили назад в Париж.

Восемь месяцев спустя верный Ферзен предпринял еще одну попытку устроить королевской семье побег. Переодетый курьером, он сумел проникнуть в Тюильри в апартаменты Антуанетты. Она сообщила мужу о приезде графа. Луи поблагодарил Ферзена за верность королевскому

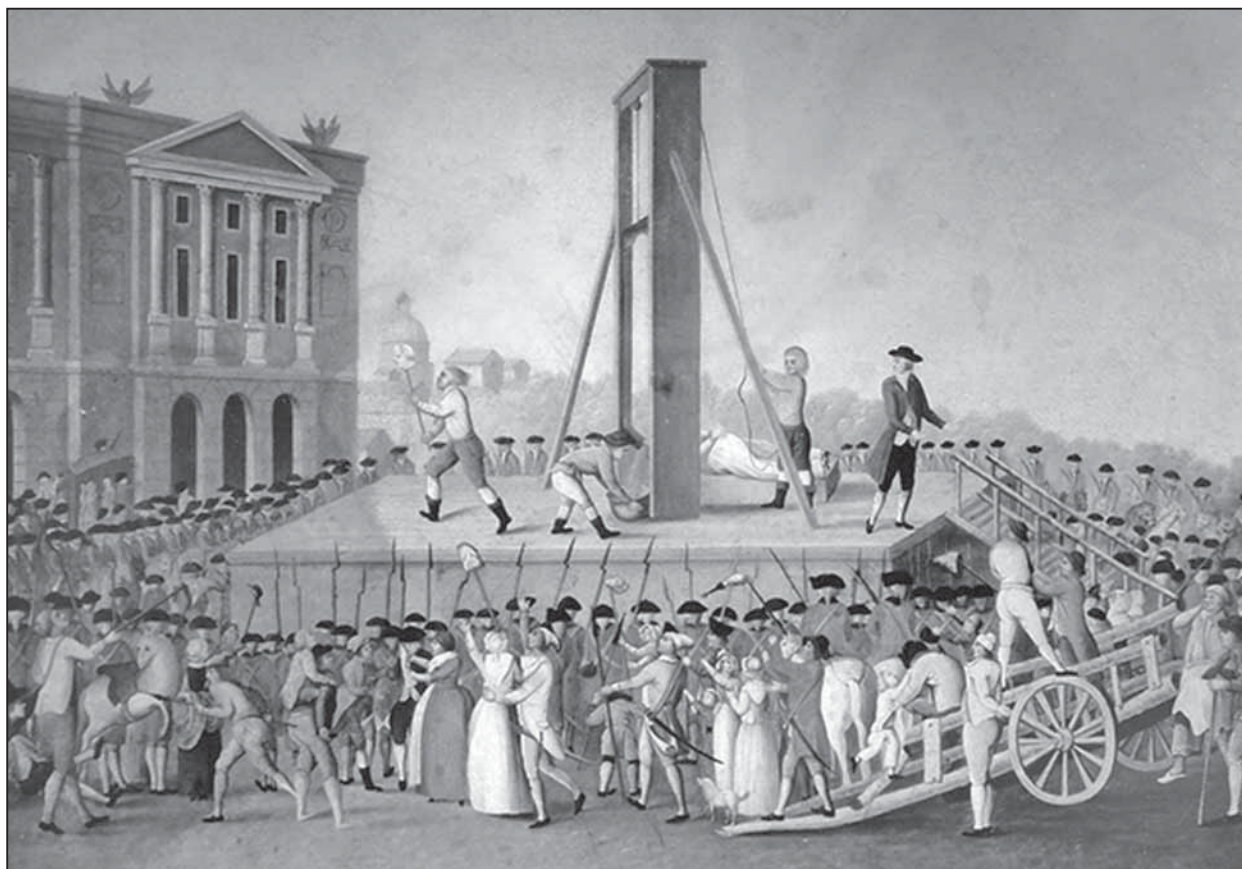
дому Франции, но наотрез отказался бежать. Он дал слово Национальному собранию, что не попытается скрыться, и не хотел его нарушать. А вскоре королевская семья была переведена в крепость Темпль. Так, в непривычной тесноте — семь человек, включая двух лакеев, в пяти комнатах, они провели почти год. Король играл в шахматы и много читал. Антуанетта тоже пристрастилась к чтению.

Летом 1792 года ей пришлось пережить настоящий шок, когда озверевшая толпа окружила Темпль, принеся с собой окровавленную голову ее любимой подруги принцессы Ламбаль. Принцесса незадолго

до этого вернулась из эмиграции в Париж, чтобы разделить судьбу своей королевы. Это, однако, было лишь началом ужасных испытаний, выпавших на долю Антуанетты в последний год ее жизни. В январе 1793 года конвент вынес смертный приговор Луи. Последнюю ночь Антуанетта хотела провести с мужем, но он отказался, ему не хотелось причинять жене лишние страдания. Им разрешили проститься утром перед казнью...

Гордись, вероятно, собственным великодушием, конвент прислал в Темпль портниху, которая сняла с сильно похудевшей Антуанетты мерку и сшила для нее полный комплект траурной одежды. А потом королеву

Казнь Марии-Антуанетты

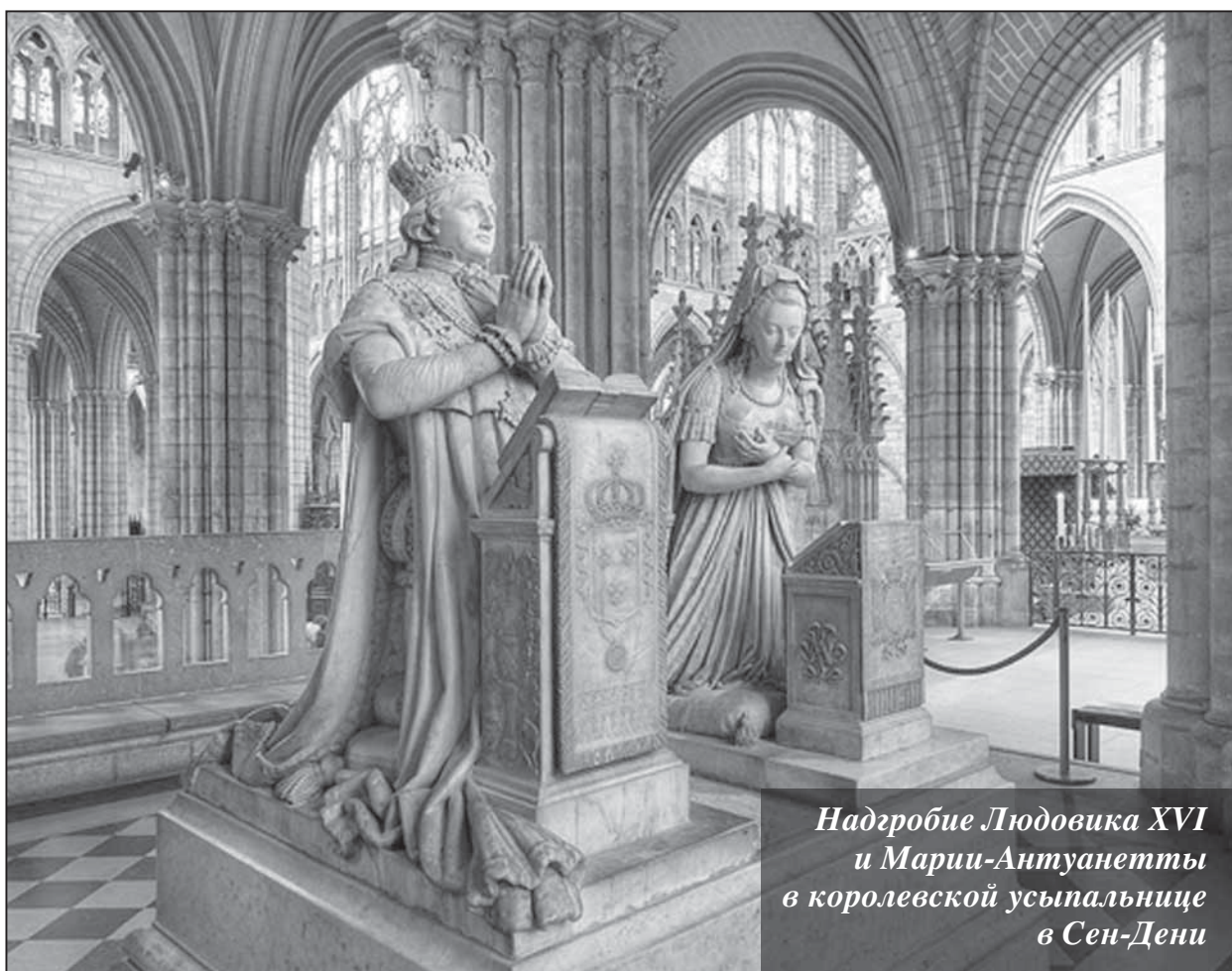

перевели в известную своим строгим режимом тюрьму Консьержи. В ее камере постоянно находились два жандарма. Раздеваться и одеваться она была вынуждена в их присутствии за ширмой высотой всего метр двадцать сантиметров. Это было, пожалуй, самым горьким унижением для нее. Однако жена смотрителя тюрьмы мадам Ришар и ее служанка Розали относились к заключенной с жалостью и снисхождением. У Антуанетты не было ни шкафа, ни сундука для хранения одежды. Мадам Ришар принесла ей картонную коробку, и королева радовалась этому подарку больше, чем раньше самой

дорогой и редкой мебели в своем дворце. Ей не разрешали пользоваться зеркалом, и Розали потихоньку приносила ей свое собственное.

Антуанетта очень изменилась внешне. В свои тридцать восемь она выглядела почти на шестьдесят. Волосы у нее совсем побелели. И все же дух ее не был сломлен. Она доказала это во время процесса, который начался в середине октября. Надеяться ей было не на что. Приговор был предрешен. Тем не менее, она готова была с достоинством встретить неизбежное.

Королеве было предъявлено обвинение в государственной измене.

*Надгробие Людовика XVI
и Марии-Антуанетты
в королевской усыпальнице
в Сен-Дени*

Кроме того, обвиняли и в огромных тратах, были и более гнусные обвинения. Потрясенная Антуанетта не могла произнести ни слова. Однако затем, собрав все свое мужество, она поднялась: «Если я не ответила сразу, то только потому, что невозможно выдвинуть подобные обвинения против вашей королевы!» В помещении воцарилась мертвая тишина, а затем все громко зааплодировали. Наиболее экспансивные женщины падали в обморок. Однако это был последний триумф Антуанетты. Суд признал все обвинения против нее доказанными.

Ранним утром 16 октября 1793 года Антуанетта с помощью жены смо-

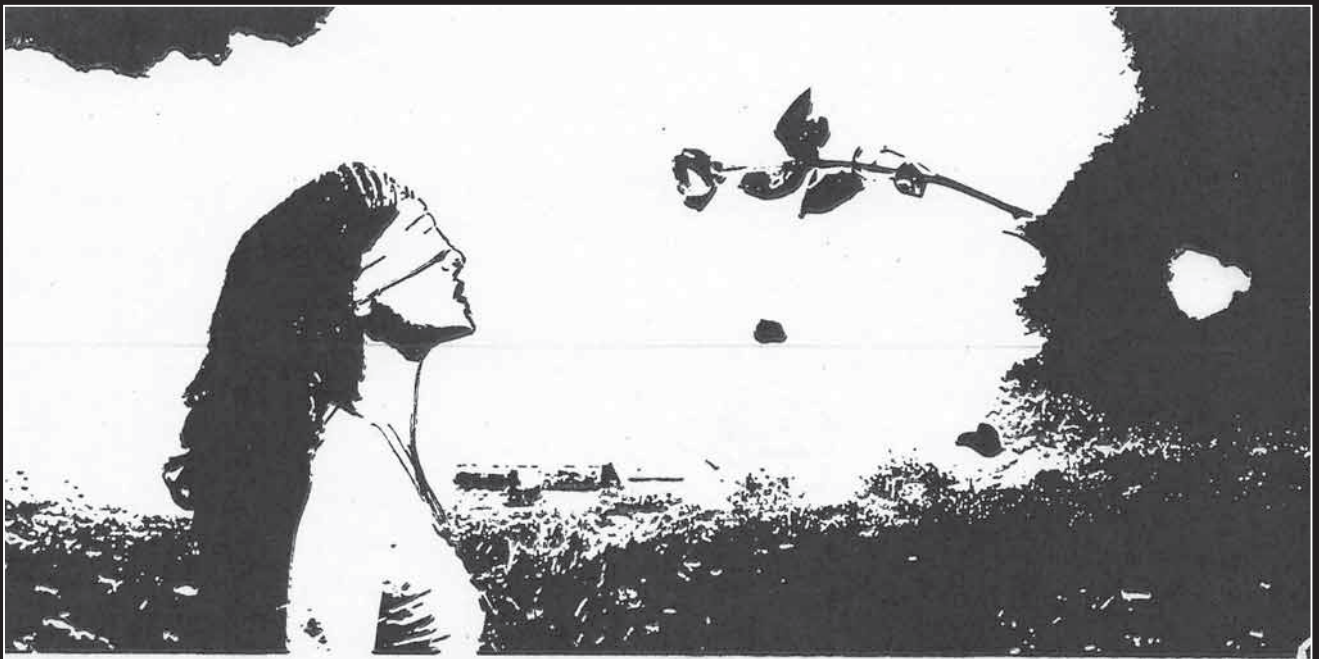
ми ножницами, надел ей на голову шляпу. Ее ждало последнее унижение: Луи везли на казнь в закрытом экипаже, а для нее была приготовлена грязная колымага. Улицы были запружены толпами народа, и она, сидя на грубой дощатой скамье, боялась, что ревущая чернь стащит ее с телеги и разорвет на куски. Лошади остановились почти у самого подножья эшафота. Сансон протянул ей руку, чтобы помочь сойти. Но Антуанетта сама быстро спустилась с колымаги и своей прежней легкой, летящей походкой поднялась на эшафот. У самой гильотины королева споткнулась и своим острым ка-

Королеве было предъявлено обвинение в государственной измене, и Марию-Антуанетту ждала казнь на эшафоте. Заточение в тюрьме разительно сказалось на ее внешности — в свои тридцать восемь она выглядела на все шестьдесят. Но дух ее не был сломлен. Она готова была с достоинством встретить неизбежное...

рителя тюрьмы надела лучшее оставшееся у нее платье. На ногах у нее были черные атласные туфельки на высоком каблучке. Через несколько минут в ее камере появился великан-палач Сансон со своими помощниками. Ей связали руки за спиной. Сансон коротко остриг ее уже совсем поседевшие волосы больши-

блучком наступила на ногу Сансону. Тот охнул и выругался. Антуанетта повернулась к нему и звонким, слегка насмешливым голосом произнесла: «Извините, мсье, я сделала это не нарочно».

Что ж, возможно, эти слова могли бы стать для нее лучшей эпитафией. □

Наталия Солдатова

«БОЖЬЯ КОРОВКА»

Глава 7

Ада часто думала об Андрее. Несмотря на то, что виделись они всего лишь раз, она была уверена — их связывают невидимые нити. И ей казалось, что Андрей является чьей-то мишенью... Кто-то за ним постоянно наблюдает и может неожиданно вмешаться в его судьбу... Но зачем?

Она шла к мэрии, откуда пока еще не уволилась, но на днях собиралась это сделать, и вдруг... проходя мимо отеля, увидела сначала белый шелковый шарф, ползущий по ступенькам гостиницы, а потом и его владельца — это был Андрей!

— Ты сама плывешь ко мне в руки, надо же! А я все думал, как тебя тут искать, с чего начать? Ну, здравствуй, Ада! Здравствуй, исчезнувшая принцесса! — радостно улыбаясь, проговорил он.

— Господи, Андрей!.. Ты что, остановился в этом отеле? В каком номере?

— В тридцать третьем.

— Что?! Это же был мой номер! Там жила Валентина Васильевна Орлова, частный детектив. Ты ее видел?

— Нет, но мне сказали, что она переехал вроде к своему мужу...

— Я рада за нее, молодец!

— Но ведь ты тоже можешь это сделать... Переехать ко мне...

Окончание. Начало в №2, 2018.

— Куда?

— В мое родное Подмосковье. Или в Канаду. К дяде.

— А ведь он разыскивает тебя. Ты об этом знаешь? Разыскивает, потому что очень болен. Мне сказали — он владелец заводов, домов, пароходов. Это образно так говорят. А ты живешь под другой фамилией, поэтому он тебя не находит. Я думала о тебе каждый день, верила, что ты меня найдешь!

— Это получилось совершенно случайно. Если бы я не наткнулся на газету и не увидел твою фотографию, то и не знал бы, где ты.

— Давай лучше поговорим о твоём дяде! Почему ты ничего не знаешь о его... фирме и носишь чужое имя?

— Да, я ничего не знаю о дяде... — немного помолчав, заговорил Андрей. — Так получилось, мне это сразу и не объяснить... А откуда тебе известно, что он меня ищет?

Ада рассказала ему про Илью и про все, что старик слышал тогда в электричке.

— Но ведь если кто-то знает об этом, а я не знаю, — следовательно, этот кто-то хочет воспользоваться моим незнанием. Но с какой целью? И как?

— Убить тебя, предположим. И завладеть всем, чем должен владеть ты! — спокойно предположила Ада.

— Но я ничем не владею! Только своей головой...

— Андрей, тебе надо срочно связаться с дядей! Ты знаешь его адрес, телефон?

— Адрес оставил дома, не помню наизусть. А вот телефон помню.

— Пойдем на переговорный пункт! Да, кстати, а почему имя-то у тебя чужое?

— Да не чужое, господи! Я действительно Андрей. Так получилось, что мой двоюродный брат по матери тоже Андрей, только фамилии у нас разные. Мы просто поменялись документами, чтобы мне в армию не идти... Время терять не хочу! У меня работа очень интересная.

— Так это ты в Москву на работу ездил?

— Да.

— И что же ты там делаешь?

— Я... пусть тебе это не покажется невероятным... работаю над... человеческим мозгом.

— Ты — врач? Хирург?

— Нет. Я работаю над мозгом... компьютерным...

— Но компьютер — это и есть...

— Нет! Я знаю, что ты хочешь сказать — человек закладывает в машину определенные программы, параметры, и машина все за него решает. Решать-то она, и правда, решает, но не думает! Думает пока лишь живой человек! А я создаю компьютерный мозг определенного человека. Личности. Со всеми его привычками, образом мышления, с учетом всей его жизни — что он любил, ненавидел, что пережил, какой накопил опыт... Это не объяснишь так вот, в двух словах... Мы работаем с моим товарищем, и спонсор у нас есть, который в нас верит. Он нам технику самую лучшую приобрел. Помог съездить в Академгородок, проконсультироваться.

— А твой брат? Он что делает? Почему его от армии освободили?

— А он в сельской школе преподает. У него зрение ужасное — минус шесть, поэтому и освободили. Вот и получилось, что он там — с моей фамилией и со всеми моими данными — работает сельским учителем, а я с его фамилией сижу за компьютером.

— А ему-то зачем все это надо?

— Ну, во-первых, он меня просто выручает как брат... А, во-вторых, понимаешь, тот мозг, который мы создаем, — это мозг его отца... Интереснейшего ученого и писателя-фантаста. И он просто обеспечивает мне условия... Вернее, нам... Тебе это интересно?

— Мне все, что с тобой связано, интересно. Но Илья... Тот старик, что рассказал мне о разговоре в электричке... У него были опасения, что все это специально предназначалось для его ушей...

Андрей остановился. Чувствовалось, что ему пришла в голову какая-то догадка. Он беспомощно огляделся вокруг и прошептал еле слышно: «Неужели? Неужели?»

— Что — неужели? — спросила Ада. — Говори, и мы подумаем вместе.

— Да... Наверное, мне надо это тебе сказать... Слушай. Есть человек, который как бы ведет меня по жизни... Про тебя рассказал... Что ты — дворянской крови... Хотел, чтобы я на тебе женился. Я сопротивлялся, а когда тебя увидел потом на платформе, сразу выскочил, не утерпел — хотел познакомиться, поговорить...

— Вот как... Не зря, значит, Илья опасался... А что это за человек такой?

— Да это и есть наш спонсор. И технику, и жите-бытье наше оплачивает... Баев Юрий Юрьевич...

Фамилия и имя спонсора ничего не говорили Аде. И вообще она пока не могла разгадать этот ребус, хотя выстраивала всевозможные предположения. Предположим, Андрей женится на Аде и тоже приобретет дворянский титул. Но ему-то, Баеву, какая от этого выгода? Корысть? Андрей может еще что-то получить от дяди. Но опять-таки — при чем здесь Баев? Однако, если бы этот Баев являлся родственником Андрея, то мог бы ему

наследовать, убить его и завладеть всем, что он приобрел. Но ведь в случае женитьбы на Аде наследовать будет она! Ничего непонятно... О! А вдруг он вознамерился избавиться от них обоих? И от нее, и от него? Но тогда зачем он добивается, чтобы Андрей на ней женился? Она при этом раскладе будет только мешать. И совершенная загадка — почему Баев не просветил Андрея насчет намерения дяди связаться со своим племянником?

— Он тебе, случайно, не родственник? Этот Баев?

Рука Андрея, держащего Аду под ручку, дрогнула, и он тихо ответил:

— Не знаю... Я уже думал об этом... Честно говоря, мы немного похожи... Мама умерла, мне не у кого спросить, кроме дяди, который в Канаде. Я ведь отца своего ни разу не видел... Мама замуж не выходила. И у меня — ее фамилия. Настоящая, я имею в виду... Мартов... Так, может, я — Баев, а? А мать, поняв, какой он негодяй, решила, что лучше молчать и ничего мне не рассказывать?

Они дошли до переговорного пункта, и тут Ада подумала о том, что если канадский дядя действительно был при смерти, то, по-видимому, они со своим рвением уже опоздали, и богатого родственника уже нет на свете, а если еще не опоздали, то все равно разговор вряд ли получится. И как же тогда быть?

Канадский номер долго не отвечал. Затем, после многочисленных гудков, на том конце провода женский голос сказал что-то по-английски. Андрей не понял ни слова и быстро передал трубку Аде. Она попросила повторить. Женщина, оставленная следить за домом своего хозяина — дяди Андрея, ответила, что сам он находится в одной из замечательных клиник Баден-Бадена, и что его состояние стабилизировалось. Ада объяснила, кто и зачем звонит, и женщина тут же дала номер телефона больного, установленного прямо в его палате, а также прибавила, что хозяин давно хотел обсудить с племянником какие-то важные дела.

А вот в Германию они дозвонились мгновенно. Ответили по-немецки, и тут Андрей разговаривал сам. Ада стояла рядом и была готова к любому повороту дела. Однако поворот оказался, видимо, самым благоприятным, потому что Андрей несколько раз повторил: «Зер гут, зер гут!», а потом радостно заговорил уже по-русски:

— Дядя! Как я рад вас слышать! Я ведь совсем недавно узнал, что вы меня разыскивали! Да? О, компьютеры? Новый поворот... Да, знаком. Но я занимаюсь компьютерными программами... Что именно? Боюсь, что вы не поверите в реальность моих опытов... Копирование человеческого мозга... Нет, дядя, не то! Мозга реального человека. Ушедшего из жизни. Представьте — кто-то замораживает органы умершего в жидком азоте... Стремясь тем самым их сохранить, чтобы в будущем, когда любая фантастика

станет реальностью, воссоздать всего человека... А мы уже сейчас воссоздаем мозг... Что? Приехать? Разумеется, я об этом мечтал. А еще я хочу сказать вам — и не потому, что вы больны, а просто мне очень хочется это сказать — я люблю вас, дядя! Мне мама много про вас рассказывала... Как вы ее нянчили в детстве... Ей было очень тяжело с вами расставаться... Когда вы уезжали, она много плакала, я это помню, хотя маленький еще был...

Ада осторожно подсказала Андрею, чтобы он не забыл спросить дядю про Баева. Он не забыл.

— Да, дядя, есть тут человек, к которому у меня — двойственное чувство. С одной стороны, он спонсирует наши исследования, мы с товарищем работаем вдвоем. С другой... явно хочет извлечь какую-то выгоду... Он знал о том, что вы больны, но почему-то не сказал мне об этом. Я услышал о вашем состоянии случайно. Его фамилия — Баев... Да? Что? Да... Да... Понимаю... Обещаю... Сделаю... Да, дядя... Даю слово... Хорошо...

Закончив разговор с Баден-Баденом, Андрей повернулся к Аде:

— Пусто с этим Баевым... Но дядя хочет, чтобы я рассчитался с этим человеком и ни в коем случае не передавал ему результаты исследований.

— А где они, Андрей?

— В компьютере и в моей голове.

— И в голове твоего товарища?

— Да, но, в основном, — в моей. Я обещал... Он так со мной разговаривал, Ада... Так тепло, хорошо... Как только может говорить по-настоящему родной человек... И знаешь, чего он хочет?

— Он пригласил тебя, потому что узнал, что ты — компьютерщик?

— Нет, он пригласил меня потому, что я — его племянник.

Вечером Ада повела Андрея в гараж. В соседних боксах было открыто, мужчины обсуждали какую-то важную проблему, связанную с машинами, Андрей присоединился к их беседе, и она без помех смогла поменять рюкзаки.

Вечер они провели с тетей, которая была явно довольна выбором своей племянницы и без стеснения расспрашивала гостя о том, каким он видит их с Адой совместное будущее. Однако поселиться у них она его пока не пригласила, да он, кажется, об этом и не думал...

Глава 8

В театре

Уже несколько дней Валентина жила у Платона, после того, как они окончательно разобрались в своих отношениях, и она согласилась переехать

к нему. Теперь и в удобной однокомнатной квартирке, и на работе они постоянно были вместе, что вовсе не мешало им открывать друг в друге что-то новое и восхищаться этими открытиями.

Сегодня Платон пригласил Валентину в театр. Вообще-то она не очень любила провинциальные театры, в них зачастую было скучно, неинтересно. Видимо, и этим вечером ее ждет разочарование, но обидеть его отказом она не могла.

Платон подъехал за двадцать минут до начала спектакля — задержали дела, и, если бы не машина, то к первому действию они бы ни за что не успели. Из ложи во втором ярусе, где они расположились, отлично была видна вся сцена. В гардеробной им предложили взять бинокль, и Валентина не отказалась. Когда только началось действие, она сразу поняла, что не ошиблась в худших своих предположениях — артисты почему-то старались перекричать друг друга, причем, обращаясь к партнеру, считали своим долгом стоять лицом к залу. Короче, никакого намека на правду. Неискренность и позерство. Валентина буквально приказала себе запастись терпением и отнестись к этому философски — спектакль пройдет, он не вечен, но уже в первом действии ее ожидал сюрприз, когда на сцену вышла главная героиня с глиняным кувшином на плече и стала о чем-то говорить. Голос ее показался Валентине знакомым, она взялась за бинокль, и... Господи, по сцене в какой-то невероятной хламиде ходила знакомая актриса Галя Афанасьева, ее землячка. Стало быть, она переехала в Сибирь... Когда-то в родном городе Галя помогла им раскрыть одно загадочное убийство. Валентина сказала об этом Платону, и они решили, что в антракте обязательно подойдут к Гале. Что и сделали, когда первое действие закончилось. Конечно, идти к актрисе было вовсе не обязательно, но что-то толкало Валентину туда, за сцену, а она привыкла доверять своей интуиции.

Галя была еще на сцене — стояла возле стога сена и дергала его за какие-то веревочки.

— Галочка! Здравствуйте! Вы меня узнали? Я — Валентина Васильевна Орлова, частный детектив.

— О, господи! Надо же! Конечно, узнала!

— Вот уж не ожидала увидеть вас здесь, так далеко от дома

— А мой дом теперь здесь, Валентина Васильевна! Уехала я от вас. Новый режиссер пришел со своими фаворитками, я без ролей осталась. Ну, и высшую категорию мне не дали. А у нас и так-то оклады нищенские... А тут — обещали. Тьфу, да что это сено мое не складывается? Где-то заело... Вась, подойди-ка сюда, сено опять заело! Разберись, а то ко мне пришли!

Невидимый ранее Вася оказался машинистом сцены, он вырос как бы ниоткуда, разобрался в веревочках и укоризненно сказал:

— Ты не рви их, а ласково дергай, осторожно! Сколько можно говорить! Вот, смотри!

Вася подергал за веревочки, и на глазах изумленных Валентины и Платона стог сена вдруг стал худеть, а затем и вовсе исчез, сложившись в три погребели и изображая из себя кусок брезента, который можно засунуть в небольшую сумку. На такую сумку он и сам был похож. Надо же...

— Спасибо, Вася.

Галя взяла «сумку» и понесла ее за кулисы, объясняя, что подрабатывает реквизитором, что это не отнимает у нее много времени, только вот стог иногда не хочет сразу складываться. Не забыла спросить Валентину и о том расследовании, в котором помогла и о котором многое знала.

— Как там тот парень-то, которого чуть не обвинили в убийстве?

— Нормально. Девочку, дочку своей знакомой, которую осудили за то убийство, удочерил... Хороший человек оказался...

— Я рада, что вам тогда помогла.

— Знаете, Галя, вы мне и сейчас помогли. Только вот как именно — позже расскажу, когда следствие закончится, — улыбнулась Валентина.

— Надо же... Помогла, говорите, а я про это ничего и не знаю...

— Так что — спасибо вам! А этот стог сена... Интересно он у вас превращается прямо-таки в ничего! Здорово! Это кто-то специально придумал для спектакля?

— Не знаю... Но я думаю, что это старый театральный трюк. Может, Вася знает? Спросить?

— А что? Спросите!

Вася вновь вырос из ничего, как будто скрывался где-то рядом и вслушивался в их разговор.

— Я, я это сделал. Сам. Наверное, где-то видел такое, не помню. Режиссер все ломал голову — как артисту прыгнуть из окна, чтобы ноги не поломать. Декорации-то вон какие сделали, окно высоко! Ну, я и предложил, хотя не мое это вроде дело. Делается стог две минуты. Из воздуха. Вот насос, видите? А убирается еще быстрее. У нас на это изобретение даже покушались.

— Как это?

— А так. Украли. А потом мы его снова нашли.

— Надо же! А где он у вас хранится?

— Да в реквизиторской!

— Вася, объясните мне, пожалуйста, зачем нужно ваше изобретение? Только не обижайтесь, мне это интересно... Ведь вы могли бы поставить обыкновенный бутафорский стог сена. Ну, сделать его из каких-нибудь тряпок, и пусть бы этот парень на них падал...

— Эх, не знаете вы нашей специфики! Ведь мы не только здесь, на этой сцене играем, а даем много выездных спектаклей. А как стог сена в автобус запихнуть? Он там просто не поместится...

Прозвенел третий звонок, и Валентина с Платоном, поблагодарив Галю и Васю за беседу, удалились, пожелав друг другу всего самого хорошего. Платон направился, было, к ложе, но Валентина остановила его, неожиданно сказав:

— Теперь я знаю, как исчез из старого дома убийца Вологодского... Вернее, исчезла... Она выпрыгнула на что-то подобное... На такой же вот стог... Может быть, на тот же самый — как раз в тот день, когда он исчезал... Надо все это выяснить в театре... Вот почему никто не обнаружил вокруг дома следов... Они были на этом воздушном сооружении, которое дернули за веревочки, чтобы оно тут же превратилось в... незаметный кусок брезента.

— А ведь ты права, Валя... Поедем-ка домой, эту идею надо как следует обмозговать и наметить, как, с кем и о чем беседовать в театре... Что искать, какие связи, чего добиваться... Тут есть о чем поговорить!

— И женщине, позвонившей после нашего компьютерного гипноза, во все не показалось, что убийца выпрыгнула из окна второго этажа на что-то мягкое, — утвердительно произнесла Валентина. — Стог сена... Ну, надо же так выдумать! На это способна только женщина! Оригинально! Прямо — спектакль под открытым небом!

— Да, Валя, тут еще дополнительные опросы по поводу этого Вологодского показали, что он в последние дни был какой-то квелый, и никто не знает, почему. Может, чувствовал, что его хотят убрать?

— Что значит, квелый?

— А то и значит. Он, например, всегда одевался с иголочки. Чтоб ботинки — в тон брюкам, брюки — в тон пальто и так далее, я уж не говорю о галстуках. А шарф через плечо — это неотъемлемая часть его форса. Так вот, свой шарф он потерял. Дымчатого цвета. И за минуту до выхода во двор схватил какой-то зеленый и перекинул через плечо... Это его охрана сказала... Вроде бы ничего особенного, но я знаю, какое значение ты придаешь каждой мелочи...

— Постой, постой... Так ты что, хочешь сказать, что этот зеленый шарф он раньше не носил? Что перед своей смертью он набросил его впервые?

— Ну да.

— Это — точно?

— Точнее некуда. Все его окружение удивилось — этот шарф был на нем как... пятое колесо в телеге... Или белая ворона...

— Но если это так, то... Понимаешь, одна пожилая женщина, описывая мне Вологодского, упомянула, что он носит зеленый шарф... Но если он набросил его на себя за две минуты до смерти и сделал это впервые, выходит, видела она его именно перед самой его кончиной... А поскольку она там не прогуливалась с собачкой или без нее — ее дом вообще в другом месте, то не исключено, что она и есть убийца. Тем более что и взять из театра этот бутафорский стог сена для нее вряд ли было трудно. Родственные профессии, знаешь ли...

— Валя, не говори загадками!

Но она и не говорила, так как они уже подошли к дому. Войдя в квартиру, Платон сразу включил телевизор. По местному каналу в этот момент шла в прямом эфире дискуссия о том, нужно ли разрушать творения монументального искусства, а именно — памятники вождям революции, деятелям марксизма-ленинизма. Слушать все это было, в общем-то, неинтересно, но тут Платон стал рассказывать о какой-то девице, умолявшей отдать ей памятник Ленину, о том, как она пробралась на эту свалку истории и сфотографировалась там, обнимая вождя.

— Как — обнимая? Она что, на памятник залезла?

— Да нет. Эта скульптура в нормальный человеческий рост, в мэрии стояла когда-то, в фойе. И легкая — под мышкой можно унести.

— А... откуда ты все это знаешь?

— Да во всех газетах эти снимки были! И по телевизору кадры показывали. Подожди, может, и сейчас покажут...

И действительно — ведущая дискуссию журналистка, говоря о разном отношении к вождям пролетариата, подчеркнула, что их почитает не только старшее поколение, что в музей обратилась молодая девушка с просьбой...

И тут на экране появилась Ада, спрыгнувшая с грузовика и прижимавшаяся к маленькому Ленину, выполненному из какого-то легкого материала — скорее всего, из гипса. Господи! Чего ей надо от этого Ленина? Зачем? Почему? Возле ног Ады лежал не пустой рюкзак. Зачем ей рюкзак? А поскольку Валентина не верила в горячую любовь молодых девушек к вождю революции, то тут же попросила Платона связаться с директором музея. Директрису они нашли дома. Извинившись за поздний звонок, Валентина представилась и попросила рассказать подробнее об этом происшествии.

— Да понимаете, рассказывать-то и нечего! — ответила директриса. — Девушка очень просила отдать ей эту скульптуру. Я пообещала решить вопрос положительно в течение нескольких дней. Но она так и не пришла... Передумала, наверное...

— Вот как... А... что представляет собой эта скульптура? Может быть, она разбитая?

— Не разбитая, но с дырой в спине. Никто ведь их не берег, валялись, где попало... Она видела, что с дырой, но все равно просила.

— Я заметила — девушка на машине приехала. Как она там оказалась?

— Да наши рабочие ее где-то посадили, точно не знаю. У них надо спросить.

— Сейчас я могу это сделать?

— Не можете. У них квартиры без телефонов. А вот завтра — пожалуйста.

Валентина поблагодарила директрису за информацию и обещала подъехать утром в музей, чтобы осмотреть скульптуру и поговорить с рабочими. Платону же она рассказала об удивительном совпадении — в Ленина якобы влюбилась ее бывшая соседка по номеру в отеле, племянница бывшего диктора местного радио, женщины пожилой, но спортивной, с хорошей фигурой. Именно она упомянула про зеленый шарф Вологодского, и именно у нее за стеной умирал человек. А к этому был причастен Арнольд, которого они сейчас «опекают»...

На следующий день утром Валентина уже была в музее. Поговорив с рабочими, она узнала, что Ада увидела скульптуру тогда, когда ее выносили из мэрии, и тут же заявила о своей любви к вождю, признании его идей единственно правильными, а потом упростила посадить ее в машину возле Ленина. Бегло осмотрев Ильича, Валентина тотчас его конфисковала, заявив, что им должны заняться милицейские эксперты, но попросила директрису никому пока об этом не говорить. Выгрузив Ильича с помощью водителя в УВД, она сначала забрала его к себе в кабинет и там, не спеша, произвела настоящий обыск — живого Ленина, наверное, обыскивали бы менее тщательно. Оказалось, что изнутри он был обит байкой и еще какой-то шелковой тканью, которая облезла, обтрепалась, оборвалась, но в некоторых местах ее зачем-то пытались приклеить липкой лентой. К одной из этих «липучек» пристала какая-то бумажка... Она сидела глубоко, где-то под коленом вождя. Валентина вытянула ее вместе с кусочком скотча и не очень-то удивилась, увидев перед собой стодолларовую купюру — чего-то подобного она и ожидала, однако решила для себя, что потом все это тщательно обдумает. Сейчас ей необходимо закончить с Вологодским, а связи между его убийством и этим богатеньким вождем она не видит никакой...

Зато связь между этой трагедией и театром обнаружилась — уже к обеде Валентине сообщили, что в бутафорскую приходила какая-то пожилая женщина, вроде учительница. Она якобы хотела поставить с детьми какой-то спектакль и очень интересовалась, как устроен бутафорский стог сена. Брала ли она его с собой? Да вроде нет, но могла и взять незаметно — из

театра при желании можно вынести что угодно. По описанию учительница весьма походила на женщину, говорившую про зеленый шарф...

Новость поступила и от службы, ведущей наружное наблюдение за Арнольдом — он побывал сегодня в квартире, в которой провел свои последние часы мужчина, попросивший Аду о помощи...

Это что же — круг сужается? Валентина тут же набрала номер Адиной тети.

— Людмила Андреевна? Узнали меня? Вот и хорошо. Я только сейчас увидела фотографию Ады с Лениным... Да, да... Она действительно хотела его забрать? Из идейных соображений? Боже мой, неужели такое может быть? Что? Вы не дали? Так и сказали, что не пустите с Лениным на порог? Да... Резко... Ну ладно, лучше скажите мне, вы действительно на Славе Вологодском видели зеленый шарф?

Но собеседницу не так-то легко было сбить с толку — достойный противник!

— Легче сказать, кто его не видел. На каждом плакате...

— Дымчатый, Людмила Андреевна. А зеленый он перекинул через плечо единственный раз... за несколько минут до своей смерти... И видеть его могли лишь те, кто при этом присутствовал — охранники, убийца...

На том конце провода заявили, что видеть его могли и случайные прохожие.

— А почему же вы сразу не объяснили, что были случайной прохожей?

Людмила Андреевна ответила, что на это есть веские причины и неожиданно положила трубку...

Валентина отправилась в кабинет к Платону и рассказала ему и про зеленый шарф, и про саму Людмилу Андреевну.

— Магнитофонную запись, где фигурирует этот зеленый шарф, сделала? — поинтересовался он.

— Сделала. Сейчас. А тогда, когда она об этом впервые сказала, — нет. Господи, Платон, у нее ведь на пальце была ссадина... Вернее, след от ссадины... Я это заметила, когда она торт начала резать... Она оружие держала, видимо, двумя руками... А при этом палец не убережешь... Вот тебе и третье доказательство. И с цветком стреляла — это уж чисто по-женски...

— А второе — стог сена... Очную ставку с работниками театра, с этими бутафорами надо провести... Чтоб уж все точно было...

— Конечно. Платон. А пока «наружке» надо дать задание, чтобы взяли ее под наблюдение. Вместе с Арнольдом «вести». Тебе уже докладывали, что он приходил в соседнюю квартиру? И к Людмиле Андреевне заглядывал. Так что он хорошо знаком с этой женщиной. А вот кто у них главный, кто кому подчиняется, сказать затрудняюсь... Пока Арнольд кажется мелкой

сошкой, промышляющей выбиванием долгов. Но, может, это — его личное хобби? Приработок, так сказать. А по большому счету, возможно, он — не последний человек среди тех, кто вершит судьбы сильных мира сего. Сильных от бизнеса. Но, думаю, мы все это узнаем от самого Арнольда. Кстати, его можно было взять прямо на этой квартире — по подозрению в убийстве.

— Решили еще немного последить за его поведением. Связи выявить. Пока они не ясны... Хотя стало известно, кто на выборах будет под первым номером... И принадлежность этого деятеля к громким воротилам тоже определилась... И несколько звонков Арнольда к ним зафиксировано... Но это все еще не доказательства...

Глава 9

Расправа

Сегодня Ада рассталась с Андреем на целых полдня — ему надо, наконец, утрясти свои московские компьютерные дела, отдать необходимые распоряжения напарнику, а также осторожно узнать у него, что с Баевым. К тому же в этот день он обязательно должен связаться с Баден-Баденом — дядя обещал точно сказать ему, когда возвращается в Торонто, где и будет готовить необходимые документы для вызова племянника. Андрей решил сделать все, чтобы организовать вызов туда и Ады в качестве его невесты, и заявил ей об этом, на что она отреагировала молчанием, боясь выдать свою радость.

Забежав в агентство недвижимости, она на всякий случай взяла там адреса нескольких квартир, в которые необходимо зайти, и вылетела оттуда как птичка. Сейчас надо было сделать два важных дела — отправить письмо отцу в Америку — адрес ей после долгих колебаний тетка все-таки дала, и... посетить могилу ее неверного мужа, то есть сходить на кладбище. Зачем — она бы не могла сказать точно, наверное, считала своим долгом отдать дань его памяти... Как никак, родная тетя прожила с этим человеком целую жизнь, и неужели она, племянница, не положит цветы на его могилу? Но в глубине души она надеялась таким образом узнать еще что-то о своей тетке, которая казалась ей порой твердокаменной скалой, прочно охраняющей свои тайны. Потеряв дачу, тетка слишком уж часто повторяла, что теперь земли в ее собственности — всего четыре метра, да и то на кладбище.

Письмо она отправила на почте заказное, с уведомлением, а потом взяла такси, которое минут через двадцать и примчало ее на местное кладбище

с часовней у входа. Она не говорила тете, что пойдет сюда, а потому и не узнала, где похоронен дядя. Конечно, можно было найти его по датам захоронений — месяцы и годы на могильных плитах шли последовательно, один за другим, в этом смысле на кладбище был порядок. Но она все же зашла в контору и, назвав имя и фамилию покойного и год его смерти, получила номер участка, на котором дядя нашел свой последний приют. Этот шестнадцатый участок был велик, но, поскольку на кладбище запрещалось ставить железные ограды, а могилы обрамляли лишь невысокие бордюры, то Ада быстро прошла несколько рядов и, наконец, остановилась у знакомого овального портрета, впечатанного в гранитную глыбу. На портрете дядя улыбался и смотрел куда-то вбок, словно призывал и Аду взглянуть туда же. Она взглянула... И не поверила своим глазам... У подножия памятника валялся на земле желто-коричневый цветок, похожий на подсолнух... Господи, как же так... Ведь точно такой же цветок нашли там, в пустом доме... Аде показалось, что сейчас в нее выпустят пулю... Что ей не простят этого открытия...

Неожиданное прозрение было похоже на вспышку, осветившую все вокруг — Ада вдруг четко осознала, что так оно и случилось! Что ту девицу убила именно тетя! И что же, что же теперь делать... Как возвращаться домой, как разговаривать с ней... Вообще как теперь оставаться с ней в одной квартире! Конечно, она тоже однажды вынуждена была применить оружие, но то была необходимая мера... Этот бугай сделал ее убийцей! Эта падаля заставила ее нажать на курок!

Со злости Ада стала выдирать засохшие сорняки, крепко державшиеся своими корнями за могилу, мысленно упрекая тетку за то, что она не потрудилась этого сделать. Сухие толстые стебли вырывались быстро, а образующиеся ямки тут же засыпались землей. Неожиданно в одной из ямок что-то блеснуло. Ада подняла осколок от разбившейся банки, в которой когда-то, видимо, стояли живые цветы, и копнула землю. Дуло пистолета смотрело из могилы прямо на нее, и она испугалась... Господи, неужели мертвец хочет отомстить ей за свою жену, которую Ада мысленно назвала убийцей? Она подошла к пистолету и потянула его к себе. Он оказался необыкновенно длинным, и Ада не знала, какой марки оружие держит в руках. Она взяла осколок стекла побольше, вырыла им настоящую яму, положила туда оружие и засыпала его землей, приговаривая про себя, что дядя не обидится, что его вот так вооружили, что этот ствол просто некуда деть, и здесь, вероятно, для него — самое удобное и спокойное место.

Из ворот кладбища Ада вышла, чувствуя себя не просто подавленной, а полностью раздавленной в лепешку. За один час своей жизни она узнала о тете столько, сколько, может, не узнала бы и за десятки лет. И что теперь делать с этим грузом? Что?

Эти мысли не оставляли ее до самого дома. Она автоматически нажала на звонок, и Людмила Андреевна открыла дверь сразу, как будто ждала ее. Ада с порога заявила, что она ненадолго, и вдруг поймала какой-то жалкий, затравленный тетин взгляд, устремленный прямо на нее.

— Что с вами, тетя! — не выдержав, спросила она. — А я-то хотела вам рассказать о своих планах... О наших с Андреем... Сегодня все выяснится, но, возможно, мы вместе отправимся в Канаду...

— Твой Андрей... Он всегда с белым шарфом? — как-то отрешенно спросила Людмила Андреевна.

— Да, да! Я вам рассказывала, как он вылетел прямо на меня из электрички...

— Шарф... Опять шарф...

— Что-что?

— Нет... Ничего... Ничего...

Что-то случилось... Ада мысленно, как в калейдоскопе, прокрутила все, что знала о тете, о чем догадывалась. Неужели кому-то стало известно о ее подвигах? Если так, то ее либо арестуют, либо будут шантажировать — в зависимости от того, кто завладел ее тайнами.

Ада еще не знала, что ошибалась...

— Тетечка, милая, что случилось? Скажите мне, я помогу, я все сделаю! Ведь я же люблю вас! Люблю!

Ада подбежала к тетке, севшей в кресло — женщину била дрожь, обняла ее и уверенно заявила, что им вдвоем ничего не страшно, они со всем справятся, все преодолеют!

— Только ничего не бойтесь, тетя... Я, может быть, догадываюсь кое о чем... Я ведь была сейчас на кладбище... На его могиле... Он так хорошо улыбается с портрета...

— Господи, господа...

— И я стала выдергивать сорняки... Жирные такие... И корни у них прямо — во! А то, что там... блеснуло, я еще глубже упрятала... Осколком от банки землю разрыла, и...

— Сволочи! Банку мою уже разбили! Успели! Недавно ведь ставила!

И тетка в каком-то полузабытьи стала сетовать на то, что там, в святом месте вечного покоя, все воруют, как на базаре, особенно цветы — не успеешь от могилы отойти, а их уже нет...

Вдруг раздался звонок в дверь, и она, вздрогнув, быстро проговорила шепотом:

— Ада! Спрячься! Я не хочу, чтобы ты видела этого человека! Потом все объясню! Залезь хоть в шкаф тот, откуда ты услышала тогда, что творится за стеной... Девочка, я многое в жизни натворила, многое сде-

лала не так, как надо, но тебя впутывать не хочу ни во что... Пожалуйста! Быстрее, Ада!

— Нет, тетя. Я боюсь за вас. И я вас не оставлю.

— Ну, как знаешь... — покачала та головой и направилась к двери.

Высокий, средних лет мужчина с длинной шеей не вошел, а ворвался в квартиру, схватил ее за плечи и стал трясти, повторяя:

— Где эта твоя загребала московская, а? Сучка эта, с Лениным на хвосте?

— Арнольд! Что с вами? Какие выражения вы себе позволяете?!

Но Арнольд ее не слушал, пробежал в кухню, потом в комнату и на пороге столкнулся с Адой, однако по инерции пролетел еще несколько метров и остановился у встроенного шкафа, дверь которого оказалась открытой. Он внимательно осмотрел его и, кажется, понял, как Ада могла узнать о том, что творилось за тонкой стенкой. Она же стояла, ни жива ни мертва, уверенная, что этот тип находится в таком состоянии, что ни перед чем не остановится. Так и получилось — закрыв дверь в комнату, чтобы тетя, видимо, ничего не слышала, Арнольд, стараясь говорить спокойно, выдавил из себя:

— Добром отдашь — обещаю, что руки-ноги целы будут... Ты, теткина радость, тростиночка московская... тьфу, только баба может так пакостно говорить! — знаешь ли ты, на что покусилась? Ты на «общак» покусилась... Может, он не так и велик, но уж как умеем... Коленька злой на нас был... Мы его немножко пощекотали за то, что долг вовремя не отдал... Так он, падла, это предвидел, что ли, месть нам такую придумал. «Общак» спер... И когда и как сумел-то — ума не приложу! Так я тут за весь уголовный розыск потрудился, до футляра дошел... до пустого... Он свою гитару однажды кое-где оставил... куда не возвращаются... а футляру нашел другое применение... И если бы не ты... Ну, отдавай! Где они? Здесь?

Ада молчала, потому что просто не могла говорить — язык накрепко прилип к горлу, и она боялась задохнуться. Воды... Хотя бы один глоток воды... Она подошла к двери и хотела ее открыть, но тут же упала, отброшенная Арнольдом к окну.

— Я вижу, ты плохо меня поняла, птичка, — тихо, но угрожающе проговорил он. — Мне хватит пяти капель хлороформа, чтобы развязать тебе язык... Есть и другие средства...

Тетя, видимо, услышав шум в комнате, громко забарабанила в дверь, и Арнольд неожиданно открыл ее. Ада поднялась на ноги, поправила на себе одежду, повесила на плечо упавшую на пол сумочку и сказала:

— Тетя! Я не понимаю, что происходит... Уймите вы его! Он говорит про какие-то деньги, о которых я впервые слышу! «Общак» какой-то... Да я... ни сном ни духом...

— Будешь духом, будешь, — неожиданно перебил ее Арнольд. — Когда я из тебя душу вытрясу! Душа — она, знаешь, когда из человека вылетает, а? То-то же!

Вдруг он схватил тетю за руку, втащил ее в комнату, толкнул к окну и быстро, отрывисто заговорил:

— Я имею основания утверждать, что этой мадемуазель известно о пропавшем «общаке». Во всяком случае, мы перетряхнули всех, с кем общался наш умный покойник... Всех до единого. У Коли же не было своего угла, он — кочевник... Слава богу, бабка его жива... Подсказала, у кого — что. Так мы дошли до Крысы, стали его трясти. Он показал, что футляр от гитары, который Коля-друг оставил ему на хранение, был полный, а теперь — пустой, но по-прежнему запертый... А вес он потерял после того, как в коморке у этого папы Карлы погостила наша дорогая москвичка или кто она там... Так что последний раз прошу — отдай добром, и мы смягчим твою участь... Врубаешься? Ну!

Взгляд у него был гипнотизирующим и безжалостным, как у питона. Ада, еще не прочувствовав до конца всей глубины опасности, посмотрела на тетю. Людмила Андреевна стояла, вытянувшись в струнку, с гордой, как всегда, осанкой, но на лице ее был неподдельный ужас. Можно сказать, что лицо ее просто опрокинулось от страха... О, боже! Только сейчас до Ады дошло, как она влипла! Что ж, надо попытаться хотя бы оттянуть время...

— Я все-таки не понимаю... — прошептала она побелевшими губами.

Арнольд, стоявший между ней и теткой, неожиданно развернулся, схватил девушку за плечи, больно сжал их и прошипел ей прямо в лицо:

— Поймешь. Иначе я вытряхну из тебя все мозги. Калеккой сделаю, но поймешь! На святое покусилась, падла! Говори, куда деньги дела? Где прячешь? Ну! — Он встряхнул Аду так, что она на какой-то миг чуть не задохнулась, а потом повернулся к Людмиле Андреевне и прорычал: — Веди ее в кабинет, а то орать будет! Веди, тебе говорю, старая кляча! Ну! Давай ключи, я сам! — Схватив с гвоздика ключи от соседней квартиры, в которой умирал Коля, и дернув Аду за руку, Арнольд потащил ее за собой на лестничную площадку. Тетя, наконец, вышла из ступора и недоуменно произнесла:

— Но это же — моя племянница... Ты что, Арнольд...

Он ее не слушал или не слышал. Молча втолкнул Аду в квартиру так, что она отлетела в конец прихожей, туда, где лежал тогда измученный, обреченный Коля... Голова ее гудела, и во всей этой смеси боли, горечи, страха, недоумения бился один-единственный вопрос — что делать? Тетя успела впрыгнуть в квартиру прежде, чем Арнольд запер изнутри входную

дверь, и на несколько мгновений оказалась рядом с Адой. Этого времени девушке хватило, чтобы сказать — деньги действительно у нее, спрятаны в гараже, и она жалеет, что не рассказала об этом. Их завещал ей Коля... Отдать? Тетя отрицательно покачала головой, пробормотав: «Этакому-то мерзавцу?»

— Оставь ее в покое! Девочка ничего не знает ни о каких деньгах! — выкрикнула она. — Иди, перерой всю квартиру! Я знаю, где у меня каждый рубль лежит! Где же она их, по-твоему, держит?

— А это она нам сейчас скажет! Все нам сейчас расскажет! Все! — Арнольд вытащил нож и пошел с ним прямо на Аду. Она бросилась в комнату, но стекло в балконной двери было уже вставлено. — Не скажешь — сама смерти будешь просить, она тебе избавлением покажется... Сейчас я тебя на куски порежу...

— Я... ничего не брала... Вы ошибаетесь, — пролепетала, наконец, Ада, и, наткнувшись на угол дивана, упала рядом с ним, причем ее сумочка, так и висевшая на плече, больно ударила ее по ноге. Этот удар напомнил ей о подарке Гаркуши... Она подняла глаза и увидела перед своим горлом острое ножа, которое поблескивало, словно отражало от себя солнечные лучики... Из оцепенения ее вырвал крик тетки:

— Отпусти, гад! Отойди от нее, убью!

Она, видимо, здорово встряхнула Арнольда, потому что его рука с ножом отлетела от горла Ады и повисла в воздухе, но лишь на миг. В следующее мгновение он уже шел на тетю и шипел:

— Убью... Старая дура... Околеете обе здесь, сучки недорезанные... Туда вам и дорога, господам-барам!

Подойдя к ней, схватил ее за волосы и стал тянуть их на себя. Людмила Андреевна изогнулась, словно змея, боком налетела на нож, который он не выпускал из рук, и закричала. Крик этот заставил Аду действовать. Пистолет она нащупала рукой еще тогда, когда Арнольд бросился за теткой, и сейчас, под ее истошный крик, взвела курок, сделала два шага, и дуло оружия почти уперлось в затылок Арнольда, намертво вцепившегося в тетины волосы. Он явно наслаждался ее болью и видом крови... Выстрел прозвучал так же неслышно, как и там, в лесу, и Арнольд стал как-то неестественно раскачиваться, словно клевал носом, а потом рухнул вперед, задев головой Людмилу Андреевну... Они лежали вдвоем на полу, словно обнявшись, и их кровь стекалась к одной общей багряно-рубиновой луже... Аде стало страшно.

— Тетя... Что я наделала... Я ведь хотела — для нас... Дачу купить... Съездить с вами за границу... И что теперь будет... Тетя, милая, уйдем отсюда! Уйдем скорее! Уедем куда глаза глядят... Где нас не найдут...

— Найдут... Меня найдут... Это я все сделала... Я его убила... Дай-ка твой пистолет...

Ада протянула ей оружие, и она прижала его к себе.

— Вот... Семь бед — один ответ... В этой квартире долги из людей выбивали, и я про это знала... Но ничего не могла поделать... Иначе бы мне — или тюрьма, или нож в спину...

Ада понимала, что надо перенести тетю домой и вызвать «Скорую помощь», а уж потом решать, что делать с этим подонком. Об этом она и сказала тете.

— Нет, милая... Не звони... Это — избавление... Я ведь свою соперницу убила... Иначе не могла — умерла бы от ненависти... — И Вологодского тоже — я... Арнольд заставил... Он узнал про мою месть... И про то, что я хорошо стреляю... У меня — призы по биатлону... Говорил, что это будет самое необычное убийство... И потому никогда не докопаются, кто виноват...

— Я думаю, что Валентина Васильевна об этом догадалась, тетечка... Зеленый шарф...

— Знаю! Жаль, что она появилась на моем горизонте слишком поздно... А то бы мы с ней поработали... У нас бы многие бизнесмены эти, воюги, сели на нары...

— А теперь вот я сяду...

— Нет, Ада! Это я убила Арнольда! Звони Валентине! И если я ее не дождусь, сама все расскажешь...

Ада позвонила в управление и попросила к телефону Орлову. Только услышав ее голос, она поняла, что к ней еще может придти спасение... Вкратце она сразу же рассказала о том, что произошло — как пришла домой, увидела мужчину, который потянул их с тетей в эту квартиру, напал на нее с ножом, требуя какие-то деньги. А она... Валентина обещала тут же приехать.

Медики долго не приезжали — оказалось, что они созваниваются с милицией, так здесь было положено в подобных случаях, и потому обе машины — с красным крестом и синей полосой — появились одновременно. Но прежде на место происшествия шагнули Валентина с Платоном. Подъехавшие оперативники козырнули полковнику, которого, в общем-то, не ожидали здесь увидеть, и принялись за свои обычные в таких случаях дела. Валентина же отвела Аду в сторонку и, пока врач осматривал Людмилу Андреевну, еще раз расспросила ее о том, как было дело.

— А что у вас в сумочке хранится, Ада? Помните, еще в гостинице звякнуло?

— Пистолет. Но он — игрушечный, вот, смотрите! Для защиты. Мало ли что... Подумают, что настоящий... — И Ада раскрыла сумочку, в кото-

рой поблескивал действительно игрушечный, но на вид совсем как настоящий, пистолет.

— Это наган, — спокойно сказала Валентина. — Он у вас в этом платке лежал, что ли? — и вытащила из Адиной сумочки клетчатый носовой платок ивановского ткачества.

— Да, в этом...

На дне сумочки оставался лежать еще один платок. Валентина вытащила и его:

— А этот? В него был завернут тот пистолет, из которого стреляли, да?

Ада молчала, потому что не знала, что говорить. Да — это приговор себе хотя бы за хранение оружия, пусть и самодельного. Нет — Валентина не поверит, да и по этому платку сверхзоркие микроскопы сразу смогут установить, что тут было завернуто... Так что эта задачка — с двумя неизвестными...

— Хорошо. Не отвечайте. Но советую — передайте этот платок вашей тете — от греха подальше... Она им кровь вытрет... И вообще...

Валентина с Адой подошли к тете. Ада вытерла платком ее руку, которая сжала этот клетчатый комочек и уже не отпускала его... Внесли носилки, и Аде сообщили, что тете предстоит срочная и сложная операция, что в городской больнице уже готовят операционную... Людмилу Андреевну положили на носилки и быстро понесли в машину, она успела лишь сказать бежавшей за ней Аде:

— Помни обо мне, доченька...

— Я сейчас, тетя... Я — за вами...

Но врач посоветовал ей принять что-нибудь успокоительное, а уж потом явиться в больницу — сейчас, увы, она все равно ничем не может помочь своей родственнице. Квартира напоминала проходной двор, какие-то люди в форме и в штатском ходили туда-сюда, сильно хлопая дверью. Ада не видела, как уносили тело Арнольда.

И вдруг на пороге появился Андрей. Не замечая никого, он бросился к Аде:

— С тобой все в порядке? Я ждал, а тебя нет... Я сразу понял — что-то случилось... Что?

— Все случилось, Андрюша. Тетя ранена... Она меня собой заслонила! А тот, кто на нас напал, — убит...

— На вас напали? Но почему?

— Не знаю... Я не поняла...

— Это нам всем вместе предстоит узнать, — заметила Валентина.

— Валентина Васильевна, это — Андрей, мой... жених... А это, Андрюша, частный детектив Орлова...

— Правда? Так это — удача. Знаешь, какое известие я получил сейчас из Москвы? Баев-то арестован!

— И кто же у нас Баев? — с интересом посмотрела на Андрея Валентина.

— Это мой опекун, Валентина Васильевна! Мой шеф... Впрочем, долго рассказывать... Тут у вас такое случилось, а я...

— Баев — это человек, который, как я поняла, собирает все данные о наследственных делах состоятельных граждан... То есть господ, — уточнила Ада. — Собирает и манипулирует всем этим в своих интересах...

— Вот как... Это очень любопытно... А за что его арестовали, вам не сказали?

— Сказали. Умер потомок какого-то древнего рода... Который восходит к Рюриковичам, кажется... Одиноким был человек... Видимо, Баев за ним наблюдал, потому что вскоре стал вывозить из квартиры его картины... Соседям заявил, что купил эту коллекцию. А они не поверили и вызвали милицию...

Ада слушала, но это ее сейчас уже не интересовало. Шум в голове прошел, перестало ломить затылок, и теперь на первый план выступила боль за тетку, за то, что с ней будет.

— Можно нам с Андреем сейчас в больницу, а? Вы нас отпускаете? — спросила она у Валентины.

Та вопросительно посмотрела на подошедшего к ним Платона.

— Двух часов вам хватит? — буркнул он.

— Я не знаю...

— Постарайтесь уложиться в это время. А потом — к нам в управление. Вас будут ждать. Дежурный скажет, кто и в каком кабинете. Следует официально зафиксировать происшедшее.

Все вышли, и Ада заперла теткин дверь. В соседней же квартире продолжала работать милиция.

Глава 10

Прощание

Больничная охрана сразу пропустила Аду с Андреем. Им показали, как лучше пройти до хирургического отделения. Через несколько минут они уже сидели в холле этого отделения, на широком старом диване, возле которого стоял такой же старый телевизор. Медсестра объяснила им, что тетя все еще находится в операционной, что ранение у нее сложное и, возможно,

несовместимое с жизнью, но надеяться следует всегда. Ада попросила разрешения позвонить на радио, объяснив, что тетя проработала там почти всю жизнь. Та согласно кивнула и удалилась. Когда на звонок ответил сам Владимир, и она рассказала ему, в чем дело, а он обещал тотчас же приехать, вернулась медсестра. Лицо ее было строгим и печальным. Трубка выпала у Ады из рук... Она все поняла. Вслед за медсестрой подошел врач.

— Вы — племянница пострадавшей? — спросил он Аду.

— Да.

— Примите все мужественно... Мы сделали все возможное... Но ранение таково, что... ее могло спасти только чудо...

— Но я верю в чудо! Верю!

— И, слава богу! А я вот, старый, нет... Простите... — и он направился в сторону ординаторской..

— Но... я хочу ее увидеть! Где она?

— Да. Отведите нас к ней, пожалуйста, — попросил медсестру Андрей.

Медсестра молча повела их по коридору до самого его конца, до лифта, недалеко от которого, в сторонке, стояла высокая каталка, на которой и привезли тетю. Она была накрыта белой простыней. Медсестра приоткрыла ее лицо. Оно было бледным и совершенно спокойным. Она не мучилась. Ада погладила ее лоб, щеки. Ее слезы упали на тетины веки, и показалось, будто покойная заплакала... Ада поцеловала ее в лоб и стала что-то шептать ей тихо-тихо — она просила у тети прощения...

Вот и все. Нет у нее больше опоры в жизни... Нет родного человека, который принимал ее такой, какая она есть... Ей стало страшно. Она почувствовала себя совершенно незащищенной...

И тут в коридоре появились Владимир, Ирина и Саша. Они недоуменно уставились на тетю.

— А... почему она не в палате? — спросил Владимир.

— Она уже... далеко от нас, — ответила Ада.

— О, господи! Люда! Людочка! — вдруг закричал Саша и, рванувшись к каталке, оттолкнул Аду, с нежностью вглядываясь в тетино лицо.

А Владимир тихо проговорил:

— Все расходы мы берем на себя... Это — наша обязанность. Ни о чем не беспокойтесь, Ада, вы и так столько пережили...

— Она меня спасала... И спасла... А сама...

— Я знаю... Я звонил, спрашивал... Это невероятно... Какая мужественная женщина...

— Она погибла из-за меня... Из-за меня...

— Не кляните себя, Ада... Она погибла потому, что такая она есть. Мы все ее любили... Сегодня же создадим похоронную комиссию, все распре-

делим, кто за что отвечает. Мы ничего не упустим, не волнуйтесь. И будем держать вас в курсе всего.

Ада медленно подошла к каталке, встала напротив Саши и зашептала:

— Людмилочка ты моя... любимая... Как ты хотела, чтоб я тебя так называла... Я никогда тебя не забуду... Я буду всегда приходить на твою могилу...

Но вдруг отпрянула от тети, словно наэлектризованная. Боже! Ведь хоронить-то ее будут рядом с дядей, ну конечно же! Одно неосторожное движение лопатой — и пистолет вывалится из своего укрытия... Надо его немедленно оттуда убрать! Сейчас же!

— Владимир, мы с Андреем съездим сейчас на кладбище. Надо найти могилу дяди... Где будет последнее тетино... пристанище.

— Берите мою машину! У приемного покоя стоит... «шестерка» бежевая. Водителю скажите — я распорядился.

Ада потянула Андрея к выходу...

На кладбище было так же мало народу, как и в прошлый раз. Ведя Андрея за руку и объясняя, что ей будет стыдно долго искать дядину могилу при чужих людях и необходимо сделать это сейчас, она, тем не менее, довольно уверенно шла в нужном направлении, пока, наконец, не подошла к памятнику с портретом дяди. Сразу брать пистолет из могилы Ада не решилась — не знала, как на это прореагирует Андрей, вдруг скажет — ну, дескать, и семейка, кругом у них — пистолеты... А потому, найдя пустую, но целую банку, отправила Андрея за водой. Пока он ходил к находящейся метрах в ста бочке с водой, она проделала все, что требовалось, с силой ткнув пистолет в чью-то соседнюю могилу и хорошенько засыпав его землей. Что ж, свой долг Ада выполнила.

Естественно, что в управление молодые люди приехали с опозданием. К тому же по пути они заехали на телеграф, и Ада отправила матери телеграмму с печальным известием о кончине тети.

Потрясенная этой смертью, она поначалу не смогла толком ответить ни на один вопрос, но с помощью пришедшей в кабинет Валентины немного пришла в себя и подробно рассказала оперативникам о нападении Арнольда. Милицию интересовало, чего он добивался от них с тетей, но Ада только повторяла, что ей это совершенно неизвестно.

— Я впервые его видела. А что хотел от тети... Она, видимо, знала, что ему надо было, потому что не очень удивилась его приходу. Но в их разговоре не было ничего конкретного... Хотя... Мне показалось, что он требовал вернуть ему нечто...

— А ваша тетя... Что она ему отвечала? — не отставал самый дотошный оперативник.

— Она отвечала, что он ошибается... А он на нее — с ножом... И обзывает ее по-всякому...

— Как вы думаете, что их связывало?

— Я думаю, их ничего не могло связывать...

И тут взяла слово Валентина:

— В свете того, что нам уже известно о Людмиле Андреевне, можно предположить, что он был ее руководителем... Но, к сожалению, только предположить... И если наша догадка верна, то возникает вопрос — почему Людмила Андреевна допустила такое... насилие над собой? Почему вынуждена была охранять соседнюю квартиру — эту камеру пыток... Ада, помните, когда мы с вами там были, я удивлялась — отчего же умиравший там Коля не кричал, не звал на помощь? А кого звать? Квартира угловая. Единственная соседка — ваша тетя, но Коля прекрасно знал, что она — охранница этой квартиры и на крики его реагировать не будет... Внизу живут две глухие старушки с кошками... Этажом выше днем никогда никого не бывает, там живет одинокий мужчина, он на работе. Да и ночевать не всегда приходит... Вот вам и ответ, почему Коля не кричал... Хотя, я уверена, Ада, что тетя ваша — не монстр какой-нибудь, а нормальный человек, и должна была тяжело переживать свое положение зависимой женщины... Зависимой, видимо, от преступника... Или преступников... Тем не менее, на ее совести — убийство Вологодского... К сожалению, теперь мы можем только строить догадки, как она попала к этому Арнольду в плен. Не в прямом смысле, конечно. Очевидно, он узнал о ней такое, чем манипулировал в дальнейшем, заставляя женщину делать то, что ему нужно!

— Валентина Васильевна, да они, может, были едва знакомы! — воскликнула Ада.

— Нет, девочка. Мы за Арнольдом не один день ходили. Он приходил к вашей тете, когда вас не было... Когда вы работали... И приходил в соседнюю квартиру... А вы, я думаю, можете нам подсказать, какой поступок Людмилы Андреевны этот тип взял на вооружение, а? Тут, видимо, надо вспомнить какое-то больное место тети... Трагедию в ее жизни... У нее была трагедия? Ада, милая, не молчите! Я понимаю — не время сейчас для таких откровений, но ведь совершено убийство! Кто знает — может, тут замешаны еще какие-то люди... Которые разгуливают на свободе, но давно опасны для окружающих...

— У нее была трагедия. Умер муж. Она его любила, — выдала Ада часть правды.

— Ну и что? — тут же вырвалось у Валентины. — Болел, умер — что же в этом такого трагедийного? Все вполне естественно. Конечно, горько, печально, но... Я имею в виду другое... Рану в сердце! Была у нее такая рана?

— Я не уверена... Мне она, во всяком случае, не говорила.

И Адина улитка закрыла свою ракушку.

Но тут совершенно неожиданно вмешался Андрей, доселе не проронивший ни слова:

— Адочка, ты забыла... От нее же уходил муж! Помнишь, ты мне рассказывала? Может быть, следователи и имеют в виду что-то подобное?

Валентина внимательно посмотрела на него, на Аду, еще ниже опустившую голову, и сказала:

— Да, Андрей, это вписывается в мою концепцию. Надо только выяснить, к кому он уходил, и что стало с той женщиной... Вы что-нибудь знаете, Ада?

— Не знаю, мы ни разу не разговаривали с тетей на эту тему. Единственное, что она сказала — умер он не у нее, а у новой своей жены, но хоронила его тетя.

— Что ж, значит, нам придется выяснить все самим... Кстати, Ада, если по каким-либо причинам вы сказали нам не все, а у Арнольда остались сообщники, то вам, я думаю, следует опасаться... Ведь того, что требовал Арнольд, могут теперь потребовать другие...

— Да я-то тут при чем? — ответила Ада вопросом на вопрос. — Он меня впервые видел, я ведь вам говорила!

— Говорить-то говорили, но этот факт не исключает логичности моего вопроса... Не исключает... Впрочем, извините и примите мои соболезнования...

— Наши, — подчеркнул самый дотошный оперативник.

Ада вышла из управления, едва волоча ноги. Хорошо, что рядом был Андрей, готовый нести ее на руках. На улице уже стемнело, сырость и холод облепили ее с головы до ног, и ей вновь стало страшно. Она поняла, что не сможет сейчас пойти домой, ночевать там в одиночестве и в ожидании непрошенных гостей в лице каких-нибудь бандитов — дружков Арнольда. Выход один — переночевать в гостинице. Пока она об этом раздумывала, Андрей уверенно вел ее по улице именно к отелю — про себя он давно решил, что с сегодняшнего дня им не следует расставаться... Войдя в номер Андрея, Ада тут же позвонила Владимиру на радио и сообщила, где находится, а он, в свою очередь, отрапортовал, что им удалось уже сделать. Ада слушала вполуха, она буквально валилась с ног и, когда положила трубку, рухнула на постель, не раздеваясь. Андрей укрыл ее одеялом, сел рядом и прижал ее руку к своим губам. Она закрыла глаза и сразу уснула, словно провалилась в бездну. А когда открыла их, было уже светло, а рядом с ней на краешке кровати все так же сидел Андрей.

— С добрым утром, — тихо сказал он.

— Ты что, не спал?

— Я спал, спал. Ты тут приводи себя в порядок, а я схожу в буфет и принесу что-нибудь на завтрак...

Если бы Аду спросили, какой день был для нее самым трудным, она бы, не задумываясь, назвала именно этот, сегодняшний, — не успели они позавтракать, как к отелю уже подкатила машина с Ириной, и они отправились домой, оттуда — в морг, оттуда — в церковь, договариваться об отпевании, оттуда... Оказалось, что и после смерти человек нуждается в не меньшем количестве бумаг. Ада не представляла, что бы делала без тетиних коллег... А вечером они с Андреем снова пошли ночевать в гостиницу.

Наступил следующий день — день прощания. В зал редакции радио пришло много народу. Столько же было и речей — каждый стремился вспомнить что-то хорошее из ее жизни. Если бы тетя слышала все, что о ней говорят, она была бы довольна. На стене оформили целый фотостенд, посвященный Людмиле Андреевне. Там же были и почетные грамоты за призовые места по биатлону на областных спартакиадах журналистов. На похороны пришли и два опера, Ада их узнала — они внимательно изучали всех присутствовавших. Не обошли вниманием и фотостенд, и грамоты за успехи в беге на лыжах и в меткой стрельбе...

Одним словом, похороны проходили достойно, без каких-либо эксцессов и особых эмоций. Эмоции были лишь в душе у Ады, и она плакала совершенно искренне, жалея и тетю, и себя, оставшуюся сиротой... Хотя рядом постоянно находился Андрей, ощущение сиротства все равно было необыкновенно острым... Ну, почему, почему она не отдала тогда деньги этому Арнольду? Надо было не слушать тетю! Впрочем, разве это что-нибудь изменило бы? Тетя решила правильно. В ином случае он бы убил их обеих. Только вот жертва оказалась слишком уж большой...

Поминки были сдержанными и не перешли, как это часто бывает, в повальное пьянство. После поминок Владимир предложил подвезти Аду с Андреем в отель, но она изъявила желание заехать домой, чтобы забрать некоторые необходимые ей вещи. На самом же деле вещи могли и подождать, не в них было дело. Просто на сердце у Ады было уж очень тревожно. Конечно, в день похорон дорогого человека такой тонкий инструмент, как сердце, не может оставаться спокойным. И все же... Сегодня утром, подходя к своей двери, она не волновалась так, как сейчас. Ключ прыгал у нее в руке, и Андрей предложил сам отпереть замок, но Ада все же открыла сама, причем сделала это очень медленно, чтобы увидеть, как ленточка обивки сползает с косяка и тянется вслед за дверью... Но ленточки не было... Ада похолодела... Она внимательно посмотрела на пол — кусочек

обивки, оторванный от двери, валялся у стены прихожей, под вешалкой... Она тут же, несмотря на недоуменные взгляды Андрея, Владимира и приехавшей с ними Нонны, вновь заперла дверь, попросила всех сесть в машину и только там рассказала о своей уловке, позволившей точно узнать, что в квартиру кто-то проник... Ада видела один выход — обратиться к Валентине и все ей рассказать. У Владимира оказался мобильник. Детектив Орлова, как всегда, была на месте. Ада обрисовала ей ситуацию, подчеркнув, что не стала даже входить в квартиру, чтобы не уничтожить следы незваного пришельца...

Подъехавшая Валентина внимательно осмотрела замок.

— А знаете, девочка, недавно здесь снимали слепок... Причем делали это очень неаккуратно... Вот, видите — следы воска... Явно работал не профессионал... Это вам ни о чем не говорит, а?

— Да нет...

— Ну, ладно. Открывайте. Посмотрим, как он там наследил... Может, что-нибудь да и придет в голову.

Решено было, что в дверь войдут только Валентина и Ада, а остальные подождут в машине. Сняв обувь, Ада быстро, но осторожно, на цыпочках пробежала по всей квартире — на первый взгляд, в ней был полный порядок. Правда, дверца встроенного шкафа была отперта, а она прекрасно помнила, что заперла ее на защелку, и сказала об этом Валентине. Заглянули в шкаф — все было там в целости и сохранности. А вот в тетином платяном шкафу такого порядка не наблюдалось... В вещах, сложенных внизу, под висящей на плечиках одеждой, явно кто-то рылся. В общем-то, они были сложены так, как надо, но с одного края, например, свисал рукав кофточки, а с другого стопку делала неровной черная футболка, высунувшаяся сантиметров на десять... У тети же все лежало ровно.

— Да... Человек здесь чего-то искал... — задумчиво проговорила Валентина. — Что же это за личность? Ну, во-первых, он неопытен в таких делах. Во-вторых, все-таки аккуратен — постарался все сложить, как было... Арнольдовские дружки все бы здесь раскидали. Он методично осматривал всю квартиру... Какая же комната удостоилась его особого внимания? Видимо, вашей тети... Но посмотрим дальше...

В самой маленькой комнатке, где стоял лишь письменный стол и старый небольшой диванчик, их тоже ждал сюрприз — сиденье у диванчика оказалось значительно выдвинутым...

— В этом диване у вас что-то хранилось, да?

— Не знаю, — ответила Ада. — Не думаю. Хотя... Знаете, у тети должны были быть деньги. Ну, хоть какие-то. Пока я ничего не обнаружила. А она мне не говорила, где их хранит. Может, они действительно были здесь?

— Или ее драгоценности...

— Нет, нет! Она ничего такого не носила. Не любила. И не покупала никогда.

Выдвинутая часть диванчика оказалась в пыли, и Ада пошла на кухню за тряпкой. Тряпка оказалась за самоваром. Она протянула туда руку, и подбородок ее почти уперся в его крышку. Крышка была повернута на сто восемьдесят градусов! Ада позвала Валентину и показала ей, что правая ручка-шишечка на крышке была немного отбита, а теперь получалось, что отбита левая... А тетя специально всегда как бы прятала отбитую шишечку в тень, вправо, так как окно было слева и свет на самовар падал с этой стороны...

— Такая у нее была хитрость... Чтобы изъян не был замечен... Она была удивительно аккуратна и никогда бы не спутала ручки на крышке... И я — тоже. С того страшного дня этот самовар никто и не включал...

— Следовательно, то, что искал наш таинственный гость, можно было положить и в шкаф, и в самовар...

Что ж, Ада давно уже поняла, что именно искал пришелец — деньги!

— Итак, он вошел в квартиру, методично осмотрел кухню, комнату вшей тети, маленькую комнатку и пошел в ванну... У вас ничего не тронул... Открыл встроенный шкаф, посмотрел, что там лежит, и закрыл. И, по всей видимости, ушел... Какой-то вялый вор... Либо сразу убедившийся — того, что он ищет, здесь нет... Станный товарищ... А вы бы форточку открыли, Ада, — краской у вас пахнет... Ремонт приготовились делать, да?

Девушка вдруг уставилась на Валентину, пораженная своей догадкой.

— Валентина Васильевна, у нас нет никакой краски. Но я теперь тоже улавливаю запах... Ну, да... Пахнет краской... Видимо, вор или кто он там имеет к ней прямое отношение... Может, он квартиры ремонтирует... Или картины рисует... А что? Художник, предположим... А, может, это от соседей запах идет, а? Сейчас попрошу Андрея проверить.

Андрей блуждал по квартирам недолго, после чего доложил женщинам, что никто ни в их, ни в соседнем подъезде ремонтом не занимается и даже не планирует этого делать.

— Может быть, все же кто-то из соседей залез? — предположила Ада. Теперь уж Валентина испытующе посмотрела на нее:

— Понимаете, Ада... Все, что мы сейчас с вами обнаружили, имеет отношение к одному человеку... К Коле... Так мне кажется... Что-то с его гибелью пропало... Исчезло... То, что было, предположим, в так любимом вами Владимире Ильиче... И это усиленно ищут...

— Но вы же сами сделали вывод, что в квартире побывал не профессионал!

— Конечно. Я думаю, что не ошиблась. Он и был. Да ведь вы уже поняли, кто. Это мне еще надо, опираясь на Ильича, раскручивать события в обратную сторону... А вам-то все прекрасно известно, я это вижу. Но, скажу честно — это мне не очень интересно. Это уже детали. И за вас я спокойна. Этот обыск — не бандитских рук дело...

— Если бы вы знали, как я вам благодарна! — горячо прошептала Ада, вложив в эти слова всю свою признательность за освобождение от страшных подозрений и за лояльное отношение к ее тайне...

Валентина уехала на милицейской машине. Ада с Андреем — на редакционной, вместе с Владимиром и Нонной, причем руководитель радио сам был за рулем.

Перед отъездом из города Ада заглянула к Крысе. Отныне девушка называла его именно так, а не по имени — не заслужил. Продал ее Арнольду. Она побарабанила в белую жесть так же, как когда-то это делал он, и дверь открылась. Крыса ее не ждал и стоял, опустив голову. Она не стала ему говорить, что он отчасти виноват в тетиной смерти, так как проложил Арнольду путь от футляра к ней, Аде. Первым заговорил он:

— Ты меня прости, если что не так... Но он налетел, как ураган... И все — про этот футляр...

— Ты мог бы и не говорить ему, что футляр убавил в весе... Ты что, его взвешивал?

— Нет, но...

— Это ведь Колина вещь. Тебе надо было узнать, как он ею распорядился... А распорядиться Коля успел! Иначе откуда бы я про этот футляр узнала? Только там не было никаких денег... Успокойся... И напрасно ты рылся в нашей квартире...

— А... что же там было? — побледневшими губами прошептал Крыса.

— Автомат Калашникова! — вдруг, ни с того, ни с сего выпалила Ада.

— Нет... Не может быть... Он тяжелый...

— Успокойся. Там были нужные кое-кому бумаги... Они все попали по назначению.

— А... какие бумаги-то? — не отставал Крыса.

— А этого я тебе сказать не могу. Не уполномочена. Ну, что — бывай, Крыса! Вряд ли мы когда-нибудь с тобой увидимся... Ну, будь здоров! Живи!

Ада повернулась, собираясь уходить, но Крыса схватил ее за руку:

— Нет, нет, подожди! Возьми футляр... Ты же сама говорила, что у тебя есть гитара... Ну, пожалуйста! Молчишь? Тогда я сейчас же разобью его об стену! Искромсаю на куски!

На него было больно смотреть — лицо перекосилось, на губах появился какой-то белый, как пена, налет, он весь трясся, а руки так и ходили ходу-

ном. Поняв, что он вполне может выполнить свою угрозу, она бережно взяла у него футляр, молча кивнула и, не оглядываясь, зашагала к выходу.

Глава 11

Баев

Вот уж не думала Валентина, что ей придется заниматься генеалогией! Сведения о Юрии Юрьевиче Баеве в базе данных милиции Московской области были очень скудными — прописан в одном из городов ближнего Подмосковья, одинок, работает учителем истории в школе. На запрос же Платона местные оперативники предоставили обширную информацию, касающуюся этого человека и применения им своих исторических знаний. Заподозрив, что хозяину вывезенных Баевым картин могли помочь умереть, в квартире Юрия Юрьевича произвели обыск и обнаружили массу документов о происхождении и родственных связях представителей различных фамилий, известных и не очень, несколько десятков подробно составленных родословных. Сам хозяин этих интереснейших генеалогических сведений объяснял их наличие своей приверженностью к истории, подчеркивая, что генеалогия является именно исторической дисциплиной, что этой отрасли знаний он посвящает свою жизнь... Но, поскольку в этом не было ничего противозаконного, да и смерть человека оказалась совершенно естественной, а кража картин — под вопросом, ибо нашлись вроде бы свидетели, подтвердившие, что Баев эти произведения искусства действительно купил, то после проверки этих показаний его могли благополучно отпустить. У Валентины же было такое состояние, словно она стояла перед каким-то открытием... В ее практике мошенничеств, связанных с родословными и с наследственными делами, еще не случалось. Она упросила Платона сделать все необходимое, чтобы им передали копии найденных генеалогических документов. Московские коллеги отнеслись к этому со знаками вопросов, но просьбу выполнили, а заодно, очевидно, и сами засели за генеалогию, дабы понять, что же заинтересовало здесь сибиряков. Во всяком случае, когда Валентина звонила в их подмосковный город и уточняла сведения о людях, упомянутых в каком-либо родословном древе, ей отвечал хорошо подготовленный и изучивший эти документы оперативник. Их телефонное общение дало интересные результаты... Были допрошены несколько человек из баевского списка, не так давно получивших наследство, — они признались, что помог им в этом именно

Юрий Юрьевич, и называли его чуть ли не отцом родным. О том, как и чем они отблагодарили за это «отца», никто из них не сказал ни слова. Но были и такие, кто и знать не знал ни о каких деньгах либо недвижимости, которую, судя по документам, должны были получить... И Юрия Юрьевича Баева тоже не знали... Но когда им показали его фотографию, то заявили, что хорошо знакомы с этим человеком, но запомнили, как его зовут, потому что... И тут шли совершенно разные варианты причин. А поскольку все эти люди страдали алкоголизмом, то картина перед сыщиками вырисовывалась весьма интересная. То есть новый вид преступления на основе генеалогических знаний опирался на старые, как мир, преступные действия — научные исторические знания смешивались с низкими аферами, подлогами, кражами, и в этот «коктейль» попадали многие продолжатели древних фамилий... Валентина, правда, удивилась, когда увидела среди них фамилию Андрея — из рассказов Ады она знала о его не бедном дяде, но их фамилия не принадлежала к известному роду. Почему же она значится в списках Баева? Она была озадачена... Но когда среди всех этих продолжателей родов, достойных и не очень, нашла фамилию и имя Ады, а также ее матери и тети, то обрадовалась — значит, и у этой девушки есть какая-то опора, какие-то осязаемые корни, а то уж стало казаться, что она ведет себя как бездомная бомжиха — ворует, или, сказать мягче — пользуется чужими деньгами, попадает в разные истории с убийствами, много лжет... С ней надо поговорить откровенно. И Валентина, позвонив Аде, вызвала ее к себе.

Когда та вошла в кабинет и села за стол, на котором уже стояли чашки с чаем, а на тарелке лежали купленные в буфете мини-рулеты с начинкой из лесных ягод, Валентина, не задавая никаких вопросов, сразу начала:

— У меня для вас, Ада, есть замечательная новость! Мне торт надо было купить по такому случаю, а не рулет этот задрипанный, но в буфете только он был... А новость нуждается в некоторой предыстории, связанной с Юрием Юрьевичем Баевым, о котором мы узнали благодаря вам с Андреем... Скорее всего, этот Баев является вдохновителем и даже, возможно, руководителем интересной такой организации... Может, международной... Как вы думаете, на чем она специализируется, а? Ни за что не угадаете! Казалось бы, все уже схвачено, все ниши заполнены! Ан, нет! Его интересовали — дворянские наследственные дела. Кстати, может, и не только дворянские. Он и его... подельники — как-то грубо звучит, скажем — единомышленники... копались в родословных, узнавали, кто, где и откуда должен получить наследство, и какое именно, а уж потом следовал отъем его у наследника. Баев — классный, между прочим, специалист по части генеалогии... Я узнала, что он, например, нашел недавно

в Подмоскowie представителей нескольких древнейших родов, причем эти люди даже предполагать не могли, что есть недвижимость, которую они могут себе востребовать, ибо принадлежала она их предкам. Вот в этом и была суть деятельности Баева. У него дома мы обнаружили родословные древа, нарисованные на специальных схемах. Разложили их на полу — на столе они просто не размещались, и получилась такая огромная паутина... А Баев — большой паук, который эту паутину сплел...

— Почему паук? Все-таки можно сказать — он изучал историю России... Разве Баев отличается чем-то от настоящего ученого?

— Отличается, потому что ему плевать на историю. В его паутину попадали в основном те люди, которые могли пользоваться наследством богатых предков. Остальные его не интересовали, а если интересовали, то лишь как потенциальные наследники. Сеть строилась на чисто деловой основе. На него работали некоторые ученые, которые рылись в архивах, в церковных записях, ездили в командировки за рубеж, он им платил, разумеется, но очень скромно — потому что, во-первых, жаден, а, во-вторых, себя он тоже выдавал за ученого, а какие в науке сейчас платят деньги, всем известно! Заглядывал Баев в свою «паутину» и решал — ага, пришло время подсказать определенному человеку, что, скажем, вилла в Ницце осталась без хозяина — его предка. Либо в Парагвае завис банковский счет, у которого пока нет владельца, а владелец живет где-нибудь в Балашихе и слухом не слыхивал ни о каких иностранных счетах... Баев знал, а они не знали... И тут вступала в силу вторая половина сути его предприятия — завладеть если не всем наследством, то ощутимой его частью. При этом все уже зависело от наследников, которых он предварительно тщательно изучал. Одним, думаю, предлагал оформить наследство за часть его стоимости, других, видимо, спаивал, брал необходимые бумаги, а получал все сам, третьих... Когда, например, один из наследников отсудил дом предков, великолепное двухэтажное каменное строение в центре провинциального города, а потом этот дом продал, то через некоторое время его нашли мертвым в своей однокомнатной квартире — позвонили соседи... Но причастен ли к его смерти Баев, пока неизвестно...

— Господи, зачем? Открыл бы контору по поиску богатых предков... Представляете, как бы зарабатывал! И не надо было бы никого убивать... Идея замечательная... Если бы мы с Андреем не уезжали в Канаду, сама бы открыла... Взяла бы на работу хорошего историка... Ох, как бы мы развернулись! Что там Инюрколлегия! У них данные — только за пятьдесят последних лет, а мы бы, мы бы... Стоп! Но ведь если Баев не убивал, то ничего противозаконного он не совершил... Подписи-то этих алкоголиков были не поддельные... Не пей, сам виноват! Не позорь своих предков! Так, может, он не слишком и страшен, этот Баев, а?

— Андрей ваш тоже есть в баевских документах... Среди всех этих родословных... Почему — для меня загадка... Пока...

— Вот как... Интересно, что он предполагал сделать с Андрюшей?

— А про себя вы не хотите спросить? Ведь вы, Ада, тоже значитесь в его списках...

— Я?

— Ну да.

— Но ведь вы сказали — его интересовали только те, кому что-то «светит»... Какое-то наследство...

— Ради наследства Аделаиды Станиславовны Салниковой он недавно ездил в Варшаву...

И Валентина рассказала обо всем, что говорил Баев — потомки Салникса, не истребленные революцией и последующими войнами, переродившись затем то ли в Кильчинских, то ли в Вильчинских, она точно не помнила, бродили по свету, жили даже в Аргентине, в Греции, но с недавних пор поселились в Польше, не бедствовали, а у Адиноного наследодателя была своя юридическая практика. Незадолго до смерти он вспомнил, что, возможно, кто-то из Салниксов — Салниковых еще живет в России, и составил грамотное завещание, где указал всех предков и в каком именно банке лежат его средства. Просил передать их наследнику или наследнице рода, причем достаточно молодого возраста, чтобы продолжатель фамилии мог открыть собственное дело...

— А...эти средства... это сколько? — побелевшими губами прошептала Ада.

— Сумма пока не уточняется, ее объявят только вам, но если он был уверен, что на эти деньги можно открыть собственное дело, то, думаю, она не маленькая...

Аду буквально оглушило это известие. Господи! Нищенствовала, не могла найти денег на учебу, спала вместе с мышами в старой школе, подвергая себя опасности, угрохала какого-то маньяка, который чуть не угрохал ее, спаслась от мести Арнольда, а предки, оказывается, думали о ней, заботились! Ну, не о ней конкретно, скажем, а о ком-то, кто состоит из их плоти и крови... А это как раз она... И что же ей делать-то теперь с деньгами, о, господи! У нее уже есть семьдесят с чем-то тысяч, и не рублей, а долларов! А тут — еще! Опупеть можно! Зачем столько одному человеку? Впрочем, почему это — одному? Жаль, нет тети — она бы с ней поделилась. Но есть мать! Есть Андрей с его компьютерными идеями! И есть Гаркуша, спасший ей жизнь своим ССУ — самодельным стреляющим устройством, потому что, если бы не оно, лежать бы ей бездыханной под каким-нибудь кустом либо возле того пня вместо маньяка... И есть другие «божики», которым нужны деньги, чтобы вырваться из землянки, поселиться в соб-

ственном доме и завести собственное хозяйство... А Денис Иванович Лаптев, печник, все хотел мальчишек бездомных взять на воспитание. Как видел в метро ребяташек оборванных, спящих или милостыню просящих, так долго не мог успокоиться, все говорил — вот бы, мол, набрать мне из них учеников, я бы научил их такие печи класть, что век бы нужды не знали! Только вот, дескать, негде мне их пристроить, нечем поить-кормить...

Валентина смотрела на Аду с откровенным участием и вдруг произнесла:

— Не волнуйтесь, я сохраню тайну Владимира Ильича.

— Откуда вы... — От волнения у Ады перехватило горло.

— Да не верю я в любовь к гипсовым вождям. К тому же внимательно осмотрела скульптуру. Я прямо-таки всю ее обшарила! И нашла — знаете что? Показать?

— Покажите...

— Вот эту бумажку! — И Валентина вытащила из своей сумочки стодолларовую купюру. — Мой улов! Думаю, что ваш — не такой скромный... И поскольку это произошло после трагедии в соседней с вами квартире, то, думаю, о деньгах вам поведал... покойник. Только вот почему он хранил их в таком месте, непонятно. И далее — взбешенный пропажей этих денег, Арнольд догадывается о том же, о чем догадалась и я, набрасывается на вас, пытаюсь выбить из вас признание — где деньги, и тут ваша тетя его убивает, спасая вас... Или же это делаете вы, спасая тетю... Потому что тете, раненой в бок, как-то неловко разворачиваться на сто восемьдесят градусов и стрелять ему в затылок... По моим расчетам, у нее просто не было на это сил... Да и пистолет самодельный... это стреляющее черт-те что лежало в вашей сумочке...

Ну, уж нет, Ада никогда не признается в убийстве! Конечно, Валентина ее не выдаст, но кто знает, как ее признание может обернуться в дальнейшем! И она постаралась закончить этот разговор, так замечательно начавшийся. Валентина объяснила ей, что и как необходимо теперь делать, чтобы получить все положенное по завещанию, и они расстались.

Глава 12

Возвращение

Утренняя электричка выпустила Аду на безлюдную платформу и растаяла в лесу... Она приехала сюда тайком от Андрея, который бы ни за что не разрешил ей ехать одной. Она не пошла через лес и не стала ждать автобуса, а вызвала по своему мобильнику такси. Ждать пришлось совсем

недолго. Улыбчивый, плотного телосложения парень не поленился, вышел из машины, широким жестом открыл перед ней дверцу, помог сесть, и только после этого вернулся на свое место и спросил, куда ехать. Ада объяснила — до деревни, а потом — к старой, заброшенной школе...

— Пардон, мадам, но ее снесли, — проинформировал таксист.

Тогда она объяснила ему, как проехать к землянке.

— Это где бомжи жили, да?

— Да. А что, разве они уже там не живут? — предчувствуя недоброе, спросила Ада.

— Не живут. Всех разогнали. Давно уж. После того как мужика какого-то тут тюкнули. В лесу. Тогда всех этих горемычных в каталажку забрали, а оттуда уже — кто куда... Старуху там одну — в богадельню... А вы ищите кого-то, что ли?

— Ищу. Знакомые у меня там. Старуха эта... Матрена ее зовут. И парень один — Георгий. Свои Гаркушей его звали.

— Да ведь я его знаю. Знаю! Мы на одном рынке начинали. У него — видео, аудио, у меня — запчасти... Обоим нам не повезло... Я его недавно случайно встретил. Полдня проговорили... Отвезти вас к нему? Но предупреждаю — это далеко, много настукает!

— Пусть стучает. Осилю. А где он? Чем занимается?

— А вы любите загадки? Сюрпризы?

— Люблю! Но все же...

— Поверьте мне! Меня Иваном, кстати, зовут. А вас?

— Аней.

Ада не знала, зачем соврала. Хотя... Узнав о каталажке, в которую попали «божики», она испытала тревогу. За себя. Мало ли что...

Ехали долго, и, кажется, уже приближались к Александрову. Вдруг впереди показалась автозаправка, оборудованная по последнему слову техники, а рядом с ней — торговый комплекс с уютным кафе, куда Ада с Иваном и решили зайти.

Они выбрали столик у окна, из которого была видна их машина. Пока Ада изучала меню, Иван куда-то исчез. Ада задумчиво посмотрела в окно, и тут вдруг ощутила на своем плече чью-то руку. Она вздрогнула от неожиданности и подняла голову... Ей широко улыбался человек в форме официанта...

— Гаркуша! Милый!..

— Как я рад, Ада... Как рад, что ты жива, здорова и так шикарно выглядишь! Как с другой планеты прилетела... А я уж чего только ни передумал...

Подошел Иван и, подмигнув Аде, спросил:

— Ну, как сюрприз? А? Это в одной сказке, «Мишкина дача» называется, Волк говорит Лисе про сюрприз, и произносит — сюрприз, а она спрашивает: «Суп-рис?» — и добавляет: «Я давно не ела рисового супа»!

— Понятно. Сейчас принесу и суп, и все, что хотите. Стол накроем по-королевски!

— Ребята, я — пас. Максимум — полчаса. У меня — семеро по лавкам. Волка ноги кормят, — заявил Иван.

— Подсчитайте, сколько примерно вы бы заработали, и оставайтесь с нами. Я все оплачу, — проговорила Ада.

— Ну, если вы за ценой не постоите...

— Не постою.

— Тогда — приземляюсь!

Стол был превосходным. Гаркуша отпросился у хозяина, и его заменил какой-то паренек, так что теперь они могли спокойно поговорить.

— Ада! — не отводил от нее глаз Гаркуша. — А я ведь думал, что он тебя... Этот гад... И я тогда не мог тебе помочь...

— Нет. Я — его. Ты меня спас. Твое ССУ. Я к тетке уехала, в Сибирь. И там ты спас меня во второй раз... Вот почему я сегодня тебя нашла... Расскажи мне, где все.

Рассказ Гаркуши был печален — после того как стала ясна непричастность «божиков» к убийству бугая, их всех отпустили с миром, но участковый милиционер добился сноса школы и запретил им жить в землянке, хотя не имел на то никакого права. Матрена с Ликой отправились в город, прямиком в администрацию, несколько дней их никто не хотел слушать, но потом все-таки пообещали старушке взамен сгоревшего жилья дать приличную однокомнатную квартиру. Однако время шло, а никто и не думает выполнять обещание. Матрене помогли поселиться пока в богадельне, но там ей плохо, старухи дерутся между собой, отнимают друг у друга вещи, продукты. Словом, она как в тюрьму попала. Лика сняла комнату и ходит вместо Матрены по инстанциям, добивается справедливости. Работает дворником во дворе того дома, где живет. Чуб, плотник, вместе с Денисом Ивановичем Лаптевым, печником, уехали в Сергиев Посад, где подрядились строить дачи для богатых. Чуб отделяет комнаты деревом, а Лапоть строит печи и камины. Словом, все «божики» при деле, никто не пропал. Конечно, он, Гаркуша, мечтает о своем собственном кафе, в которое вложил бы душу, такое бы там организовал, что люди со всей округи приезжали бы провести у него часок-другой. Да только что об этом думать, когда он со старыми-то долгами едва рассчитался!

— А сколько тебе надо, чтобы купить кафе?

— Купить кафе? Я не знаю... — Вопрос явно поставил Гаркушу в тупик.

— А вот это кафе ты бы купил?

— Купил бы. Но оно не продается. Хозяин его любит. А вот есть недалеко отсюда забегаловка, из которой можно конфетку сделать... В хорошем месте стоит... Продается... Сколько — не знаю...

— Поедем! Я все оплачу.

— Ты... шутишь?

— Да какие шутки! Сам знаешь — у меня с чувством юмора не очень... А потом — к Матрене. Возьмем ее из этого дерьмового приюта, им с Ликой жилье подберем...

— Ну, ты даешь! Как фея из сказки...

— Это — то, чего я хотела! Быть феей... Если бы не ты — меня бы в живых не было... Если бы не вы все...

Музыка давно уже кончилась, а они стояли посреди зала и говорили, говорили... Потом их позвал Иван, заявив, что на столе слишком много всего, и ему одному не справиться. Выпили еще, на этот раз за удачу, и отправились к придорожному кафе, расположенному недалеко от станции, рядом с автобусной остановкой. Оттуда несло резким запахом горелого масла, в котором жарили чебуреки, и Гаркуша поморщился. Хозяин был в кафе, но с таким же успехом можно сказать, что его там не было, так как человек напился в стельку.

— Я хочу купить ваше кафе, — попыталась, тем не менее, поговорить с ним Ада.

— Шиш! Видала? Шиш! — выкрикнул хозяин и уткнулся носом в очередную стопку с водкой.

Однако тут же, неизвестно откуда, перед ними выросла молодая женщина — как оказалось, жена хозяина.

— Вы серьезно? — спросила она Аду. — Мы выставляли кафе на продажу... Просили всего десять...

— За эту развалюху? Побойтесь бога! — с ходу стала торговаться Ада. — Нового хозяина здесь ждут одни убытки... Вы только посчитайте, во сколько обойдется ремонт... Новое оборудование... Персонал. Его обучение. Форма. Я уж не говорю о налаживании взаимоотношений с местными руководителями, о налогах...

Налоги, очевидно, были больной темой, потому что женщина вскинулась и стала плакаться, загибая пальцы и рассказывая, кому, сколько и за что они платят... Потом, поняв, что это им мало интересно, прямо спросила Аду:

— А сколько вы дадите?

— Пять!

— Сразу?

— Сразу!

— Идет! Едем оформлять документы!

— А он? — показала Ада на спящего хозяина.

— Кафе — моя собственность. Он тут сбоку припеку. Только вот машину я водить не умею, а он сейчас не в состоянии...

— У нас такси! — успокоила ее Ада.

Гаркуша смотрел на все это как бы со стороны — происходящее казалось ему чем-то совершенно нереальным.

Вчетвером они уселись в такси и помчались по инстанциям. Гаркуша, правда, пытался сопротивляться оформлению кафе на свое имя, говорил, что такое транжирство может привести Аду к банкротству, но она была непоколебима. А когда передала уже бывшей хозяйке всю означенную сумму, и у него в руках оказались все документы, подтверждающие право собственности на кафе, Гаркуша словно стал выше ростом. А уж счастливее — так на целое счастье!

— Ну, Адка, я тебе этого не забуду! — сказал он, вложив в эти слова все свои чувства и эмоции.

— А теперь, Ваня, едем в этот дурдом! То есть — в приют для стариков. Господи, бедная Матрена! Гаркуша, говори, куда ехать-то!

Пансионат для престарелых размещался в бывшей больнице — старом здании с длинными коридорами, полами, покрытыми рваным линолеумом, стенами, дверями, подоконниками, покрашенными белой краской, кажется, еще в середине прошлого века. И в этом сером, ободранном, облупленном помещении жили — да нет, существовали около трехсот стариков и старух, которым больше некуда было деться.

Главный врач разрешил им пройти к пансионатке, он выразился именно так. Матрену они нашли на втором этаже — она сидела на своей постели и раскачивалась из стороны в сторону, глядя в одну точку. Ее соседка, древняя старушенция, перебирала чулки, но при виде гостей тут же засунула их под подушку. Матрена же никак не прореагировала на пришедших — она их просто не видела. И только когда Ада подошла к ней, села рядом и обняла ее за плечи, прошептала:

— А я думала — это ты снишься мне, Адочка... Вернулась все-таки... Приехала... Не забыла... А я — видишь вот... Уж лучше бы умереть... Только Лика меня и спасает... Ты-то как? Не бедствуешь?

— Не бедствует. И другим не дает, — ответил за Аду Гаркуша. — Кафешку мне купила. Прямо сейчас. Взяла и...

— Молодец, девка! Я тебе умную вещь скажу: есть деньги — не жалея на добрые дела-то, богаче будешь! Это не мной замечено.

— Я знаю, Матрена. И хочу быть все богаче и богаче. Как ты тут?

— Креплюсь, Ада, потому что Лика обещала, что добьется мне квартиры... Я ведь тут временно... А если бы знала, что насовсем — сбежала бы! Хоть в чисто поле, а ушла бы!

— Пока Лика добьется, может, не один год пройдет... Матрена, я подарок хочу вам сделать. Квартиру купить. Я бы уже купила, да не знаю, где вы хотите поселиться... Где вам лучше... В родном городе или...

Матрена отстранилась от Ады, удивленно посмотрела на нее и вдруг заплакала.

— Ты... шутишь, что ли... не пойму...

— Не плачь, Матрена... Сколько вместе пережили... Друг друга согрели... Сколько отдали друг другу... Разве это можно измерить деньгами? Могла бы — я бы дворец вам с Ликой купила! Но, к сожалению, могу только квартиру. Или дом в деревне, как захотите... Собирайся! Вместе жилье прямо сейчас и подыщем.

Матрена повернулась к Аде лицом, красным от слез, и недоверчиво переспросила:

— Прямо сейчас?

— Ну конечно! У нас и машина внизу. Такси ждет.

— Ой, да ты чего же это! Дорого ведь такси-то!

— Пусть! Лишь бы у нас все получилось.

— Ну, коли так... Коли так, Ада... Я готова!

Они быстро покинули помещение, не забыв предупредить главврача, что забирают «пансионатку». Когда же он поинтересовался, надолго ли, чуть ли не хором шутливо ответили, что навсегда! Он улыбнулся, уверенный, что это действительно шутка...

Иван, дождавшийся, наконец, своих пассажиров, спросил, куда ехать. В салоне воцарилось молчание. Все смотрели на Матрену. И вдруг она как-то молодо улыбнулась и сказала, что совсем не хочет возвращаться в свой родной город, что всегда мечтала жить в Сергиевом Посаде, недалеко от лавры, что только там будет спокойна ее душа, а сама она — счастлива. А еще прибавила, что коли Ада и правда хочет купить ей жилье, то можно подыскать там старый деревянный домик с маленьким огородиком — все дешевле квартиры-то будет! И Лике это понравится... Жаль, что нет времени за ней заехать, да и в такси станет тесно.

Машина рванулась в Сергиев Посад, до которого было, кстати, рукой подать!

— наших там увидим... Чуба с Лаптем, — заметил Гаркуша.

Сергиевopосадский агент недвижимости уже битый час мотался с ними по городу, показывая продающиеся квартиры, но они не смогли остановиться ни на одной из них — то дом был бетонный, а не кирпичный, то окна

выходили на шумную улицу, то рядом гроыхала железная дорога... Наконец приехали в Березовый переулок, где продавался дом с садом. Дом, правда, был очень стар и построен, видимо, еще до войны, если не раньше, хотя продавец уверял, что ему от силы лет сорок. Но и цена была сносной. А, главное, Матрена как взошла на крыльцо, оглядела садик да огородик, так и засияла от счастья. Господи, что еще надо человеку? Тишина, покой, чудесный воздух, свои ягоды-фрукты-овощи и цветы, сколько и какие только хочешь... И бревенчатые стены, которые хранят твое тепло, защищают от бед и напастей...

Ада вошла в дом вслед за Матреной, которая долго не решалась этого сделать, видимо, боясь, что ей может не понравиться, и удивилась убранству — по краям самой большой комнаты тянулись длинные скамейки, словно приготовленные для посиделок, а посередине — стол, накрытый белой скатертью с красными петухами. В спальне стояли две широкие железные кровати с металлическими шишечками — таких у нас в стране давно уже не производят. Стены же были пусты — хозяева забрали портреты, иконы, которые, Ада была уверена, висели здесь в огромном количестве, об этом говорили торчавшие в стенах гвозди. В прихожей стоял старый платяной шкаф. Больше здесь не было ничего.

— Хорошо-то как! — вырвалось у Матрены.

— Берем? — спросила ее Ада.

— Берем, ежели осилишь! Как не брать! А уж мы тут с Ликой обживемся... Вот она обрадуется! Пстой, а сама-то ты где жить будешь, а? Не здесь? Не в Сергиевом Посаде?

— Пока с женихом в Канаду еду. А там видно будет.

— Ничего! Глядишь, повезет — вернетесь! В чужой-то стране худо жить...

Агент предложил им тут же отправиться в его контору оформить сделку — чувствовалось, что он был страшно доволен. Еще бы! Не каждый готов купить такой «антиквариат», да еще тут же выложить за него кругленькую сумму. Они все уже собрались, было, уезжать, как Матрена обнаружила в прихожей, рядом со шкафом еще одну небольшую дверь и решила посмотреть, что там. Это была кладовка, доверху набитая старыми бумагами, письмами, фотографиями... Некоторые из них, те, что лежали сверху, упали прямо под ноги Матрене и подошедшей к ней Аде. На одну она чуть не наступила... Повинуясь любопытству, подняла фотографию... На ней были увековечены трое — мужчина с женщиной и стоящий у их ног маленький мальчик в строгом темном пиджачке, таких же брюках и в белой рубашке — очевидно, в таком виде он ходил в школу, в первый либо во второй класс... Лицо мужчины кого-то напоминало Аде... Отдаленно, но все же... На обороте фотографии, к сожалению, не было никакой надписи.

— А кто жил в этом доме? — спросила она у агента.

— Да женщина одинокая, пожилая уже... К брату в другой город переехала... Бумаги эти сразу забрать обещала, да, видно, что-то случилось...

— Как зовут ее, не помните?

— Сейчас в агентстве посмотрим. Анна вроде, а вот отчество забыл. А фамилия... Баева. Кажется...

— Тогда, скорее всего, Анна Юрьевна, а?

— Правильно! А откуда вы знаете?

— А я экстрасенс! — смеясь, ответила Ада.

Уже в машине она вдруг повернулась к агенту и спросила:

— Вы говорили, эта женщина одинокая... А на фотографии рядом с ней — мальчик. Это ее сын?

— Вы боитесь, что кто-то предъявит права на дом и сделка будет считаться недействительной, так? И не думайте об этом! У нас чистота квартиры проверяется самым тщательным образом. И комар, так сказать, не проскочит. То есть носа не подточит. У этой Баевой нет детей. У нее только брат. Но этот дом был ее личной собственностью...

— А чей же там мальчик, интересно?

— Да мало ли мальчиков! Может, соседский...

Ада еще не знала, почему так зацепилась за этого мальчика... То есть... Лица этих людей напоминали ей Андрея... И она решила после оформления покупки вернуться в дом и пересмотреть все фотографии и бумаги, которые там остались. Хотя... Сегодня ей нужно обязательно побывать в Москве на Главпочтамте, куда должно придти письмо от отца, до востребования. По ее расчетам, если отец решил откликнуться, то уже сделал это. А вечером они с Андреем идут в Театр на Таганке на «Мастера и Маргариту». Сюда же, в этот дом, им надо приехать с ним вдвоем — как никак, а Баев — больше его загадка и проблема. Хотя — и ее тоже... Вот бы сюда еще и эту Валентину с ее талантом видеть все насквозь...

В агентстве все уже было готово к заключению сделки. Никаких проволочек — не то что раньше! Оставалось только вписать имя новой владелицы дома. Ею стала Матрена Ивановна Пименова. Агент, юрист, бухгалтер и другие, присутствовавшие при сделке, поздравили Матрену, вручили ей ключи от дома и объяснили, что свое право на жилье она еще должна оформить в городской регистрационной палате. Ада вручила Матрене необходимую для этого сумму, расцеловала ее, и они вышли к Ивану и Гаркуше, ожидавших их в машине.

— Ну что? Рванем теперь к нашим мастерам? — спросил Гаркуша.

— Давайте! Только быстрее! — попросила Ада. — Мне часов в пять надо уже в Москве быть.

Чуба и Дениса Ивановича они застали на крыше строящегося дома.

— Чего, дворняжка, в огне не горишь, в воде не тонешь? — широко улыбаясь, спросил Чуб.

— Да вот, держусь пока...

— А мы тут... в люди выходим, зарабатываем прилично, — довольно проговорил Денис Иванович. И вдруг спросил: — Слушай, если тебе деньги нужны, ты скажи — мы с Чубом... У нас заначка уже есть... Доллары купили...

Ада готова была расплакаться — надо же, какие ребята! Нет, все-таки старик Илья сколотил тогда из них настоящее братство, и никуда от этого не денешься. Она не знает, что такое братство по крови... Но братство по духу, по единой беде, по одним и тем же горестям — это великая вещь...

Матрена не выдержала, подошла к мужикам и рассказала им о том, где теперь они с Ликой будут жить. И все благодаря Аде.

— И ко мне в харчевню прошу пожаловать! — притопывая и приплясывая, пропел Гаркуша. — В ту, что у станции, где мы обедали однажды — помните? Презент от мадемуазель!

— А ты чего — наследство, что ли, получила? — поинтересовался Чуб.

— Да.

— Ежели тебе дом нужен будет, да с печкой хорошей — только свистни! — изрек Денис Иванович. — Мы тебе такой дворец соорудим!

— А что? Я подумаю! И снова в одном месте все заживем!

Ада смотрела на них и думала, что так хорошо и радостно ей, наверное, нигде больше и не будет...

— Я так люблю вас всех... Так люблю! — вырвалось у нее.

Иван довез Аду до станции, где она тут же села в электричку, которая шла до Москвы без остановок.

К Главпочтамту Ада подходила с трепетом. Она была уверена, что интуиция ее не обманывает — письмо должно быть! И когда в окошечке выдачи корреспонденции до востребования ей протянули узкий белый конверт, несколько не удивилась. Взяв письмо, она не стала его сразу вскрывать, а положила в сумочку и пошла к Чистым прудам. И там, прислонившись к дереву, разорвала, наконец, конверт... В письме было всего несколько строчек, написанных на плохом русском языке: «Прости. Я помогать возможностей нет. С Соней договор таков был. Я бы хотел видеть тебя, но пока не мог приглашать. Может быть, далее изменится в будущем. Обнимать тебя рад буду. Stanislaw Красновский». Господи, какой кошмар! Какой ужас! Она, выходит, выглядит в его глазах попрошайкой — подайте бедной брошенной доченьке на кусочек хлеба! Ну и отец! Он что там, совсем чокнулся, в своей Америке? В Адином письме и намека не было на то, что она в чем-то нуж-

дается! Неужели им там непонятны чувства, не связанные с деньгами? Или у них именно так: сначала — деньги, потом — любовь и все прочее? Ну и папочка! Нет, она ему напишет! Она ему все выскажет! Да еще и спросит, не нуждается ли он в ее помощи... Он — в ее! А не наоборот! А горько-то, горько-то как... Она ведь была уверена, что он пригласит ее к себе, и они с Андреем обязательно приедут в его город, познакомятся с ним и его семьей, она узнает своих брата и сестру... Либо двух братьев... Тетя не помнила точно, какие у него были дети... Тетя... Так вот, враз, Ада осталась и без этой женщины, которая ее любила, и без отца... А еще — и без матери... Впрочем, может, она, тоже тяжело пережив смерть своей сестры, стала другой? Может, и стала, но на похороны не приехала...

Ада дошла до метро и поехала в гостиницу. Они с Андреем остановились в «Измайлово» и сняли двухместный номер.

— Ты моя бедная, усталая птичка... Знаю — была, небось, у своих «божиков»... Ведь так? — радостно встретил ее Андрей. А потом, как бы между прочим, добавил: — А мне Юрий Юрьевич звонил... Спрашивал — почему, дескать, мы свернули свои исследования... Сказал, что он продавал наши программы, и весьма выгодно, так что мы ему ничего не должны...

Ада удивилась — следовательно, Баев дома, а не в следственном изоляторе. Значит, вину его никто не доказал. А может, и не было никакой вины?

— А вы ему и программы составляли компьютерные? — спросила она.

— Да. По его заказам. Нам это было несложно. Вот мозг — это действительно тяжело.

— И что ты ему ответил?

— Да так... Сказал, что скоро уеду... Что пока ничего не ясно... И что женюсь на тебе... Он обрадовался. Я не знаю, Ада, может, твоя Валентина и хороший спец, но с Юрием Юрьевичем ее выводы как-то не связываются...

— Знаешь, Андрюша, давай сегодня об этом не говорить. А вот завтра... Завтра мы поедем в Сергиев Посад... В один старый-старый дом... Там сейчас живут мои друзья. А до этого... Впрочем, приедем, и ты все узнаешь...

— Как всегда, ты говоришь загадками... Но мне это нравится...

— Возможно, тебе понравится и то, что мы с тобой найдем в этом старом доме...

— Если это понравилось тебе, то мне тоже обязательно понравится! — И Ада почувствовала нежное прикосновение его губ. — Если твоя загадка — о любви, то это как раз кстати...

В театр они этим вечером решили не идти. Даже на «Мастера и Маргариту». Потому что Мастером сейчас, несомненно, был он, а Маргаритой — она, только их не разделяли непреодолимые силы и стены...

Важное открытие

Приехав на следующий день в Сергиев Посад, молодые люди не стали брать такси, а перешли через железнодорожные пути и почти сразу же попали на нужную улицу. Андрей вел себя как-то странно — обычно степенный и даже несколько вальяжный, он вертелся по сторонам, рассматривая каждый дом, а когда они подошли к владениям Матрены, то заявил, наконец, что все на этой улице кажется ему до боли знакомым...

Не успела Ада взяться за калитку, как она распахнулась, и у нее на шее повисла Лика. Ада познакомилась с Андреем. На крыльцо медленно, уже похозяйски вышла Матрена и с ходу заявила, что разобрала все заинтересовавшие вчера Аду бумаги и разложила это богатство на столе, так что, пока они готовят праздничный обед, молодые могут приступить к их изучению.

Прежде чем сесть за стол, они решили пройтись по дому. И вот тут-то Андрей ее несказанно удивил. Внимательно осмотрев самую большую комнату, он вдруг подошел к стене и сказал:

— Мне помнится, тут была перегородка...

Ада подошла и посмотрела на указанное им место — действительно, на стене сверху донизу была вклеена вставка из обоев несколько другого цвета сантиметров десять шириной... Похоже, что Андрей прав... И это, видимо, лишь первый шаг... Она заметила, что ее любимый внимательно смотрит в окно, и встала рядом. Перед ними был сад. Высокие старые яблони давно сбросили листву и поскрипывали-позванивали корявыми ветками. Вишни были, кажется, помоложе, и лишь чуть сгибались от ветра. Гроздь рябины краснели, еще не склеванные птицами, несколько яблочек запуталось в терновнике... А в углу сада, за кустами крыжовника и смородины, стояли два толстых столба, намертво вросшие в землю...

— Там были качели, — прошептал Андрей.

— Мне кажется, Андрюша, нам надо посмотреть фотографии... Пойдем...

Они подошли к столу, и Андрей, схватив пачку с фотографиями, бережно прижал ее к себе. Ада успела заметить, что сверху лежал тот самый снимок, что заинтересовал ее вчера — женщина, мужчина и маленький мальчик в строгом костюмчике... Андрей провел по нему рукой и, улыбнувшись, протянул Аде, указывая на женщину в летнем платье, стоящую под яблоней:

— Знакомься, Ада. Это — моя мама... Мамочка...

Ада еще раз внимательно рассмотрела фотографию. Несомненно, эти трое стояли в том самом саду, на который они смотрели сейчас из окна... Надо же, как бывает — ведь выбрали же они с Матреной именно этот дом, а не какой-то другой...

— А это, значит, ты, Андрюша? — спросила Ада, указывая на мальчика, прижавшегося к ноге мужчины.

— Да. Я даже костюмчик этот помню. Он долго у нас хранился... А мужчина, по все вероятности, — мой отец. Хотя я не совсем уверен. Много не помню, помню только, что часто приходил в этот дом, когда был маленьким... А потом... Потом все словно куда-то исчезло... А известно, кому принадлежал дом?

— Да. Анне Юрьевне Баевой...

Андрей изумленно посмотрел на нее — этого он явно не ожидал — и воскликнул, показывая на мужчину в саду:

— Но это — не он! Однако раз мы с мамой здесь — следовательно, есть какая-то связь с Баевыми...

— Я тоже так думаю... Заметь, Андрюша, ты оказался в баевском списке представителей богатых, старинных родов, хотя к ним не принадлежишь... Оказался, видимо, потому, что чем-то дорог Баеву...

— Вот и надо у него спросить — чем!

Они перебрали фотографии, письма, другие бумаги, но это не внесло никакой ясности. Андрея и его матери не было больше ни на одном снимке, зато Юрий Юрьевич нашелся — он стоял рядом с улыбающейся дородной женщиной, а рука его лежала у нее на плече. И Баев, и женщина были очень похожи друг на друга, поэтому Ада и Андрей предположили, что она и есть его сестра, бывшая владелица этого дома. Мелькнул на каком-то снимке и тот мужчина, который стоял на фото с маленьким Андреем. Показалось, что он тоже похож на Баева и его сестру... К сожалению, все фотографии были без подписей — видимо, когда-то они не попали в альбом, а потом их упрятали за ненадобностью, да и позабыли...

Вошла Лика и пригласила их в соседнюю комнату, объявив, что она будет у них столовой, и что там уже все готово для обеда. Действительно, оттуда вкусно пахло щами и жареными котлетами.

Обед прошел весело, женщины вспоминали прежнее житье-бытье, рассказывали Андрею о своих приключениях, и он, вопреки ожиданиям Ады, вовсе не был молчалив и мрачен, а живо реагировал на каждый интересный эпизод.

После обеда они не стали засиживаться у гостеприимных хозяек и отправились на станцию.

Звонок Баеву оказался безрезультатным, хотя Андрей сразу рассказал ему и о доме, и о найденных фотографиях, и о том, что на одной из них узнал себя с матерью, а на другой — его, Юрия Юрьевича... Баев буркнул что-то неопределенное и тут же положил трубку. Решили позвонить ему позже. А через два часа, когда Ада с Андреем собирались пойти прогуляться, в дверь их номера постучали. Они тут же открыли, уверенные, что это кто-то из гостиничной службы, но на пороге собственной персоной стоял... Баев! Он был нарядно одет — из-под утепленного плаща виднелся костюм-тройка, ботинки сияли от блеска, кепка-котелок залихватски смотрела козырьком вверх, а в руках его краснела, синела, желтела и розовела охапка цветов — астр и хризантем, которые перемешались друг с другом. Он так волновался, что почти все цветы рассыпались у ног Ады — кроме тех, что она поймала на лету... Сняв плащ, Баев протянул руку изумленному Андрею и просто сказал:

— Ну, давай знакомиться, племянничек...

— Племянничек?..

— Да, Андрюшенька... Сережа-то, отец твой, — наш с Аннушкой брат... Брат, которому не рад... Ой, что это я — о покойнике-то... Нельзя ведь так...

— О покойнике?

— Слышал же, чего повторяешь... Я маму твою сильно любил... Но она Сережку выбрала... Она — его, не он — ее, понимаешь? Вот ты и родился... А он на Байконуре работал... Вечно в разъездах... Там и умер, и похоронен там...

— Значит, он — Сергей Юрьевич Баев... Но почему мама мне об этом не говорила? И почему она не носила его фамилию? И я — не Баев, а Мартов...

— Не говорила потому, что поняла — не сильно вы были ему нужны... Я его за это... не могу сказать, что ненавидел, но нечто такое было... И не поженились они по этой причине... Мать-то твоя гордая была... Унижаться не хотела...

Ада, наконец, усадила Юрия Юрьевича за маленький столик — другого в номере не было, и показала ему несколько фотографий, привезенных из Сергиевого Посада. Первой, естественно, ту, на которой стояли Андрюша с матерью и женщиной.

— Это — мой отец? — сразу спросил Андрей, указывая на женщину.

— Он самый. А мы с Аннушкой их фотографировали... Анна-то сейчас уж старенькая совсем стала, со мной живет. Еще успеете познакомиться... Она рада будет. Все время мне твердила — скажи Андрюше, что мы — родня! Скажи, да скажи, а то уедет в эту проклятую Канаду, а нас и знать не будет!

Ада поняла — вот почему когда-то он не сказал Андрею о том, что его разыскивает дядя... Читал, очевидно, дядины письма — призывы откликнуться, приехать, посидеть у изголовья больного человека — и молчал. Вот почему не жалел для Андрея денег. И вот почему, изучая родословные, добравшись до Ады и узнав кое-что об ее судьбе, давно заприметив многих из их коммуны, особенно Илью, специально затеял разговор в электричке о своем племяннике. Несомненно, все его сведения об Андрее предназначались тогда для ушей Ильи, который все правильно понял, но, тем не менее, передал разговор ей, Аде, вместе со своими сомнениями... Баев понимал, что Андрей должен узнать о заморском дяде, но считал, что будет лучше, если рядом с ним тогда уже будет она, Ада, и племянник останется на родине. Тот разговор оказался поворотным в ее судьбе...

— А ведь я все эти дни ждал чего-то подобного, — широко улыбаясь, заговорил Андрей. — Чувствовал себя на пороге замечательного события... Надо же... И ведь не поверил я тогда этой Орловой, которая стала подозревать в вас преступника... И даже убийцу...

— Убийцей не был никогда... А преступник из меня вот какой... Живет человек и не ведает, что у него за границей дед или бабка одни мыкаются и про него, российского гражданина, не знают... А я извещаю. Но перед этим я проделываю такую работу, которая и не снилась многим диссертантам! И за нее я беру плату. Вот вам правда. Вот мое преступление. Но я это так не называю. Я делаю открытия! Ну, почему я должен работать бесплатно? Ребята, милые, ну, вы-то хоть меня понимаете?

— Я вас понимаю, ... дядя.

— И слава богу!

Аде почему-то важно было задать один вопрос и получить на него честный ответ. И она его задала.

— Вы придумали себе это хобби для заработка?

— Эх, Ада! Вот уж не думал, что вы... Да эти исследования — моя жизнь! Я материалов набрал уже на целую книгу! И она будет написана!

— Простите меня, Юрий Юрьевич! Я так рада... А можно еще вопрос?

— Все можно!

— Как вы меня углядели тогда... в этом бомжатнике-то, а?

— Э-э-э... Да ведь я по роду своей деятельности с кем только не знакомился! Думаете, все родословия я только в библиотеках да архивах изучал? Нет, дамы-господа! У меня были свои, если можно так выразиться, «оповестители». Вся округа знала, чем я занимаюсь, и как кто-нибудь слышал, что появился человек, скажем, дворянского происхождения, так мне и докладывал. А я ему — денежки, а имя-то новое — в свой списочек... Так ты у меня, Адушка, и появилась...

— И кто же, интересно, на меня... донес? То есть — оповестил обо мне?

— Оповестил один милиционер, они девицу какую-то взяли, в розыске была, а девица про тебя и рассказала... Жили вы вместе... Ты ей, видимо, открылась, вот она и...

— Лиза. Помню ее. Что с ней стало, не знаете?

— Знаю. Срок ей дали.

— Большой?

— Большой. Не буду говорить, за что. Ну ее, и так хватит ужасов вокруг нас! Давайте лучше отметим нашу встречу и выпьем шампанское, я с собой принес.

Они устроились за журнальным столиком. Бокалы звякнули, и Ада вдруг подумала, что никакие деньги не способны принести столько радости, сколько близкие друг другу люди...

Поздно вечером они проводили Юрия Юрьевича до электрички. Ада шла и размышляла о том, что жизнь, видимо, наполняется постепенно, как сосуд с водой. Или бокал с вином. Поэтапно. Происходят события, встречи, знакомства, открытия, которые делают ее все более насыщенной, заполняют белые пятна, которых у нее по причине молодости еще ой как много... И чем дольше ты живешь, тем более наполняется твой бокал... Не от этого ли пошло выражение — испить свою чашу до дна? Испил — и конец. Так что пусть этот сосуд никогда не переполняется через край, пусть остается бездонным. Но такие существуют лишь в сказках... А ведь и ее жизнь делается все больше похожей на сказку... И что еще ждет их с Андреем там, в Канаде...

Через несколько дней Ада и Андрей узнали, что смогут вылететь за рубеж уже на предстоящей неделе. Юрий Юрьевич проводил с ними все дни напролет, наверстывая упущенное время, когда он мог быть с Андреем, принимать участие в его воспитании, но не сделал этого. Аду весьма интересовал деликатный вопрос — почему, но она никак не решалась его задать. Ситуацию прояснил он сам.

— Ты прости меня, Андрюш, что так получилось... Что я всегда был от тебя в стороне... Но мама твоя очень болезненно реагировала на каждое мое приближение... Не допускала до тебя... А потом ты повзрослел, а ее не стало, можно было сразу изменить наши отношения, но я привык выполнять ее волю... А душа за тебя болела... Вот я и сблизился с тобой... На компьютерной почве... И невесту тебе подыскал... Не ошибся, видишь... Очень я это считаю важным — невесту хорошую найти. У меня вот не получилось... Нашел только предмет для обожания, так сказать... Чувства мои были безответными. Но чем больше ты, Андрюша, входил в мою жизнь, тем больше мне хотелось жить, вершить чудеса... Я и книгу тогда начал писать...

Лицо Баева вдруг помрачнело, он весь как-то сник и признался, что их отъезд за рубеж станет для него настоящей трагедией, которую он может и не пережить... Молодым людям стало его искренне жаль, но они заявили, что будут обязательно приезжать сюда, а он — навещать их в Канаде.

Вспомнив, с какими сомнениями Валентина перестала-таки заниматься историческими исканиями Баева, что ее подозрения о возможных преступлениях в баевском бизнесе не исчезли, но пока и не превратились в уверенность, Ада связалась с Орловой по телефону и рассказала обо всех последних событиях на подмосковной земле и о том, какими кровными узами связан Юрий Юрьевич с ее Андреем.

— И — никаких убийств! Никаких ограблений! — твердо заключила она. — Это — человек, увлеченный своими исканиями прежде всего как важной частью исторической науки, а не как предметом для добывания денег... Поверьте мне, Валентина Васильевна! Уж я-то в этом толк знаю...

Ада была уверена, что Валентина ей поверила. Впрочем, она поняла, что успеет убедиться в этом лично, потому что завтра Орлова прилетает в командировку именно сюда, в столицу, и готова встретиться с Адой. Девушка дала ей номер телефона их гостиничного номера.

Но это будет завтра, а сегодня Юрий Юрьевич сообщил им, что его сестра чувствует себя неплохо и очень хочет с ними, наконец, познакомиться.

Анна Юрьевна полулежала на подушках, и видно было, что она очень волнуется. Наверное, именно знакомства с этой женщиной и не хватало Аде, чтобы сказать такие слова, которые сразу же сблизили их всех.

— Я так рада, так рада, что вхожу в вашу семью... Что мы будем одним замечательным целым... Я всегда буду любить вас, поверьте! И вашего... то есть моего... то есть нашего Андрюшу...

— Девочка моя! Я знаю — у тебя умерла тетя... Позволь мне тоже быть тебе тетей... Я постараюсь... — И они обе заплакали.

— Стоп, стоп! Этак вы превратите наш дом в одно большое озеро, — забеспокоился Юрий Юрьевич. — А мои книги? А все мои бумаги? Вон сколько папок! Им вредна сырость...

У Юрия Юрьевича был удивительный дом, он как будто весь состоял из книг. Казалось, что и стены его были сложены из печатной продукции, а не из кирпичей. Ада так ему и сказала, а он улыбнулся. Он вообще теперь почти все время улыбался. Чувствовалось, что ему тоже не хватало такой вот семьи и он страшно рад, что она появилась — тем более, что сам приложил к этому руку.

— А когда вы поженитесь-то? — спросила Анна Юрьевна. — Я ведь в загсе всю жизнь проработала, тысячи молодых-то расписала, только сама вот осталась не расписанной... Так когда надумали-то?

— Да так быстро все с этой Канадой решилось, тетя... Там уж зарегистрируемся, — ответил Андрей.

— Да здесь-то бы лучше... И мы бы все порадовались... А хотите — завтра, а? Я позвоню своим в Сергиев Посад, договорюсь. Там вас и распишут...

— Ада, ты... согласна? — волнуясь, спросил Андрей.

— Да... Только маме надо сообщить... Может, приедет... Хотя... Ведь еще траур не кончился. Можно разве?

Анна Юрьевна поднялась с дивана и превратилась в высокую, крепкую и решительную женщину.

— Ада! Скажите — ваша тетя радовалась вашему предстоящему замужеству? Ей нравился Андрей?

— Да...

— Тогда при чем здесь траур? Пусть она порадует за вас и на том свете... Главное — не формальности соблюсти, а сохранить память о ней... Так мне звонить в загс?

— Звони, конечно, чего спрашиваешь! — вмешался Юрий Юрьевич. — Разбавим дворянскую кровь простой, нашей, но интеллигентной... Правильно я говорю? Кстати, ваши наследственные дела, Ада, требуют более глубокого изучения... Возможно, мы еще не все знаем... Есть еще кончик, за который можно потянуть... Но там дело уже, вероятно, коснется вашей матушки...

— Тетя посылала запросы в архивы Вильнюса и Варшавы. Но мы не получили ответов...

— Можете и не получить. С этим большие сложности. Но уж для вас с Андрюшей я расстараяюсь!

Анна Юрьевна уселась к телефону и стала накручивать диск, а Андрей подвел Аду к окну, обнял ее за плечи и неожиданно сказал:

— Я все понял... Это не за меня надо было Юрию Юрьевичу опасаться, а за тебя... Ты ведь тогда выскользнула из электрички и пошла в сторону леса... Прямо к маньяку...

— А я думала, что ты меня не сразу хватился...

— Не сразу? Да я нажимал стоп-кран, но это мудрое устройство не сработало! И ты там, в лесу, правильно поступила... У тебя больше не было выхода... Но вот сейчас, перед нашим решительным шагом я тебя прошу, я умоляю — не прикасайся более к оружию... Никогда... Понимаешь?

— Клянусь. Клянусь, что кроме того игрушечного пистолета, что лежит в моей сумке, я больше не прикаснусь ни к какому оружию... Пожалуйста, верь мне... Меня мучила эта моя тайна, но я не решалась тебе сказать... Прости. Теперь у меня больше не осталось тайн, кроме...

— Кроме Владимира Ильича? Кстати — что это был тогда за спектакль?

— Спектакль? В этом Ильиче... ну, в этой скульптуре были деньги бандитов! Один из них умирал за стеной нашей квартиры, я пыталась ему помочь, и он в благодарность завещал мне эти доллары... Он сказал, что они принадлежат ему... И место указал, где эти сокровища находятся... Я нашла, но не успела взять и перепрятала в то, что оказалось под рукой... В вождя революции... А его тут же решили увезти на свалку! Но я не давала! Пока не забрала оттуда то, что мне было завещано! И купила гараж! И спрятала деньги там в погребе! А сейчас купила на них недвижимость своим «божикам»! И еще осталась куча денег!

Андрей вдруг сник и пробормотал что-то насчет бедных родственников, к которым его, вероятно, можно сейчас причислить.

— Ты — мой любимый родственник... Это — наши деньги. Посоветуйся с Юрием Юрьевичем — может, часть оставить ему, чтобы он с умом ими распорядился? Или положить в какой-то банк?

Видя, что Андрей не решается взять деньги, которые она перед ним выложила, Ада позвала Баева и объяснила, в чем состоит их трудность.

— Банки лопаются, как мыльные пузыри. Оставьте мне, Андрюшенька, свои... гм... накопления... Сделаю что смогу. Думаю, обысков у меня больше не будет...

Они оставили себе часть валюты, которую можно было задекларировать, а также сумму, необходимую на первое время, и Ада почувствовала, что с нее словно упал большой груз. Теперь — все, она с чистым сердцем пойдет под венец, она ничего не скрыла, Андрей все про нее знает... Хорошо это или плохо — покажет время, но она поступила так, как хотела. И баста!

К ним подошла сияющая Анна Юрьевна и оповестила, что регистрация назначена на следующий день.

— Но у меня нет свадебного платья! И мама вряд ли успеет приехать... — воскликнула Ада и тут же позвонила домой.

Неожиданно голос матери показался ей таким родным, что телефонная трубка стала мокрой от слез. У матери, кажется, было такое же состояние. Она обещала приехать, несмотря на плохое здоровье мужа. Ада попросила позвонить ей вечером и сообщить, когда она приедет, а потом положила трубку, подошла к Андрею и молча обняла его. Она по-прежнему понимала, что жизнь — это страшная мясорубка, и потому каждому надо держать ухо востро, чтобы остаться целым и невредимым, но теперь чувствовала, что это ее уже не касается, что она — словно на другой планете, где жизнь движется совершенно иначе...

Ночью Ада долго не могла уснуть. Она дотянулась рукой до бледно-зеленого платя, которое они купили для регистрации, и отметила, что цвет этот выбрала в честь тети...

Глава 14

Свадьба

Они вышли из загса, и Ада чувствовала себя необыкновенно счастливой. Софья Андреевна с Анной Юрьевной остались дома готовить праздничный стол, туда же с утра отправились и Лика с Матреной, а Баев и Валентина Васильевна чинно шли следом за молодыми.

— У вас, Валентина Васильевна, довольно узкие понятия о труде вообще, и о моем в частности, позвольте вам заметить. Какие-то доперестроечные... Пора мыслить во всемирном, так сказать, масштабе... — говорил Юрий Юрьевич.

— Ага. В космическом.

— Да, да, не смейтесь. Я исследую связь времен, родов и народов... Уверяю вас — пройдет время, и этим будут заниматься целые институты... И сотрудники там будут получать за это свою зарплату... Мне же ее никто не платит, и я вынужден добывать ее сам. За свой адский труд. Помощники-то есть, конечно... А вы это осуждаете... Вы еще не научились мыслить глобально о пользе Отечеству...

— Я думаю о реальной пользе... Упущенной... Ведь вы же не платите налоги со своих так называемых заработков?

— Вы думаете не о реальной, а о сиюминутной пользе, уважаемая Валентина Васильевна! Но... А я вот возьму и заплачу эти самые налоги! Тогда вы что скажете?

— Ха-ха! Я скажу, что вы очень интересный человек... И я люблю так ошибаться... наоборот. Сначала думать о талантливом человеке плохо, а потом приходит к иному выводу... А насчет ваших глобальных, космических масштабов... Я бы и рада думать в таком формате, да преступники не дают... Мозги-то у них пока не такие... масштабные. И преступления, сами знаете, бывают зверские, грубые, страшные... Но мне нравится их раскрывать. Знали бы вы, до чего это увлекательно! Преступник обманул всех, пошел на авантюру, отличающуюся умом, смелостью, наглостью, и думает, что он победил, забрался на вершину... А я иду по его следам — пирамида рушится, и он падает с высоты... Знаете, чем мне нравится ваша Ада? Она многое натворила, но при этом осталась справедливой и... честной.

— А натворила-то — не страшное там чего-нибудь?

— А это уж ее тайны! Думаю, все в норме. В норме нашей сегодняшней жизни, во всяком случае.

— А вы свои корни не искали, Валентина Васильевна?

— А я их знаю. Пока, правда, до четвертого колена...

— Напишите мне на бумажечке имена ваших предков, а я посмотрю. Чем черт не шутит! А вдруг...

Этот интересный диалог был прерван необходимостью садиться в машину и мчаться к свадебному столу.

Зачем описывать то, что и так каждый себе представляет? Скажу одно — женщины постарались на славу, чтобы всем в эти часы было хорошо и радостно. И дело было, естественно, не только в отлично приготовленных блюдах и праздничном убранстве дома. Софья Андреевна целовала Аду так, как, верно, не целовала ее с детства, словно наверстывала упущенное... Анна Юрьевна тоже называла новобрачную доченькой, чмокала ее в обе щеки и прижимала к своему сердцу ее руку... А Матрена с Ликой вдруг вышли в русских сарафанах и заявили, что сейчас будут петь частушки, посвященные молодым, чтобы свадьба хоть немного смахивала на старинные. И сразу же понеслось:

Наша Адочка мила,

Нет ее милее!

Закусила удила —

Выбрала Андрея!

Ты, да я, да мы с тобой —

Нам ниче не надо!

Только муж чтоб молодой

Любил нашу Аду!

Когда все расселись за столом, сразу стало шумно, звонко, весело! Их было всего восемь человек, а казалось, что здесь гудит большая свадьба. За шумом никто не услышал, как к дому подъехала машина. Услышала только Матрена, которая тут же объявила, что сейчас всех ждет какой-то сюрприз. Дверь распахнулась, и на пороге появились три добрых молодца — Гаркуша, Чуб и Денис Иванович, которых тут же усадили за стол.

Хороших слов никто не жалел — их был целый океан, а еще все моря и реки, вместе взятые. «Горько» устали кричать — вернее, молодые устали вставать и целоваться. Песни не смолкали, разговоры — тоже.

Когда свадьба стала утихать, Ада подошла к Валентине. Она знала, что может долго не увидеться с этой женщиной, а между тем ей не давал покоя один интересный вопрос.

— А помните, Валентина Васильевна — вы утверждали, что в ходе расследования мысленно общаетесь с преступниками? Что у вас это получается? Но не рассказали мне, как. Пообещали сделать это после окончания следствия...

— Вообще-то оно еще не закончено. Мы вышли на заказчиков убийства, но они — здесь, в столице, а вокруг них — мощная охрана... Во всех смыслах... Может, нам их пока и не взять... Хотя доказательств вполне достаточно... Для ареста же эти деятели предназначали Арнольда, выбрали его козлом отпущения... Знали, что рыло у него в пуху, что он и так вскоре окажется за решеткой, и поручили ему разделаться с бизнесменом... Возможно даже — рассчитывали, что у него это не получится, но попытка убийства будет зафиксирована и Вологодский сам сойдет с дистанции... Они не могли знать, что в качестве киллера Арнольд выберет вашу отлично стреляющую и умеющую тут же исчезать тетю... И она не сможет отказаться...

— Так вы мысленно общались с этим Арнольдом, да? И с тетей?

— С тетей я общалась и реально, воочию. Меня тянуло к ней, а ее, кажется, ко мне... Помните, я утверждала, что мы с преступником идем на встречу друг другу... Но ведь двигали-то нами прежде всего мысли! У тети вашей они были сконцентрированы на убийстве Славы... А с Арнольдом получилось сложнее, потому что его мысли оказались разбросанными сразу на несколько преступлений — словом, сумятица... Тут уж помогло другое — негласное наблюдение, ваши показания...

— Я буду писать вам. Вы мне ответите?

— Обязательно!

Ада колебалась — говорить или нет Валентине о компьютерных исследованиях Андрея, которые — она убеждена — здорово могут помочь и в работе сыщика. Только ведь пока неизвестно, будут ли они продолжены... И все-таки рассказала о компьютерном мозге, который со временем сможет давать ответы на все вопросы. В том числе и о преступлениях и преступниках. И дело не только в устройстве искусственного мозга, но и в его способности к внушению, гипнотическому воздействию на человека. Она вынула из сумочки и протянула Валентине листок бумаги, на котором был изображен текст в том виде, в каком он появился на экране компьютера. В определенных словах между некоторыми буквами внизу стояли какие-то странные значки. Ада объяснила, что этот текст был запущен в Интернет для гипнотического воздействия на определенную группу лиц, и по их последующему поведению можно было понять, что компьютерный эксперимент достиг своего результата.

Валентина внимательно просмотрела текст и попросила оставить его у себя.

— Как жаль, что вы не рассказали мне об этом раньше! Ваш Андрей мог бы нам помочь... Ведь мы проделали похожий опыт, только на радио и телевидении... И он дал неплохие результаты, продвинул нас вперед.

— А я узнала про опыты Андрея только здесь, в Москве... Мой муж необычайно талантлив, — с гордостью подчеркнула Ада.

— Вы тоже... изобретательны, — заметила Валентина.

Но, уловив, что это не очень понравилось собеседнице, попросила на нее не обижаться и вернуться к свадебному столу, ибо кто же в такой день разговаривает о делах!

— Только мы! — хором заметили женщины и рассмеялись.

А к ним уже шел сияющий Андрей и нес в руках какой-то маленький чемоданчик. «Неужели компьютер?» — подумала Валентина. Чемоданчик открылся, замерцал голубой экран, и Андрей, повернувшись к Аде, торжественно произнес:

— Сегодня мы заложим в компьютер нашу общую страничку! Как мы ее назовем, а?

Ада задумалась. Если бы это была только ее страничка, она бы назвала ее «Божья коровка». С этой коровкой на цветке, красивой и беззащитной, ее, с подачи Гаркуши сравнивали «божиком» и пели про ее деток, которые кушают котлетки...

— Всегда! Пусть эта страничка называется — «Всегда!».

— Пусть! Ты молодец, моя умная, талантливая девочка! Всегда! Это всеобъемлюще... Это — весь мир!

— Весь мир... Весь мир... — подхватила его слова Ада.

А когда человек думает обо всем мире, то этот мир становится добрее, а люди счастливее, как, например, Ада и Андрей сейчас. И как хорошо, что не перевелись еще на земле счастливые люди!..

Эпилог

Вот так счастливо и закончилась эта трагическая история. Что же стало дальше с ее героями? Ада и Андрей недолго прожили в Канаде, чужой для себя стране, хотя все у них там складывалось удачно. Ада усовершенствовала там свой английский и овладела французским языком. Как только вопрос о возвращении на родину и о перенесении сюда части фирмы был улажен с дядей, они сразу же оказались в Москве, но, поразмыслив,

решили обосноваться в одном из провинциальных городов с хорошей научной базой, чтобы Андрей мог продолжить свои исследования, которыми заинтересовались многие ученые. Здесь же Ада поступила, наконец, в университет на юридический факультет. Установочную сессию, правда, она почти полностью пропустила, потому что именно в это время у них родилась малышка — Верочка. Ее приехала нянчить овдовевшая к тому времени Софья Андреевна. Отношений же с отцом Ада так и не установила...

Юрий Юрьевич Баев все так же увлечен своими генеалогическими поисками. Он приезжал на Верочкины крестины, много общался с Софьей Андреевной и не очень-то хотел возвращаться к себе. Так что, возможно, у этих пожилых людей — общее будущее. Анна Юрьевна своей внучатой племянницы пока не видела — женщина часто прибаливает и далеко от дома ездить не может.

Матрена с Ликой живут дружно. Лика теперь — бухгалтер в крупной фирме. Матрена же, когда позволяет здоровье, торгует на рынке ягодами, овощами, вареньями и соленьями со своего огорода.

Денис Иванович и Чуб часто навещают преуспевающего Гаркуше. Впрочем, они и сами давно обзавелись собственным делом, а поскольку спрос на их труд превышает предложение, то оба не бедствуют, а Чуб подумывает о женитьбе.

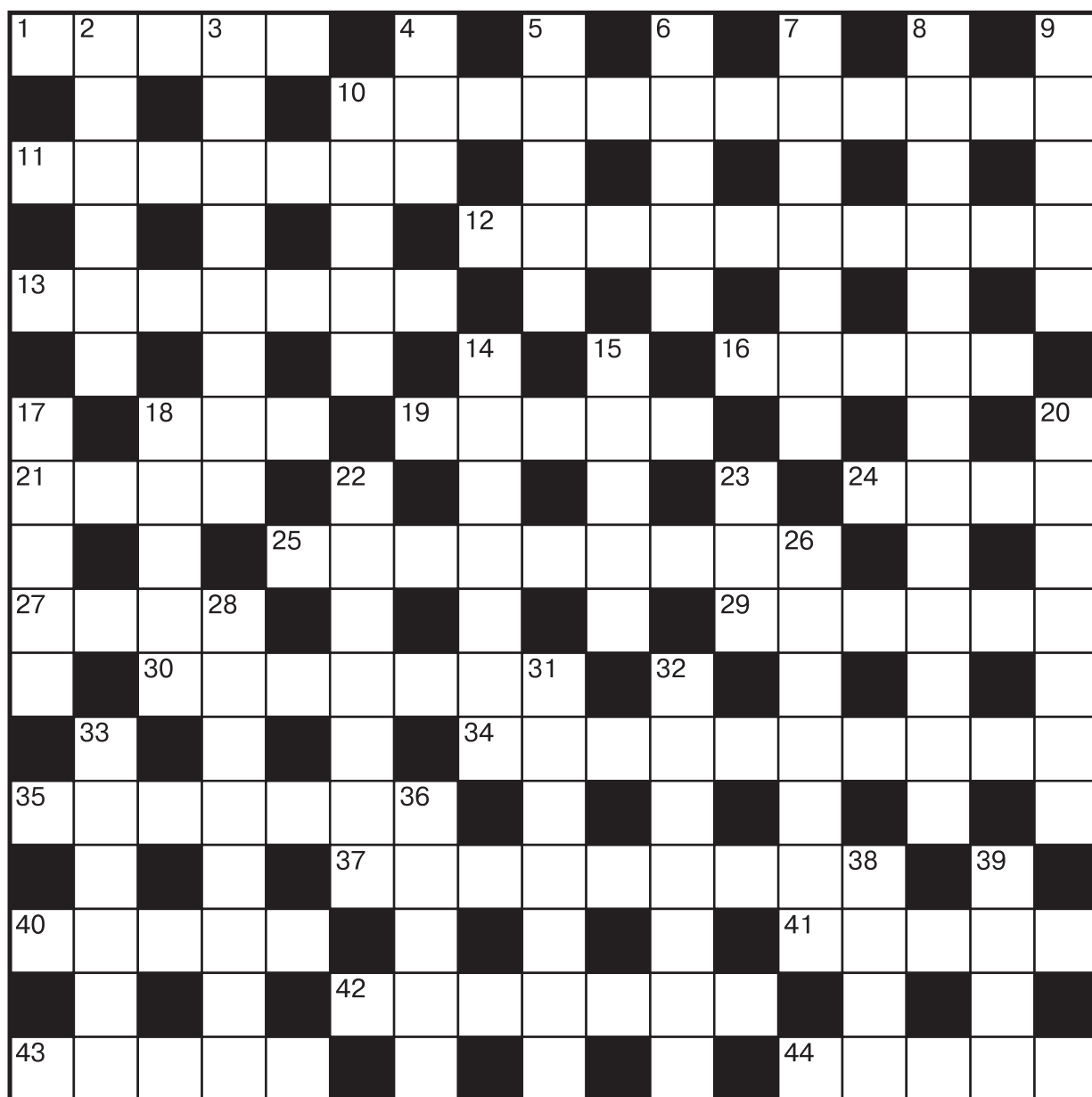
Валентина Васильевна Орлова вернулась в свой родной город. Вернулась одна и сразу же окунулась в массу скопившихся без нее дел. Платон Петрович намеревается к ней приехать — насовсем.

Словом, все живут, как могут, и относительно счастливы.

Но Валентина, занимаясь уже совсем другими людьми и связанными с ними преступлениями, никак не может отделаться от вопроса, который мучает ее все это время — права ли она была, оставив Аду без наказания? Ведь знала же, и если бы понадобилось, смогла бы доказать, что именно эта девушка убила Арнольда. Убила выстрелом в затылок. Нечто подобное она совершила и до приезда к тете — говорила, что вынуждена была защищаться. И Валентина ей верила. Можно было раскопать и тот случай — что конкретно там все-таки было... Стоило установить, где обитала Ада, и посмотреть сводку происшествий в тех местах... Но Валентина этого не сделала. Она испугалась, что еще одна сломанная ее усердием жизнь — в данном случае молодой девушки — тяжким бременем ляжет на ее совесть...

А права она или нет — этот вопрос Валентина, верно, будет задавать себе всю оставшуюся жизнь, потому что он вечен... И когда на земле становится несколькими мерзавцами меньше, то лучше просто порадоваться этому, а не спрашивать о том, на что не существует однозначных ответов... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** В каком городе служил вице-губернатором Михаил Салтыков-Щедрин? **10.** Суть YouTube. **11.** Младший из братьев Карамазовых у Федора Достоевского. **12.** Таблетка «вместо подсчета овец». **13.** Товарная цензура на государственной границе. **16.** Какого патриарха Всея Руси лично допраши-

вал Феликс Дзержинский? **18.** Куда трезвенники не ходят? **19.** Легенда гласит: когда погибнет последний из этих служащих лондонского Тауэра, погибнет и Англия! **21.** Какой газ «витают в воздухе»? **24.** Куда достал билеты товарищ Новосельцев? **25.** Что позволяет безнаказанно дразнить бульдога? **27.** Любимая музыка

Сержа Генсбура. **29.** Какой древний царь стал прозвищем полицейского? **30.** Профессионал победы. **34.** Какой из обитателей океанских глубин «способен видеть» даже спиной? **35.** «Многоярусные полки». **37.** Столичный театр, основанный Аркадием Райкиным. **40.** Какой камень мистически приносит пользу, если только его хозяин честен? **41.** Лодка американских индейцев, перекочевавшая в большой спорт. **42.** Повод, чтобы «потупить взор». **43.** Где пасутся коровы, чью кожу используют для отделки салона «Бугатти»? **44.** Какой из морских хищников чаще нападает на сильный пол?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Чья ослица однажды заговорила? **3.** «Институтская управа». **4.** У кого из гоголевских героев «железное лицо»? **5.** Электронная музыка индустриальной эры. **6.** Каким занятием с десяти лет закалял себя будущий великий завоеватель Тимур? **7.** Она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков. **8.** Русская биография. **9.** Инкогнито из уравнения. **10.** Классический русский романс

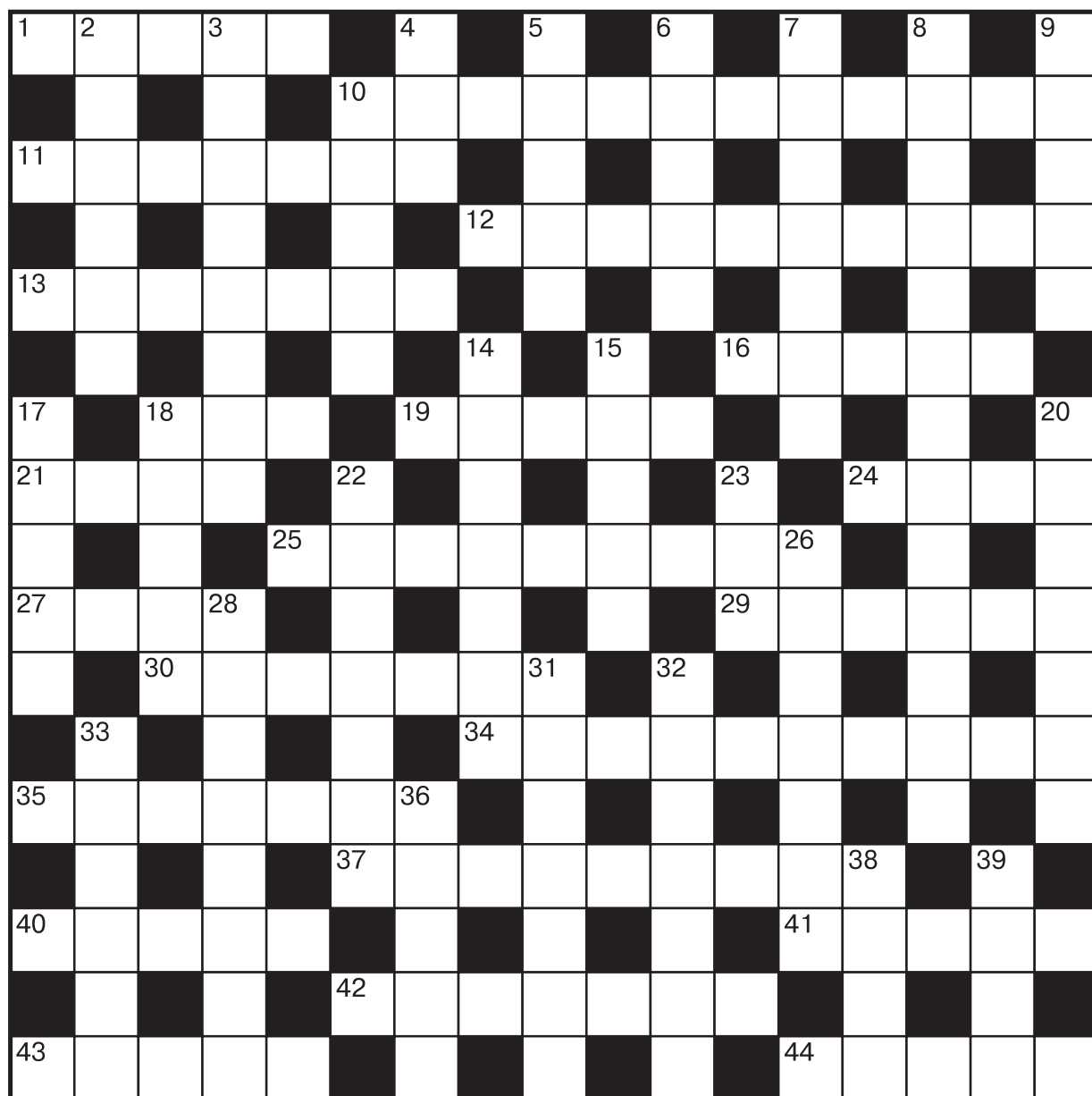
«Не для меня придет ...» **14.** Что следует держать двумя руками, дабы не попасть себе же по пальцам? **15.** Блюдо с булькающим шоколадом. **17.** Какую «Черную кошку» ловил Глеб Жеглов? **18.** Кто «выгодно отличается от других в пользу имущества»? **20.** «Домкрат тиражей» у «желтой прессы». **22.** Какой американский теннисист семь раз побеждал на Уимблдонском турнире? **23.** Факт, потерявший метрики. **26.** Какой из овощей при любом способе приготовления активно поддерживает здоровье нашей кожи? **28.** Кем подрабатывал Поль Гоген при строительстве Панамского канала? **31.** Какому великому русскому флотоводцу поставлен памятник в Севастополе? **32.** Какое качество Софья из «Горя от ума» ставила в вину Чацкому? **33.** Что убило Триш Данн из романа «Утраченный символ» Дэна Брауна? **36.** Патриарх нашего кино, ставший актером «с подачи» Федора Шаляпина. **38.** Какая спортивная империя сделала «крыло победы» своим логотипом? **39.** Кто познакомил доктора Уотсона с Шерлоком Холмсом?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Суета. **7.** Шапка. **10.** Куприн. **12.** Балалаечник. **13.** Агрессор. **14.** Лесоруб. **17.** Кабриолет. **18.** Соло. **19.** Шок. **22.** Голыш. **23.** Артистка. **24.** Кокон. **26.** Видеокамера. **28.** Гоген. **30.** Форд. **31.** Махно. **32.** Звук. **34.** Сон. **36.** Романс. **38.** Командир. **39.** Гандбол. **40.** Сито. **41.** Комикс. **42.** Возраст.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Экран. **2.** Спартак. **3.** Виссарион. **5.** Удар. **6.** Туалет. **8.** Анчоус. **9.** Каир. **11.** Басов. **12.** Боборыкин. **14.** Лев. **15.** Бортпроводник. **16.** «Гопак». **17.** Кокос. **20.** Драконбол. **21.** Сигма. **22.** Голод. **25.** Декан. **26.** Вес. **27.** Аферист. **28.** Грамота. **29.** Актриса. **31.** Мордор. **33.** Юнг. **35.** Пафос. **37.** Сало. **38.** Кокс.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Германское племя, с которым воевал император Марк Аврелий. **10.** Искусство осады городов у древних греков. **11.** Коллекционер почтовых наклеек. **12.** На каком факультете учился Гарри Поттер? **13.** «Оленьи рожки» для начинки пельменей. **16.** Меланхолический танец у пакистанок. **18.** Первый мусульманин, ставший мэром Лондона.

19. В каком местечке после недолгого правления при невыясненных обстоятельствах погиб император Петр III? **21.** Боевой серп у малайцев. **24.** Чем жители Плюка расплачиваются? **25.** Улица города в Древнем Риме. **27.** Какой мерой в прежние времена французы определяли рост человека? **29.** Сын каменотеса Софрониска и повитухи Фенареты.

30. Слуга феодала из средневековых времен, ставший крутым чиновником ныне. **34.** Свод законов императора Юстиниана. **35.** Какое дерево древние египтяне посвятили богине Хатхор? **37.** Единственный врач, кому пациенты советов не дают. **40.** Тригорская подруга Александра Пушкина. **41.** «Канат» из птичьих перьев и растительных волокон на островах Санта-Крус. **42.** Кто из обычного до того ремесленника в платоновском диалоге «Тимей» вдруг превратился в «творца Вселенной», что и закрепилось в дальнейшем? **43.** Народная артистка СССР, дружившая с Борисом Пастернаком. **44.** Единственный официальный муж божественной Марлен Дитрих.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Французский молодежный сленг. **3.** Священный мост Мекки. **4.** Марсианские сутки. **5.** Чуть ли не самый почитаемый бог римских легионеров. **6.** Карточный турнир. **7.** Технология дистанционного образования. **8.** Какой звездой стал разбившийся насмерть люби-

мец Диониса? **9.** «Певец фламенко». **10.** Горбатый первенец Карла Великого. **14.** Отравительница, чьими услугами пользовались императоры Калигула и Нерон. **15.** Символический камень творения у масонов. **17.** Испанская волынка. **18.** Пояс в наряде палестинцев. **20.** Последний день исполнения сделки. **22.** Первый российский энхаэловец, приглашенный по окончании карьеры на тренерскую работу в команду «Нью-Джерси». **23.** «Кувшин» по меркам эллинов. **26.** Какому зодчему приписывают создание Фаросского маяка, ставшего одним из «семи чудес света»? **28.** «Хозяин Петрограда», державший для своей кухни бывшего царского повара в голодном 1920-м году. **31.** Самый легковесный из благородных металлов. **32.** Чем шведские крестьяне когда-то были обязаны платить часть налога на землю? **33.** Вышитая подушечка с кисточкой посередине. **36.** Венгерский штрудель. **38.** Албанская «губерния». **39.** Доктор, чей портрет кисти Винсента ван Гога в 1990 году продали за 75 миллионов долларов.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Огове. **7.** Баттю. **10.** Амбуаз. **12.** «Бернарделли». **13.** Онобатис. **14.** Кошонет. **17.** Люминофор. **18.** Тени. **19.** Кут. **22.** Легюм. **23.** Криадера. **24.** Кагат. **26.** Каррабамита. **28.** Кесон. **30.** Айат. **31.** Терри. **32.** Ялда. **34.** Шот. **36.** Кудеяр. **38.** Гермоген. **39.** Женеввер. **40.** Друэ. **41.** Амосов. **42.** Болонцы.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хамос. **2.** Абсолют. **3.** Фаталитет. **5.** Гиес. **6.** Вендор. **8.** Амелет. **9.** Туле. **11.** Орлов. **12.** Бинойюган. **14.** Коб. **15.** Тегестологист. **16.** Видам. **17.** Лузан. **20.** Эрцбергер. **21.** Заумь. **22.** Лабет. **25.** Армет. **26.** Кох. **27.** Каркаде. **28.** Кардиум. **29.** Кайнова. **31.** Товеро. **33.** Тяж. **35.** Умами. **37.** Рено. **38.** Герц.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2018 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков Индекс 70656 — годовая подписка
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, **КОНКУРС!**

Дорогие читатели!

Когда в нашей жизни что-то случается неприятное, мы обычно ссылаемся на невезение, рок или судьбу и никогда не задумываемся над тем, что та же «судьба» порой посылает нам в помощь определенные знаки, которые надо только разглядеть и понять.

Нам интересно, а были ли у вас такие ситуации, когда некий «знак свыше» помог вам найти правильное решение или что-то изменить в вашей жизни в лучшую сторону. Вот мы и решили в 2018 году объявить среди наших подписчиков

новый конкурс «Знаки судьбы».

Ждем ваших интересных историй!

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес:

tomasmena@mail.ru до 20 ноября 2018 года.

Не забудьте указать свой возраст и профессию.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2019-го. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

